

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА
В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале имён существительных)**

ТАТЬЯНА ТРОЯНОВА

ТАРТУ 2003

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА
В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале имён существительных)**

ТАТЬЯНА ТРОЯНОВА

TARTU UNIVERSITY
PRESS

Отделение русской и славянской филологии Тартуского университета,
Тарту, Эстония

Научный руководитель: проф. И. П. Кюльмоя

Научный консультант: доц. Э. А. Вайгла

Диссертация допущена к защите на соискание учёной степени доктора философии по русскому языку 27 июня 2003 г. Учёным советом Отделения русской и славянской филологии Тартуского университета

Оппоненты: проф., доктор филологических наук М. А. Шелякин
 доц., кандидат филологических наук П. А. Эслон

Защита состоится 8 сентября 2003 г.

© Татьяна Троянова, 2003

Tartu Ülikooli Kirjastus
www.tyk.ut.ee
Tellimus nr. 459

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Принятые сокращения	12
Часть 1. Метафорический перенос и семантическая структура слова	13
Глава 1. Языковая метафора и аспекты её изучения	13
Глава 2. Процесс метафоризации	18
Глава 3. Языковая метафора и способы её классификации	22
Глава 4. Особый тип языковой метафоры — ласкательные и бранные наименования	28
Глава 5. О сопоставительном изучении языковой метафоры в современной лингвистике	33
Часть 2. Антропоцентрическая метафора: модели переноса в русском и эстонском языках	36
Глава 1. Метафорический перенос «человек — человек»	36
Глава 2. Метафорический перенос «животное — человек»	70
Глава 3. Метафорический перенос «предмет — человек»	86
Глава 4. Метафорический перенос «мифологическое существо — человек»	103
Глава 5. Метафорический перенос «растение — человек»	111
Глава 6. Непродуктивные модели антропоцентрической метафоры	116
Глава 7. Специфика метафорических наименований мужчины и женщины в русском и эстонском языках	121
Заключение	130
Использованная литература	139
Публикации по теме диссертации	152
Kokkuvõte	153

ВВЕДЕНИЕ

Практически во все эпохи, начиная с античных грамматик, лингвисты руководствовались представлениями об универсальности определённых явлений в языке. Первоначально само понятие универсальности было связано с семантическими законами, которые предполагались в основе каждого языка: различие между языками определялось только на фонетическом и грамматическом уровнях, а «семантический аспект считался всюду одинаковым, поскольку мышление, знаком которого является слово, повсюду едино» [Троцкий 1996: 28].

Сегодня необходимость сопоставительного изучения семантической системы языков ни у кого не вызывает сомнения. Это отнюдь не означает, что доказано отсутствие близости, сходства в развитии смысловой системы различных языков или же «отменяется» понятие семантических универсалий: к ним, безусловно, относится синонимия, причисляются два из трёх типов мотивированности: фонетическая (*гром*) и семантическая (*каланча*). Несомненной семантической универсалией, конечно же, является полисемия — наличие у слова двух и более связанных значений. Трудно представить себе язык, в котором для наименования любого нового явления, предмета и т. д. появлялась бы новая номинативная единица. Ранее считалось, что на распространение полисемии влияет прежде всего прогресс цивилизации. Бесспорно, было бы интересно исследовать в более широких масштабах отношения между многозначностью и культурным развитием нации, однако представляется, что полисемия зависит и от чисто языковых факторов. Несомненно, для их выявления должны быть подробно изучены типы развития вторичных значений: метафора, метонимия и таксономия (родо-видовые отношения в смысловой структуре слова) — изучены не только на материале одного языка, но и в сопоставлении.

С этой точки зрения безусловную важность имеет «сплошное», по выражению Р. А. Будагова, исследование лексики, которое позволило бы делать убедительные выводы на фактическом материале. Автор настоящей диссертации представляет себе эту работу — изучение переносных значений слов, именующих человека, т. е. антропоцентрической метафоры — именно как некий фрагмент такого «сплошного» исследования.

Интерес к метафоре, характеризующей человека, не случаен. В последнее время одной из самых актуальных проблем лингвистики стало изучение отражения человека в языке: его психологии, мышления, биологических способностей — «проблема как сущности языка, так и сущности его носителя», как определяет её М. А. Шелякин [Шелякин 2002: 16]. Исследование антропоцентрической метафоры во многом непосредственно

связано с изучением этой проблемы: она интересна уже потому, что помогает раскрыть, каким видит себя человек в зеркале языка.

Кроме того, анализ переносных значений с единым объектом может быть полезен и для решения теоретических проблем метафоры в целом. В последние десятилетия XX века интерес к этому явлению в семантической структуре языка необыкновенно возрос: появилось множество сборников и монографий, посвящённых проблемам метафоры (см. [Арутюнова 1979], [Метафора в языке и тексте 1988], [Теория метафоры 1990], [Симашко 1991], [Скляревская 1993], [Харченко 1992] и др.), исследование её стало поистине многосторонним и разноаспектным. Однако в настоящий момент ощущается очевидная потребность лингвистической науки в детальном, полном анализе различных лексико-семантических групп и их возможностей метафоризации: если достаточно подробно описаны, например, переносные значения зоонимов и предметной лексики в разных языках, то метафорическое использование наименований человека практически не подвергалось исследованию, тогда как для дальнейшего развития теории метафоры необходима богатая практическая база. Автор настоящего диссертационного сочинения надеется, что проведённое им исследование антропоцентрической метафоры в какой-то мере восполнит этот недостаток.

Цели работы мы видим в следующем:

1) изучить проявление такого семантического явления в языке, как антропоцентрическая метафора, в пределах различных лексико-семантических групп;

2) описать и определить сходства и различия в реализации различных метафорических моделей на материале имён существительных двух разносистемных неродственных языков — русского и эстонского;

3) установить по мере возможности причины этих сходств и различий;

4) выявить закономерности и тенденции появления вторичных переносных значений, метафорическим объектом которых становится человек.

Следует отметить, что в число задач, поставленных автором диссертации, не входит выявление иных образных языковых средств (сравнений, идиоматических единиц и т. д.), которые нередко соответствуют переносным значениям, характеризующим человека, в том или ином из сопоставляемых языков. Наше внимание будет сосредоточено именно на метафоре — на возможностях её развития и реализации в языковой системе.

До настоящего момента подобное исследование языковой метафоры на материале русского и эстонского языков не проводилось. Возможности метафоризации только одной лексико-семантической группы — артефактонимов — были описаны нами в магистерской диссертации «Полисемия русских и эстонских артефактонимов (опыт сопоставительного анализа)».

Отсутствие работ, в которых в сопоставлении изучались бы переносные значения слов, может быть объяснено объективными причинами — прежде всего отсутствием полного толкового словаря эстонского языка, который стал бы источником исследуемого материала (первые выпуски его появились только в 1988 г.).

Итак, в представленной работе впервые объектом исследования стала семантика большой группы слов — существительных, используемых для метафорической характеристики человека.

Базу исследования составили материалы, полученные путём сплошной выборки из *Словаря русского языка* под редакцией А. П. Евгеньевой и *Русского семантического словаря* под редакцией Н. Ю. Шведовой, а также толкового словаря эстонского языка *Eesti kirjakeele seletussõnaraamat*. В связи с тем, что последний из указанных словарей не издан до конца (последний выпуск включает в себя лексемы на букву Т), для полного охвата материала были использованы рукописи и черновики, любезно предоставленные работниками Института эстонского языка при Академии наук Эстонии. Поскольку в ходе работы неоднократно возникали трудности, связанные с различной интерпретацией семантики лексем авторами словарей-источников (некоторые несоответствия в представлении значения слова, формулировке общего и частных значений), для справок использовались также синонимические, словообразовательные, фразеологические и этимологические словари, а также словари иностранных слов. При исследовании метафорических наименований мужчины и женщины были привлечены данные, полученные в ходе опроса информантов-носителей эстонского языка.

Изучению подверглась семантическая структура 551 русского и 412 эстонских многозначных слов (соответственно 576 и 431 метафорическое значение). В ходе исследования сопоставлялись значения существительных обоих языков: исходное и вторичное (переносное), при помощи компонентного анализа выявлялись семы, лежащие в основе метафорического переноса, попутно исследовались сопровождающие процесс метафоризации изменения стилистической окраски слова, появление оценочности и экспрессивности.

В результате проведения сплошной выборки исследуемый материал составили слова следующих лексико-семантических групп:

- 1) наименования человека;
- 2) зоонимы;
- 3) названия растений;
- 4) предметная лексика;
- 5) наименования веществ и явлений, связанных с физическим миром;
- 6) названия болезней;
- 7) абстрактные существительные.

Отметим, что решение проблемы различения самостоятельного значения и его оттенков не входило в число поставленных перед нами задач. Поэтому в ряде случаев указанные авторами словарей-источников оттенки значения включались нами в число анализируемых номинаций, если в них наблюдалась реализация той или иной модели метафорического переноса.

Из общего корпуса материала были исключены некоторые заимствованные слова (*саие*, *канарее* и др.), значения которых в исследуемых языках не ощущаются как связанные, т. е. могут быть оценены как омонимичные.

Настоящая работа состоит из двух частей. В первой части — «Метафорический перенос в структуре слова» — обосновываются теоретические положения исследования.

С опорой на работы лингвистов разных лет: от античных авторов до представителей современной языковедческой науки (таких, как Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. В. Гак, Г. Н. Складневская, В. П. Москвин и др.) выявляются различные аспекты изучения метафоры и направления её исследования, сложившиеся на сегодняшний день (глава «Языковая метафора и аспекты её изучения»).

Особенности метафоры как одного из типов развития вторичного значения слова рассматриваются во второй главе первой части — «Процесс метафоризации».

Как уже отмечалось выше, в лингвистике выделяется несколько направлений изучения языковой метафоры. Соответственно, существуют и различные классификации, отражающие самые разные аспекты её исследования. Наиболее важные из них с точки зрения лингвистического описания метафоры представлены в главе «Языковая метафора и способы её классификации». Здесь же приводится и классификация, используемая нами при анализе нашего материала.

Глава «Особый тип языковой метафоры — ласковые и бранные наименования» посвящена языковому явлению, которое до сих пор либо определялось исследователями как конечный этап развития метафоры — «выветривание» метафоричности, либо вообще не рассматривалось в рамках этого языкового явления. В данной части работы мы предпринимаем попытку доказать, что десемантизированные ласковые и бранные наименования человека, используемые, как правило, в функции обращения, могут быть рассмотрены как особый тип языковой метафоры, в основе которого лежит оценочная коннотация.

Обоснование необходимости сопоставительного исследования языковой метафоры, а также описание работ по русско-эстонской сопоставительной лексикологии содержит заключительная глава первой части работы — «О сопоставительном изучении языковой метафоры в современной лингвистике».

Во второй части работы — «Антропоцентрическая метафора: модели переноса в русском и эстонском языках» — представлен собственно анализ многозначных существительных, используемых в переносном значении для наименования человека. Каждая из глав отражает исследование одной из возможных моделей развития антропоцентрической метафоры. Завершает анализ глава «Специфика метафорических наименований мужчины и женщины в русском и эстонском языках», в которой отражены результаты изучения русских и эстонских переносных наименований человека, соотносимых исключительно с мужчинами или же женщинами.

Сделанные в ходе анализа выводы обобщаются в Заключение.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЛЗ	— лексическое значение
ЛСГ	— лексико-семантическая группа
Мтф	— метафора
Мтф-	— метафорический (например, <i>Мтф-перенос</i> — метафорический перенос)
ППС	— прямая признаковая связь
ОПС	— опосредованная признаковая связь
РЯ	— русский язык
ЭЯ	— эстонский язык

Часть I

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Глава I

ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА И АСПЕКТЫ ЕЁ ИЗУЧЕНИЯ

На настоящем этапе развития лингвистики большое внимание уделяется антропоцентрическому аспекту — отражению человека в системе языка (см. [Антышев 2000], [Арутюнова 19986], [Бабаева 1996], [Воркачѳв и др. 1997], [Габышева 2003], [Гак 2000], [Колесов 2002], [Шелякин 2002], [Шмелѳв А. Н. 2002], и др. работы).

Безусловно, язык — продукт человека: его мысли, его деятельности, его многовекового опыта, и то, что он отражает мир человека, естественно и логично: «Вне опыта нет языка. Это положение есть частная модификация того общего положения, что не может быть языка вне человека и независимо от человека. Все естественные человеческие языки представляют собой структурно организованную классификацию человеческого опыта, и содержанием деятельности общения с помощью языка в конечном сѳте всегда является опыт» [Звегинцев 2001: 131].

Наиболее ярко антропоцентричность языка проявляет себя в лексическом составе: он в определённой мере показывает степень освоения вселенной — название получает то, что обнаружено, что замечено, что поддаѳтся изучению, или хотя бы то, о чѳм человек догадывается. Таким образом, лексика становится вместилищем культурных и нравственных ценностей его носителя. Так, каждый естественный язык отражает менталитет определённой нации, и лингвистические исследования способствуют изучению национальных особенностей: «Задача познания национальных особенностей трояко важна: и практически, для взаимопонимания народов при контактах; для самопознания народа: что есть «я» в отличие от «другого»; наконец, теоретически: что есть «мы», человек вообще, по истине и существу, и что ему подлинно нужно, то есть через варианты — познать Инвариант. Он не дан нам в прямом опыте, а даны конкретные народы, так что добираться до него приходится косвенным путѳм» [Гачев 1995: 13].

Итак, изучение лексики существенно не только с собственно лингвистической точки зрения, но и с точки зрения исследования этнических особенностей, нашедших отражение в языке, ведь, как отмечает В. М. Шаклеин, «называя предмет или явление, представители этноса

делают их объектом этнической мысли, которая оперирует ими как уже национально интегрированными предметами и явлениями» [Шаклеин 1999: 64]. В связи с этим лингвистическая наука обращается к изучению лексического значения слова и как «хранителя» традиционных представлений, культурных норм и стереотипов.

Несомненно, важную роль в становлении и развитии лексической системы любого языка играет метафора (далее — Мтф): она становится источником новых значений слов, которые выполняют номинативную (*ножка стула, журавль колodца*) и характеризующую (*каланча, дуб о человеке*) функции.

Универсальные семантические процессы, в число которых входит и языковая Мтф, с одной стороны, основаны на общечеловеческих законах мышления, с другой — имеют свои особенности проявления в каждом языке, следовательно, можно говорить о том, что существует как общее, так и различия и в способе и частоте образования многозначных единиц, и в обусловленности их спецификой системы конкретного языка.

Исследовательский интерес к Мтф насчитывает не одно тысячелетие: исходной точкой в изучении этого явления считают **античную филологическую науку**. Уже там мы находим многочисленные попытки определить Мтф как многоплановое и разнообразное в своих проявлениях языковое средство.

Античную теорию Мтф связывают прежде всего с именем Аристотеля, определившего её как «перенесение слова с изменённым значением из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или в форме пропорции» [Античные теории 1996: 184] и представившего, таким образом, первую — широкую — классификацию Мтф.

В своей «Поэтике» Аристотель отмечает, что сущность такого переноса наименования состоит прежде всего в открытии аналогии между предметами, явлениями, лицами и т. д.: «Создавать хорошие метафоры, значит подмечать сходство»¹. Именно эта функция — улавливать сходство — легла в основу более поздних определений Мтф (ср., например, у Феофраста: «Перенос обязан, как говорится, быть скромным и переходить с достаточным основанием на сходный предмет»).

Сходство, возможность выявить аналогию, лежащую в основе Мтф позволили античным философам и риторам провести параллель между переносным употреблением слова и сравнением: «метафора есть сравнение, сокращённое до одного слова» (Цицерон), «метафора есть укороченное

¹ Здесь и далее высказывания античных авторов цитируются по [Античные теории 1996].

сравнение» (Квинтилиан), «сравнение — это расширенная метафора» (Деметрий).

Появление Мтф в языке и речи объяснялось в античной филологической науке необходимостью: изначально она возникла «под давлением бедноты и скудости словаря», и только потом «метафорические выражения, введенные из-за недостатка слов, стали во множестве применяться ради услаждения» (Цицерон). Таким образом, античные учёные решали вечный вопрос о первичной функции Мтф: с их точки зрения, изначально она была средством номинации и лишь позже стала использоваться для характеристики.

Уже в античной риторике обращается внимание на цели использования Мтф. По словам Феофраста, «применяется перенос либо ради того, чтобы предмет предстал перед нашими взорами (ради наглядности), либо в целях краткости речи, либо во избежание непристойности, либо для возвеличения предмета, либо для его умаления, либо для его приукрашения» [Античные теории 1996: 229], т. е. особенно подчёркивается образность («наглядность») Мтф, её способность ёмко и глубоко передавать суждение минимальными языковыми средствами, эмоциональность и оценочность. Последнее особенно важно, так как отражает широкие возможности Мтф в создании выразительности.

Античная теория языка объясняет и выбор объекта Мтф с психологической точки зрения. Так, например, Аристотель, давая совет, как правильно построить и употребить Мтф, писал: «если желаешь представить что-нибудь в хорошем свете, следует заимствовать метафору от предмета лучшего в этом роде вещей; если же хочешь выставить что-нибудь в дурном свете, то следует заимствовать её от худших вещей» [Античные теории 1996: 188].

Как понятно из приведённых выше высказываний, Мтф рассматривалась античными авторами прежде всего как художественное средство, троп. Однако они отмечали и особенности «обиходной», языковой, неавторской Мтф: «она почти всё употребляет в переносном значении, но мы не замечаем этого — с такой уверенностью это делается» [Античные теории 1996: 233].

В современной науке художественную и языковую Мтф принято различать и рассматривать как смежные явления, имеющие общую природу: «Метафора — **троп** или **механизм речи**, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Арутюнова 1998а: 296].

Появление переносного значения при языковой Мтф становится выражением общего для всех носителей языка опыта, опирается на осознаваемые говорящими семантические возможности слова — следовательно, зависит от коллективного сознания: «совпадение знаний о мире обуславливает совпадение ассоциаций, что и делает языковую Мтф объективной и всеобщей» [Скляревская 1993: 8]. Художественная же Мтф отражает индивидуальное видение мира; по мнению В. Н. Телия, она «субъективна и случайна» [Телия 1977: 192–194]. Она оказывается всегда связанной с контекстом и, в отличие от языковой Мтф, не может быть рассмотрена как самостоятельная языковая единица. Кроме того, можно говорить о беспредельности в порождении Мтф как тропа, противопоставленной исчислимости переносных значений, закреплённых в системе языка. Г. Н. Скляревская отмечает также, что переносное значение как результат языковой Мтф может быть структурировано и подведено под типовые схемы, в то время как художественная Мтф внесистемна.

Итак, художественная и языковая Мтф могут быть противопоставлены по ряду признаков (см.: [Скляревская 1993: 30–31]).

Языковая Мтф	Художественная Мтф
общеупотребительность	индивидуальность
анонимность	авторство
системность	окказиональность
воспроизводимость	стихийность

Если художественной Мтф как тропу уделяется внимание в работах по риторике и поэтике, то языковая Мтф как вторичная номинация, которую отличает семантическая двуплановость и наличие образного элемента (осознаваемые или неосознанные говорящими в настоящий момент развития языка), является предметом исследования целого ряда отраслей лингвистической науки. Можно выделить несколько аспектов и соответствующих им направлений изучения Мтф (см. [Арутюнова 1998а: 296], [Скляревская 1993: 6–11]):

1) **семная структура Мтф**, механизм образования переносных значений (семасиологическое направление², представленное в работах Н. Д. Арутюновой, Ш. Балли, В. А. Звегинцева, Н. Д. Шмелёва, У. Вейнрейха, В. В. Гака, Г. Н. Скляревской, В. Н. Телия, В. К. Харченко и др. лингвистов);

2) **Мтф в пределах разных лексико-семантических групп** (лексикологическое направление: работы О. Н. Алёшиной, Е. И. Голановой,

² Наименования направлений исследования Мтф даны Г. Н. Скляревской [Скляревская 1993].

Н. Э. Гронской, Е. А. Гутмана, Ф. А. Литвин, М. И. Черемисиной, З. Ю. Петровой, С. Л. Мишлановой, В. Н. Харченко и др.);

3) **Мтф как объект лексикографии** (лексикографическое направление: статьи и монографии В. В. Виноградова, М. М. Козловской, Х. Д. Лезметс, Г. Н. Скляревской, Т. А. Трипольской, Н. Д. Шмелёва, В. И. Шаховского, А. Ыйм и др.);

4) **морфологические, словообразовательные и синтаксические свойства Мтф** (собственно лингвистическое направление: исследования Э. А. Аллмере, Н. Д. Арутюновой, Л. В. Балашовой, В. В. Виноградова, В. Н. Телия, а также О. П. Ермаковой, П. А. Соболевой, Н. А. Янко-Триницкой);

5) **Мтф как стилистическое средство** (лингво-стилистическое направление, к которому могут быть отнесены монографии и статьи Э. С. Азнауровой, Е. А. Иваненко, Е. Ф. Петрищевой, Н. В. Поздняковой, Г. Н. Скляревской и др.);

6) **Мтф как средство создания экспрессивности** (экспрессиологическое направление: исследования В. Ю. Апресяна и Ю. Д. Апресяна, А. А. Брагиной, Э. А. Вайгла, Е. М. Вольф, В. А. Звегинцева, О. В. Загоровской и З. Е. Фоминой, В. Н. Телия и др.);

7) **предметная отнесённость Мтф**, соотношение языковых единиц с внеязыковыми объектами (ономасиологическое направление: исследования Н. Д. Арутюновой, В. В. Гака, А. Ф. Журавлёва, Г. В. Колшанского, Ю. С. Степанова и др.);

8) **логическая основа Мтф** — с позиций теории референции (логическое направление: работы Н. Д. Арутюновой, Г. С. Баранова, М. Блэка, У. Вейнрейха и др.);

9) **Мтф как средство познания внеязыковой действительности** (гносеологическое направление: труды М. Блэка, В. В. Виноградова, В. В. Гака, Ю. Н. Караулова, Н. Г. Комлева, Д. Лакоффа и М. Джонсона, В. Н. Телия, Ф. Уйлрайта и др.);

10) **Мтф как ассоциативный механизм** с точки зрения интерпретации и восприятия в речи (психолингвистическое направление: труды Л. С. Выготского, Й. Аллика, Р. М. Гайсиной, К. К. Жоля, И. А. Стернина и др.)

Как видим, современная наука стремится к исследованию Мтф во всех её проявлениях. Уже это — достаточно условное — перечисление направлений доказывает многогранность самого объекта исследования. Этим, видимо, и объясняется факт существования в лингвистике множества классификаций Мтф.

ПРОЦЕСС МЕТАФОРИЗАЦИИ

Как уже отмечалось, языковая Мтф является одним из средств, используемых при вторичной номинации — в одном ряду с метонимией, таксономией и словообразовательной полисемией.

Мтф оказывается непосредственно связана с познавательной деятельностью человека. Она отражает творческое осмысление человеком окружающего мира, в основе которого лежит опыт: «Мтф — наиболее мощное средство формирования новых концептов, т.е. отражение в языковой форме нового знания о мире — эмпирического, теоретического или же художественного освоения действительности <...> в Мтф прослеживается само зарождение мысли и её осуществление в языке» [Телия 1986: 81]. Изучение Мтф, как отмечает К. К. Жоль (см. [Жоль 1984: 11]), становится одним из способов исследования человеческого мышления, в частности — логических законов процесса номинации, которые, как представляется, универсальны. При том, что Мтф — явление, несомненно, сложное с точки зрения психологии, понимание её, способность выявить мотивы её развития должны быть общими для носителей любого естественного языка — как для говорящего, так и для слушающего.

В развитии Мтф, как известно, участвуют четыре компонента: два объекта и некоторые свойства каждого из них, которые порождают чувство аналогии, позволяющее отыскивать сходство между этими объектами — конкретными предметами, явлениями, лицами и даже абстрактными понятиями. Причём, по наблюдению исследователей, Мтф возникает прежде всего тогда, когда между объектами сопоставления больше различий, нежели общего: при большинстве расхождений сходство становится тем заметнее и ярче. С точки зрения Н. Д. Арутюновой, «Мтф начинается с операции со смыслами, противной логическому мышлению, и приходит к подчинению смысла законам логики» [Арутюнова 1979: 171].

Описание любой Мтф-модели должно включать в себя такие составляющие, как замысел и цель, соотносимые непосредственно с результатом переноса, основание, представляющее собой формирующуюся идею об объекте наименования, и вспомогательное понятие — прямое значение как закреплённое в языковой системе представление об определённом компоненте окружающего мира [Телия 1988: 37].

Метафоризация, по мнению В. Н. Телия, включает в себя следующие процессы, действующие в сознании говорящего одновременно:

1) допущение о подобии двух сущностей: порождаемая аналогия позволяет выделить только те признаки исходного объекта, которые совместимы с денотатом;

2) процесс фокусировки, при котором создаётся определённый контекст для актуализации возникающих в процессе метафоризации признаков и ассоциаций;

3) процесс фильтрации, при котором совмещаются необходимые семантические компоненты исходного и переносного значений.

Таким образом, Мтф — «это способ создания новых концептов с использованием знаков, уже имеющихся в данной семиотической системе» [Телия 1988: 48].

Начинаясь с определения признаков вспомогательного, исходного объекта, Мтф приходит к выведению признаков основного субъекта: суть её состоит либо в отборе признака, присущего исходному объекту Мтф и сопоставляемого с природой денотата, либо в переосмыслении его.

Представляется, что отбор этого признака (или набора признаков) не может быть объяснён без определения мотивации Мтф (пусть и — нередко — бессознательной). Так, например, большую способность конкретной лексики к метафоризации можно объяснить тем, что выявляемые признаки в таких случаях обладают «вещной» сущностью — они определяются зрительным, слуховым или же тактильным восприятием.

Изучая языковую Мтф с точки зрения её структуры, мы обращаемся к принципу компонентного анализа, ведь переносное значение оказывается связанным с исходным номинативным значением неким смысловым элементом, отражающим конкретные признаки. Процесс развития Мтф при этом может быть определён как трансформация в семной структуре слова. В связи с этим мы будем выделять в ЛЗ слова следующие компоненты:

архисему (эта составляющая смысла, как правило, изменяется при Мтф-переносе)

+ дифференциальные семы, определяющие постоянные и обязательные признаки, позволяющие выделить данный предмет / явление / лицо из числа ему подобных

+ периферийные семы, обозначающие второстепенные признаки

+ потенциальные семы, отражающие признаки, связанные с представлениями, которые не являются отражением реальности (с ними зачастую связано явление коннотации — характеристики слова с точки зрения экспрессивности, эмотивности, выражения оценки, стилистической маркированности и прагматической направленности).

Самые различные семы, отражающие признаки основные, второстепенные и вымышленные, могут актуализироваться при метафоризации и лежать в основе создаваемого в процессе переноса образа — как в «чистом» виде, так и подверженные трансформации. Для определения свя-

зующего звена между прямым и вторичным значениями Г. Н. Складаревская вводит понятие символа Мтф — элемента семантики, который «служит основанием смысловых преобразований в процессе метафоризации» [Складаревская 1993: 47]. Символ Мтф может быть представлен как одной, так и несколькими семами, и связан как прямо, так и опосредованно с исходным значением слова. На наш взгляд, термин является многозначным, что затрудняет его использование, однако само понятие, введённое исследователем, отражает разнообразие проявления и сложность самого процесса метафоризации.

Известно, что нередко Мтф-процесс непосредственно связан с формированием оценки. При этом экспрессивно-оценочная Мтф обладает более сложной структурой, т. к. эмотивность здесь уже становится целью, ради которой и создаются такие Мтф. «Экспрессивно-оценочная Мтф — это результат такого смыслопроизводства, который сохраняет в “готовом” наименовании исходный модус фиктивности, оценочный модус (который и маркирует данный тип Мтф-значения)» [Телия 1988: 50].

Известно, что лексическая семантика слова моделируется из трёх основных компонентов [Шаховский 1983]:

- 1) логико-предметный компонент (называет денотат);
- 2) эмотивный компонент³ («функцией эмотивной коннотации является эмоциональное сопровождение логико-предметной номинации, передающее эмоциональное отношение говорящего к объекту наименования в целом и к его отдельным признакам»);
- 3) функционально-стилистический компонент (регулирует выбор и употребление слова в конкретной ситуации).

Значение любой лексемы в прямом употреблении состоит из логико-предметного компонента, возможно наличие функционально-стилистического. Если в неэмоциональной Мтф и переносное значение моделируется из этих же компонентов, то в Мтф с эмоционально-оценочной окраской структура непрямого значения, как правило, усложняется: присутствуют все три компонента — присоединяется эмотивный компонент, обязательным становится функционально-стилистический.

К сожалению, на данном этапе проведённого исследования невозможно более подробно исследовать эмоционально-экспрессивную функцию Мтф, непосредственно связанную с её стилистическими возможностями: исследование такого рода могло бы быть основано на информации, полученной экспериментальным путём у носителей языка — тогда можно было бы выявить сферу контекстов, в которых реализуется оценка, определить возможности изменения эмоциональности при употреблении слова в переносном значении и т.д. На настоящий момент мы можем использовать только данные словаря (подача стилистических помет в которых не

³ Вторая и третья составляющие носят факультативный характер.

всегда отличается системностью) и соответственно им констатировать наличие у русских и эстонских многозначных лексем Мтф-значений, содержащих в себе оценку характера, внешности и деятельности человека, общественного явления и т.д.

В целом же, «изучение Мтф позволяет увидеть то сырьё, из которого делается значение слов. Мтф, т. е. столкновение признаков гетерогенных субъектов, есть стадия в переработке сырья, этап на пути от представлений, знаний, оценок и эмоций к языковому значению» [Арутюнова 1979: 173]. На наш взгляд, классификация Мтф должна отражать этот путь и по возможности дифференцировать различные аспекты формирования переносных языковых значений (объективные и субъективные).

ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА И СПОСОБЫ ЕЁ КЛАССИФИКАЦИИ

Поскольку Мтф — явление разноплановое, то и классификации Мтф, представленные в современном языкознании, отражают самые разные аспекты её исследования. Наиболее важные из них с точки зрения лингвистического описания: функционирования Мтф в современном языке, синтаксической роли её, структуры самого процесса метафоризации — мы попытаемся представить в данной части работы.

На классическое определение Мтф как скрытого сравнения опирается попытка описать её с точки зрения **основы сопоставления исходного предмета и объекта Мтф**. Эта классификация является наиболее распространенной и может быть названа исходной точкой на пути к исследованию Мтф: она представляет структуру её в первом приближении и позволяет выделить следующие типы, основанные на ассоциативных связях по сходству (см. [Новиков 1982: 196–198], [Шелякин 2002: 253–254] и др.):

- 1) внешнего вида (формы, цвета, размера);
- 2) производимого впечатления;
- 3) местоположения, положения в пространстве;
- 4) характера и структуры действия, движения;
- 5) свойства, признака, структуры оценки;
- 6) функции.

Существуют попытки описания языковой Мтф и с опорой на **исходный объект**, например, семиотическая классификация В. П. Москвина [Москвин 1996: 105–106], автор которой предлагает выделять следующие типы Мтф:

- 1) антропоцентрическая (антропоморфная) Мтф, или олицетворение: *берёзки шепчутся*;
- 2) анималистическая (зооморфная) Мтф, при которой исходным объектом переноса становится животное: *револьверный лай, ветер воет*;
- 3) «м а ш и н н а я» Мтф, основанная на сравнении с механизмами: *аппарат управления, механизм торможения*.

Представляется, однако, что подобная классификация является неполной и не отражает все исходные объекты Мтф (например, в ней оказываются неотмеченными предметы (в широком понимании), явления физического мира и т.д.). Несколько неудачным представляется и использование для определения одного из типов Мтф терминов, закреплённых за иными понятиями или же известных в ином

употреблении в лингвистической и литературоведческой науке: *антропоцентрическая, антропоморфная и олицетворение*.

Несомненно важным аспектом при исследовании Мтф становится изучение её с точки зрения **восприятия в современном языке**, поэтому общепринятым является деление языковых Мтф на живые — при употреблении их в речи говорящий осознаёт присущую им образность — и генетические, «стёртые».

Следует отметить, что в настоящее время не все исследователи считают данную классификацию применимой к языковой Мтф. Так, например, Г. Н. Складаревская считает необходимым различать генетическую и собственно языковую Мтф (живую) как смежные явления на том основании, что первая по истечении времени утрачивает связь с исходным предметом, а следовательно, лишается образности и экспрессивности, в результате чего, по мнению исследователя, происходит семантический распад слова (см. [Складаревская 1993: 41]: *кости таза, нос лодки, ножка стула*. На наш взгляд, более убедительна точка зрения В. Г. Гака, полагающего, что подобная языковая единица сохраняет статус Мтф: такое наименование как косвенное противостоит прямому. Представляется, что поскольку невозможно рассматривать Мтф только с точки зрения синхронии, то, видимо, не столь важна осознаваемая говорящим образная связь между исходным денотатом и Мтф-объектом — важна проводимая во времени (в диахроническом аспекте) семантическая их взаимосвязанность. Тем более, что не во всех случаях генетическая Мтф утрачивает развившуюся в ходе переноса наименования экспрессивность, стилистическую маркированность и оценочность, как, например, в лексемах *карга, болван, балда* и т.д.

Уточняя описанную выше классификацию, Н. Д. Арутюнова (см. [Арутюнова 1979: 159–170]) выстраивает свою типологию Мтф. При этом автор связывает роль Мтф в современном языке с выполняемой **синтаксической функцией**:

1) **номинативная («идентифицирующая»)** Мтф (собственно генетическая), составляющая «ресурс номинации, а не способ нюансировки смысла» (именно поэтому слово «освобождается» от образности, присущей переносному значению): *быки моста, журавль (колодца)* и т.д.⁴;

2) **связанная с позицией предиката образная** Мтф, источником которой становится идентифицирующее имя: «Мтф в этом случае есть ресурс, к которому прибегают в поисках образа, способа индивидуализа-

⁴ Видимо, это происходит ещё и потому, что Мтф этого типа наглядна, следовательно, «отвечая акту уподобления, она, однако, не производит вспышки, представляющей предмет в новом, преображающем его свете. Она не подсказывает, а указывает» [Арутюнова 1979: 159].

ции или оценки предмета, смысловых нюансов, а не в погоне за именем» [Арутюнова 1979: 160]: *чурбан, заяц, дуб* о человеке;

3) когнитивная (признаковая) Мтф, «возникающая в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения)» и представленная в основном прилагательными и глаголами, а также отглагольными существительными [Арутюнова 1979: 168]: *острое зрение, шёпот деревьев, улыбка судьбы*;

4) генерализующая Мтф, определяемая автором классификации «как конечный результат когнитивной Мтф», «стирающая в лексическом значении границы между логическими порядками и стимулирующая возникновение логической полисемии»: *сухой человек, блестящий учёный* [Арутюнова 1979: 168].

Такое изучение Мтф позволило автору классификации сделать вывод о том, что «чем теснее связана Мтф с задачами номинации, тем она менее резистентна» [Арутюнова 1998б: 366].

Возможность изучения процесса метафоризации с точки зрения соотношения исходного и Мтф-объектов представлена в классификации В. Г. Гака — структурно-семантической типологии, по определению самого автора, см.: [Гак 1972, 1988]. Он предлагает выделять следующие типы языковой Мтф:

А. Полный Мтф-перенос, при котором переносное наименование не отличается по структуре от исходного: 1) двусторонняя Мтф (*голова — котелок*), 2) односторонняя семасиологическая Мтф (переносное обозначение при этом становится единственным наименованием предмета: *ножка стула*), 3) односторонняя ономасиологическая Мтф (слово, подвергнутое метафоризации, не связывается уже с каким-либо определённым значением, как, например, в слове *вольтить*).

Б. Частичный Мтф-перенос, сопровождающийся изменением в структуре лексемы, например, заменой слова производным: *зуб — зубец вилки*.

Если соотносить классификацию В. Г. Гака с теорией образности Ш. Балли (см. [Балли 1961]), то двусторонняя Мтф, соответствующая конкретной Мтф в концепции Балли, в наибольшей степени способна сохранять образность, ономасиологическая содержит «общий эмоциональный образ» (по Балли), а семасиологическая часто становится мёртвой, стёртой (иначе: этимологической) Мтф.

Поскольку наша работа ориентирована на изучение исходного предмета, основы переноса и результата метафоризации в их взаимосвязанности, то безусловный интерес для нас представляет классификация Г. Н. Складневской, в которой осуществляется попытка выделения **семантических типов Мтф по характеру связи исходного и переносного значений** [Складневская 1993: 48–64]. Многие исследователи

неоднократно отмечали, что в основу переноса может быть положено определённое качество, свойство денотата (см. типологии Л. А. Новикова и М. А. Шелякина), однако не всегда мы можем говорить о сохранении признака исходной реалии в Мтф-объекте: само качество может быть подвержено трансформации. Таким образом, следует уделять внимание различиям семантического элемента, лежащего в основе Мтф (т. е. символа Мтф в терминологии Г. Н. Складневской). Различение Мтф на основе сохранения / изменения начального признака отражается в классификации Г. Н. Складневской, выделяющей:

1) мотивированную языковую Мтф: такая Мтф прозрачна, в ней «присутствует семантический элемент, эксплицитно связывающий Мтф-значение с исходным», механизм её образования понятен: *кремень* — о человеке твёрдого, непреклонного нрава (← твёрдый минерал); *отдушина* — о том, что даёт выход каким-то чувствам, стремлениям, настроениям (← отверстие для выхода воздуха);

2) синкретическую языковую Мтф, которая образуется «в результате смешения чувственных восприятий»: *сладкий чай* — *сладкая мелодия* (акустическое ощущение подменяется вкусовым), *мягкий пух* — *мягкий голос* (акустическое — тактильным) и т.д.⁵;

3) ассоциативную языковую Мтф, которая «базируется на способности отыскивать аналогии между любыми объектами действительности» и делится в свою очередь на:

а) признаковую ассоциативную Мтф, которая обнаруживает признак или ряд признаков, не содержащихся в прямом значении, но «привязанных», по словам автора классификации, к денотату ассоциацией: *базар* — говор, шум, крик, *казнь* — мучение, страдание;

б) психологическую ассоциативную Мтф, где семантический элемент (символ Мтф), лежащий в основе переноса, представляет собой «аморфное семантическое образование», отражающее игру логики: *бревно* — о тупом, нечутком человеке, *кряж* — о невежественном, некультурном человеке.

Сам принцип выделения таких групп, безусловно, логичен, однако не совсем удачны, на наш взгляд, термины *мотивированная* и *ассоциативная* Мтф, т. к. все Мтф являются и мотивированными, и ассоциативными в широком понимании. Кроме того, представляется сложным в ряде случаев различение мотивированной и признаковой ассоциативной Мтф: вряд ли мотивированность доказывается некоей близостью формулировок в словарных статьях (см. выше примеры: *твёрдый минерал* / человек, *выход воздуха* / чувствам), тем более, что толкование переносного

⁵ Такие Мтф, с точки зрения автора, в связи с появлением на раннем этапе человеческого сознания воспринимаются автоматически и поэтому близки к генетической Мтф.

значения даётся при помощи Мтф-значений; основа же переноса может быть легко вычленима и в том, и в другом случае.

Проведения семантического анализа иного рода требовало от нас изучение антропоцентрической Мтф в РЯ и ЭЯ. Необходимо было связать воедино три составляющие, три аспекта изучения Мтф: **исходный объект, основу переноса и объект Мтф**. Поэтому нами был использован подход В. К. Харченко [Харченко 1973], в результате чего весь анализируемый материал был разбит на две группы: Мтф с **прямой** (ППС) и **опосредованной признаковой** (ОПС) связью. Различие между ними состоит в том, происходит или же не происходит в процессе метафоризации трансформация самого лежащего в основе переноса признака. При втором типе Мтф — ОПС — происходит обязательное переосмысление самого лежащего в основе признака, причём здесь роль посредника между исходным и Мтф-значениями «может выполнять не одна сема, а множество сем (обычно нерасчленённое, диффузное), которые скрыты в глубине семантической структуры и извлекаются из неё при метафоризации» [Скляревская 1993: 46–47].

Поскольку наше исследование опирается на анализ, проводимый на уровне семной структуры Мтф и учитывающий происходящие при формировании переносного значения трансформации, то в ходе работы подход, предложенный В. К. Харченко, развился в классификацию с вычленением следующих видов Мтф с ППС:

1) ППС-1 — Мтф, основанные на дифференциальных признаках предмета, явления и т.д. (т.е. при формировании переносного значения наиболее значимыми становятся дифференциальные семы, обозначающие постоянный обязательный признак), например:

каланча ‘пожарная вышка’

Опорная дифференциальная сема:
высокое строение ⇒

Мтф-значение:
разг. о человеке очень
высокого роста

2) ППС-2 — Мтф, основанные на периферийных семях (обозначающих второстепенные признаки, нередко связанные с общечеловеческими культурными и религиозными знаниями):

вакханка — жрица бога Вакха, участница празднеств-вакханалий

Опорная дифференциальная сема:
обязательное участие в вакханалиях ↓

Опорная периферийная сема:
сладострастие ⇒

Мтф-значение:
о сладострастной женщине

3) ППС-3 — Мтф, основанные на потенциальных семях (отражающих признаки, связанные с культурными и бытовыми пред-

ставлениями, которые, как правило, не являются отражением реальности):

лиса, лисица — хищное млекопитающее с острой мордой и длинным пушистым хвостом

Потенциальная сема:

хитрость \Rightarrow

Мтф-значение:

о хитром, лъстивом человеке

В последнем типе ППС интересен не только процесс метафоризации, но и сама «история» ассоциации — в основу переноса ложится признак, «придуманый» самим человеком (как, например, приписываемая лисе хитрость). И уже на этой характеристике, данной животному, лицу, предмету и т.д. самим человеком, базируется Мтф-значение. Причём в подобных случаях нельзя говорить об ОПС, поскольку сам признак, лежащий в основе Мтф-переноса, не переосмысливается и не трансформируется⁶. Д. Н. Шмелёв, описывая Мтф такого типа, отмечал: «такого рода признаки связаны не с понятием об определённом явлении, а с вызванными теми или иными обстоятельствами о нём, ассоциациями, которые во многих случаях перестают быть непосредственно живыми для говорящих, которые диктуются им сложившейся (выделено нами — Т. Т.) семантикой слов» [Шмелёв 2002: 35–36].

Представляется, что подобный подход к исследуемому материалу позволяет рассмотреть с помощью лингвистического аппарата (семного анализа) разные аспекты явления Мтф и выявить закономерности его развития.

⁶ Необходимость выделения Мтф такого рода как особого подвида не раз отмечалась исследователями: так, например, В. П. Москвин в своей статье «Классификация русских метафор», предлагая усложнить функциональную классификацию делением живых (образных) Мтф на Мтф-символы и условные Мтф, под последними понимает перенос, основанный «на различных фантастических представлениях, согласно которым свинья является олицетворением нечистоплотности, баран — глупости, сова — мудрости и т.п.» [Москвин 1996: 112].

ОСОБЫЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ МЕТАФОРЫ —
ЛАСКАТЕЛЬНЫЕ И БРАННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ

При изучении языковой Мтф за пределами внимания исследователей — и, следовательно, за рамками классификаций — нередко остаётся достаточно многочисленная группа слов — наименования человека, использующиеся, как правило, в функции ласкового или бранного обращения, например: *солнышко*, *золотко*; *чертяка*, *паразит*, *lilleke*, *maasikas*. То, что подобные лексемы до сих пор не становились объектом самостоятельного изучения, по-видимому, вполне объяснимо: комментарий, который исследователи обнаруживают в словарях: «ласковое обращение» или «употребляется как бранное слово» — может на первый взгляд представляться недостаточным (сложно исследовать развитие значения, если само значение как будто «отсутствует» и замещается функцией в речи). Как правило, исследователи рассматривают такие наименования в качестве примеров слов с неясной Мтф-основой, говорят о «выветривании» метафоричности.

Однако, на наш взгляд, данное языковое явление заслуживает более пристального внимания по нескольким причинам. Во-первых, настораживает отсутствие чётко сформулированного переносного значения. Основные функции Мтф, как известно, заключаются в том, чтобы назвать ещё неназванное, используя ресурсы языка, или же характеризовать с помощью «чужого» имени то, что уже было названо. В таком случае непонятно, с какой целью могла быть подвергнута метафоризации та или иная лексема, ставшая таким десемантизованным обращением, — она не выполняет известные функции Мтф.

Во-вторых, используя при анализе переносных значений в качестве отправной точки классическое определение Мтф как скрытого сравнения, мы, как правило, в ходе анализа не можем вычлени́ть семы, лежащие в основе подобной аналогии. Поясним это положение на примерах. При употреблении слова в Мтф-значении свойства того, о ком мы говорим, просматриваются через свойства того, чьим именем они обозначаются, отмечает В. Н. Телия (см.: [Телия 1977], [Телия 1988]). Например, когда мы называем человека *лисой* мы, несомненно, подразумеваем, что он, с нашей точки зрения, подобен лисе в хитрости. Однако если мы, обращаясь к человеку, именуем его *ангелом*, то

мы, таким образом, демонстрируем лишь хорошее отношение к собеседнику, независимо от того, обладает он «ангельским характером» (кротостью, добротой, порядочностью) или нет. Более того, когда в качестве эксперимента информантам-нефилологам было предложено объяснить значение слова *ангел* в предложениях: *Она ангел! — Ангел мой, не сердись!*, то те подчеркнули, что в первом высказывании речь идёт о добром, порядочном, спокойном человеке, а во втором случае объяснение представляло собой подбор синонимов из того же списка «ласковых обращений», например: *Это то же, что золотце, душ-ка, солнышко*.

В-третьих, бранные и ласковые наименования имеют общую синтаксическую функцию обращения, которая отличается от характерной для существительных в Мтф-употреблении позиции предиката.

Столь значительные отличия от «классических» Мтф-наименований указывают на необходимость более внимательного рассмотрения данной группы слов.

Несомненно, определённая сложность анализа таких лексем влияет и на возможности представления их в лексикографических источниках: при сборе материала обратила на себя внимание некоторая бессистемность при подаче бранных слов и ласковых обращений в словарях. Так, например, в ряде случаев употребление в качестве ласкового обращения или бранного наименования представлено как отдельное, самостоятельное значение, в некоторых же — как оттенок значения. Кроме того, думается, что список этих слов мог бы быть значительно дополнен.

Понятно, что серьёзное, детальное исследование делает необходимым проведение языкового эксперимента, в результате которого был бы дополнен полученный список ласковых и бранных наименований; вероятно, появилась бы возможность описания ситуаций, стандартных для использования подобных слов, и выявления закономерностей употребления их, взаимозаменяемости в определённых условиях. Однако ряд предварительных наблюдений можно высказать уже сейчас.

Можно было бы предположить, что отмеченная различными исследователями «размытость» семантики ласковых и бранных наименований является результатом частого речевого использования и последующего «выветривания» метафоричности, т.е. развитие их значения представляет собой следующую логическую цепочку: формирование характеризующего (образного) Мтф-значения — частое использование в речи — расширение значения — утрата собственно Мтф-значения и переход в разряд десемантизованных обращений. Но такой трактовке противоречит тот факт, что приблизительно половина таких лексем может быть употреблена и в качестве, назовём так,

безусловного Мтф-наименования, не утрачивает его, например: *ангелочек / inglike* — о ребёнке, молодой девушке или юноше милой, приятной внешности; *монстр* — о человеке с особенным физическим недостатком или нравственном, моральном уроде и т.д. Показателен и тот факт, что из слов, не имеющих ещё одного — традиционного — Мтф-значения, значительная часть — лексемы, которые, как правило, и не подвергаются метафоризации, например, эмоционально-оценочные (чаще — грубые) наименования людей (*молокосос, подлец*). Таким образом, можно сделать вывод, что ласковые и бранные наименования являются не следствием развития уже сложившегося Мтф-значения, не результатом «выветривания» метафоричности, а самостоятельным явлением в семантике слова.

Анализ материала показал, что отнюдь не любое слово, подвергаемое метафоризации, может быть использовано в качестве подобного обращения. Для большей части таких лексем важными становятся социокультурные аналогии, обеспечивающие коннотацию такого рода уже в первичном значении.

Наиболее многочисленной является группа негативно окрашенных наименований людей по роду их занятия и положению в обществе, например, в РЯ: *подлец* и синонимичные *поганец, сквернавец* (*устар.* скверный, подлый человек); *злодей, разбойник, каторжник* и т.д. Объяснение использованию приведённых слов в качестве бранных наименований мы видим в том, что в ситуации подобного обращения к собеседнику говорящий подчёркивает, что его отношение к адресату *подобно* (в этом проявляется Мтф-природа!) отношению к людям, негативно оцениваемым обществом (*подлецу, мошеннику* и т.д.).

Подобным образом можно обосновать и употребление терминов родства и дружеских наименований, достаточно частотных в качестве ласковых обращений: используемые как ласково-фамильярные обращения к пожилой женщине *мать* и производные от него *матушка, мамаша, мамочка / matiti*; аналогичные *батюшка* и *папаша* — по отношению к пожилому мужчине; *брат / vend* и производное *братец / vennake, vennas* — фамильярное и дружеское обращение к мужчине, юноше, мальчику; *друг / sõber* (обычно по отношению к близкому лицу) и *приятель* (чаще — к незнакомому человеку), *дитя / laps, lapsuke* (ласковое обращение к юноше, девушке) и примыкающее к данной группе слов *кровинка* (ласковое обращение, обычно родителей к своим детям). Называя человека *брат, друг* и т.д., мы пытаемся сократить дистанцию, выстраиваем ситуацию близости, уподобляя её, таким образом, реальным родственным отношениям.

В функции ласковых и бранных наименований широко используются слова, связанные с семантическим полем религии и мифологии. Показательно,

что в качестве ласковых обращений могут быть использованы только *ангел* / *ingel* и *душа*, а также производные от них *ангелочек* и *душенька*. Остальные же: *сатана*, *чёрт*, *чертяка*, *чертёнок*, *дьявол*, *бес*, *шайтан*, *антихрист*, *шм-шмга*, *кикимора*, *леший*, *монстр* и синонимичные в эстонском языке: *saatan*, *pagan*, *kurat*, *sarvik*, *põrguline*, *kurivaim*, *tont*, *paharet* ‘маленький чёрт, помощник сатаны’, *разг. jeekim* ‘~ чёртик’ — употребляются в качестве бранного наименования.

В отличие от предыдущей группы слов лексика, связанная с животным миром, оказывается связана преимущественно с положительными оценочными коннотациями. В связи с этим хотелось бы отметить, что употребление зоонимов в качестве обращения значительно отличается от использования их в функции Мтф-предиката, как правило, выражающего отрицательную характеристику человека (ср.: *свинья* / *signa*, *змея* / *uss* и т.д.). Особую важность приобретают здесь фольклорные образы, по-видимому, лежащие в основе таких ласковых наименований, как *голубка*, *голубушка*, *голубица* / *tuvike*, *ласточка* / *pääsuke*, *pääsulind*, *касатка*, *лебедь*, *лебедушка*; *turteltuvi*, *turteltuvike* ‘горлинка’, *linnuke* ‘птичка’. К ласковым наименованиям относятся также лексемы *заяц*, *зайчик*.

Закреплены в сознании носителей языка и ассоциации, позволяющие использовать в функции ласковых обращений лексемы *золото*, *золотко*, *золотце* / *kullake*, *сокровище* и *солнце*, *солнышко*, *ягодка* / *maasikas*, в качестве бранных слов — *шваль* / *rämp*s (негодные, дрянные вещи), *язва* (гноящаяся или воспалённая ранка), *шкура*.

Особое внимание следует уделить использованию абстрактных существительных *радость*, *прелесть* как ласковых обращений, поскольку их, на наш взгляд, имеет смысл рассматривать не как следствие метафоризации, а как результат метонимического переноса («*ты приносишь мне радость*», «*тебе свойственна прелесть*»). Подобная трактовка — как переноса с метонимической, но не Мтф-основой — возможна и при анализе употребляемых в качестве бранных обращений грубых наименований лица *образина*, *рожа*, *морда* (предполагаемое развитие: «*у тебя — образина / рожа / морда*»).

В ходе работы с исследуемым материалом мы пришли к выводу, что именно функция обращения, являющаяся основной для слов данной группы, объясняет особенности Мтф такого типа. Подобный перенос совершается именно для того, чтобы назвать человека и через это наименование выразить своё субъективное отношение к нему. Таким образом, человек уподобляется исходному объекту Мтф не определёнными качествами, а тем отношением, которое вызывает к себе. Сама цель создания такой Мтф — выразить свою оценку человека через отрицательные или положительные эмоции, связанные

с объектом Мтф. Процесс метафоризации нередко основывается на актуализации оценочной коннотации, присущей уже исходному значению.

Вместе с тем, функция обращения, в которой наиболее часто и выступают бранные и ласковые наименования, не является «далёкой», «оторванной» от функции предиката. По мнению Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1998б: 115], мы можем говорить о двойственной природе обращения. «Оно — с одной стороны — позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи, а с другой — в аппеллятиве часто выражается отношение к адресату говорящего. Функциональная двойственность ведёт к тому, что в аппеллятиве могут употребляться, а иногда и сочетаться идентифицирующие и предикатные (субъективно-оценочные) дескрипции.»

Итак, нам представляется возможным рассматривать ласковые и бранные обращения как особый тип Мтф, основанный на актуализации оценочной коннотации. Следует отметить также, что если приложить к этому языковому явлению теорию В. В. Колесова о различных возможностях отражения идеи в слове, в результате которой — упрощённо — выделяются соответственно слова-понятия, слова-образы и слова-символы (см. [Колесов 2002]), то можно сказать, что Мтф-обращения проходят путь становления от образов к символам — отсюда и градация по утрате образности и уровню десемантизации.

Поскольку в настоящей работе мы не ставили перед собой цель установить корпус таких десемантизованных Мтф для обоих языков и провести по возможности полный анализ их, то в практической части работы будут отражены только возможности появления и некоторые яркие особенности развития данного типа Мтф. Ещё раз повторим, что изучение этого языкового явления может стать предметом отдельного исследования.

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ МЕТАФОРЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Понимание самой сущности языка невозможно без изучения его смысловой стороны, и, несомненно, особого внимания заслуживает проблема семантических универсалий — того общего, что имеет место в смысловой системе различных языков. «Наличие в языках универсальных семантических категорий обусловлено единством объективной действительности, общими закономерностями её отражения в человеческом сознании, общими для всех людей законами мышления и законами психики» [Гайсина 1990: 62].

По убеждению О. Есперсена, С. Ульмана и других лингвистов, семантическая система языка зиждется именно на общих законах человеческого мышления. В. Г. Гак, обобщая эти наблюдения, приходит к выводу, что «формы семантических процессов должны соответствовать формально-логическим отношениям между понятиями» [Гак 1972: 144], и выделяет пять таких семантических процессов: синонимическое развитие значений, смещение, энантиосемию, расширение или сужение, перенос (метафорический или метонимический). Эти общие семантические процессы свойственны всем языкам, однако проявляться могут в них в различной степени.

В настоящее время можно говорить о всё возрастающем внимании к развитию семантики слова в контрастивной лексикологии, в том числе и русско-эстонской. Вообще же сопоставление с той или иной точки зрения лексики РЯ и ЭЯ находится ещё на начальном этапе развития: работ, посвящённых данной проблематике, сравнительно немного.

В ряде исследований отражено сопоставление тематических групп прилагательных. Так, замечания общего характера об образовании и употреблении прилагательных-цветообозначений в РЯ и ЭЯ содержатся в статье А. Ёйм «Värvinimetuste moodustamisest ning kasutamisest eesti ja vene keeles» («Об образовании и употреблении наименований цвета в эстонском и русском языках») [Ёйм 1983]. В работах М. Лийв рассматриваются эстонские соответствия лексемам *чёрный*, *красный* и *голубой* [Лийв 1982, 1984, 1986]. Более широко проблема сопоставления цветообозначений рассматривается в магистерской диссертации Л. Дерель «Eestlaste ja venelaste värvimaailmast» («О мире цвета эстонцев и русских») [Degel 2003]. Прилагательные, описывающие форму предмета, стали объектом внимания Р. Аллмере в статье, само название которой указывает на предварительный

характер высказанных наблюдений — «К исследованию русских и эстонских прилагательных, описывающих форму предмета» [Аллмере 1986].

Сопоставлению глагольной лексики посвящена работа И. Селицкой и А. Пихлака «Опыт сопоставления глаголов (в эстонском и русском языках)» [Селицкая, Пихлак 1981], в которой рассматривается русский глагол *строгать* и его эстонские эквиваленты.

Внимание исследователей привлекает и анализ тематических групп существительных русского и эстонского языка: примером такого исследования может служить статья «Русско-эстонские наименования месяцев» А. Ыйм [Ыйм 1981].

Отражению семантической структуры лексемы в переводных словарях посвящены диссертация («Семантическая структура слова в переводном словаре (на материале русского и эстонского языков)») и статьи А. Ыйм: «Tähenduse diferentseerumine eesti ja vene keeles» («Дифференциация значения в русском и эстонском языках») [Õim 1980], «К вопросу о стилистической дифференциации лексики в эстонском и русском языках» [Ыйм 1980], «О семантических свойствах слова в русском и эстонском языках» [Ыйм 1984], «Emotsionaalsest sõnavarast tõlkesõnaraamatus» («Об эмоциональных словах в переводном словаре») [Õim 1981], «О выразительности и образности» [Ыйм 1982] — и публикации Х. Лезметс «Отражение семантики слова в двуязычном словаре (На материале «Русско-эстонского словаря» АН СССР)» [Лезметс 1984] и Э. Вескимяги «Vene-eesti sõnaraamatud algastme sõjalise ettevalmistuse vajadustest sõltuvalt» («Русско-эстонские словари в связи с нуждами начальной военной подготовки») [Veskimägi 1985].

Проблемы многозначности косвенно затрагиваются в статьях Х. Лезметс (см. [Leemets 1987], [Лезметс 1988: 92-108]), одна из которых содержит попытку сопоставительного анализа проявления метафоричности в языке на примере так называемых несвободных компаративных членов сравнения (морфологических: *-видный*, *-образный* и др. — и синтаксических: *вроде + сущ.*, *наподобие + сущ.* и т.д.). Общие проблемы переносных значений затрагиваются авторами [Сопоставительной грамматики 1962]. Анализ метафор (как одного из средств создания эмоциональности и оценочности) отчасти содержит в себе исследование Э. А. Вайгла [Вайгла 1978].

Отсутствие работ, в которых в сопоставлении изучались бы переносные значения слов, несомненно, связано с объективными трудностями: издание толкового словаря эстонского языка *Eesti kirjakeele seletav sõnaraamat* началось только в конце 80-ых годов XX века и ещё не завершено. Следовательно, ограничением стало прежде всего отсутствие словаря-источника исследуемого материала.

Однако следует отметить, что сопоставительное изучение метафоры проводилось на материале других языков. Проблемы развития пере-

носного значения и выявление сходств и различий общего характера в метафоризации слов в русском и французском языках отражены в монографии «Сопоставительная лексикология» В. В. Гака [Гак 1977]. Многозначные существительные русского и французского языков, содержащие в своей семантической структуре переносные значения, анализируются также в диссертации на соискание степени кандидата филологических наук И. Д. Белеевой «Сопоставительное исследование русских и французских существительных с развитой многозначностью» [Белеева 2000]. Внимание контрастивному изучению переносных значений на материале латышского и русского языков отчасти уделяется в работе С. Н. Муране «Сопоставительное изучение лексики русского и латышского языков (семасиологический аспект)» [Муране 2000]. Проблемы развития вторичных значений в сопоставительном аспекте затрагиваются в диссертации на соискание степени кандидата филологических наук Е. Е. Минаковой «Комплексный анализ субстантивной полисемии в немецком и русском языках» [Минакова 1992]. Исследованию зоометафор в русском, английском, французском и новогреческом языках отчасти посвящена работа А. А. Киприяновой «Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков)» [Киприянова 1999].

Подробный же анализ переносных значений определённой лексико-семантической группы слов до сих пор предпринимался достаточно редко. В качестве примера успешного исследования такого рода хотелось бы упомянуть сопоставление многозначных зоонимов в русском, английском и французском языках в работах Е. А. Гутмана, Ф. А. Литвин и М. И. Черемисиной (например, [Гутман и др. 1977]).

Представляется, что изучение языковой Мтф на материале различных языков — перспективное направление в сопоставительной лексикологии, поскольку такое изучение Мтф «позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющую его от общего и всеобщего» [Гак 1988а: 13].

При подобном контрастивном исследовании, как отмечает В. В. Гак, целесообразно различать: 1) типы переноса, отражающие переносы между сферами внеязыковой действительности (отсюда деление практической части работы на главы соответственно переносам из одной сферы в другую); 2) подтипы переносов, ограничивающиеся определённой ЛСГ; 3) виды Мтф, объединяющие два слова [Там же, 26]. Системный, комплексный подход к изучению данного языкового явления в сопоставлении представляет ценность не только для лингвистики, но и для психологии: он позволил бы выявить закономерности переноса понятий из одной сферы в другую, отражающиеся в изменениях значений слов.

Часть 2

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА: МОДЕЛИ ПЕРЕНОСА В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Глава 1

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС «ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК»

Наибольший исследовательский интерес в лингвистической науке до сих пор вызывали такие Мтф-модели, как «животное — человек» и «неодушевлённый предмет — человек». Однако одна из наиболее распространённых групп переносных значений — «человек — человек» — остаётся практически не изученной: комментарий общего характера находим в монографии Г. Н. Скляревской «Метафора в системе языка» [Скляревская 1993]; внимание ряду слов-наименований человека по профессии с точки зрения развития у них переносных значений уделяет С. И. Камелова в своей статье «О механизме формирования переносных значений» [Камелова 1997: 58–65] — однако подробный анализ таких лексем не представлен ни в одной работе, посвящённой развитию вторичных наименований.

Думается, что подобное исследование дало бы интересные результаты, поскольку исходной точкой для развития Мтф здесь является трактовка носителями языка самого существования человека, его образа жизни, мировоззрения, деятельности — взгляд человека на самого себя.

Мтф-употребление наименований человека представляет интерес ещё и с той точки зрения, что, по наблюдению Г. Н. Скляревской, «лексика, обозначающая человека по разнообразным характерным признакам, в процессе метафоризации не выходит за пределы «своей» сферы, здесь осуществляется только один регулярный тип переноса: ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК» [Скляревская 1993: 93]. Хотя на нашем материале и были обнаружены случаи использования наименования человека для определения нелица (например, *богомол* — о насекомом, *звездочёт* — о хищной морской рыбе, *tööline* ‘работник’ — о пчеле, *soldat* ‘солдат’ — ‘валет’), однако они единичны и являются скорее исключением из правил, нежели опровержением приведённого выше наблюдения исследователя. Следует обратить внимание на тот факт, что значительная часть таких слов являются терминами.

В данной части работы нами будут рассмотрены Мтф-значения наименований человека (263 Мтф-значений в РЯ и 186 в ЭЯ).

А) Метафорические значения наименований человека по профессии и роду занятий (91 Мтф-значений в РЯ и 67 ЭЯ)

Наименования человека, профессионально связанного с выполнением определённого действия (постоянно или в определённый промежуток времени) или с действием, определяющим его образ жизни, являются одной из самых многочисленных ЛСГ в естественных языках и становятся одним из наиболее частотных источников Мтф-значений.

Лексемы с **прямой признаковой связью** (ППС) значительно преобладают на исследуемом нами материале (77 в РЯ и 59 в ЭЯ). Довольно значительная часть их — 28 и 21 соответственно — базируются на ППС-1. Наши наблюдения подтверждают высказанное С. И. Камеловой замечание, что в ряде случаев переносные значения имён деятеля «возникают в результате перегруппировки компонентов. В этом случае компонент, входящий в толкование прямого номинативного значения, становится ведущим в переносном оценочном значении» [Камелова 1997: 59], происходит актуализация одной из сем. Следует уточнить, что Мтф-значение с ППС-1 у наименований деятеля может быть как оценочным, так и безоценочным, нейтральным.

По нашим наблюдениям, наиболее часто именно безоценочными являются переносные значения, базирующиеся на таком параметре, как функция названного лица. Подобное Мтф-развитие имени деятеля, то есть человека, связанного с определённой деятельностью, ролью в общественном укладе — иначе говоря, функцией — представляется наиболее предсказуемым. Здесь мы можем выделить два способа развития Мтф-значения слов: 1) актуализация функции приводит к расширению значения и выходу за рамки профессиональной сферы; 2) в связи с актуализацией функции в Мтф-значение выносятся необходимые для её выполнения свойства, умения человека:

1) *адвокат / advokaat* — юрист, защищающий обвиняемого в суде

Опорная дифференциальная сема:

функция — защищать обвиняемого на суде ⇒

Мтф-значение:

о том, кто заступает за кого-либо

2) *дипломат / diplomaat* — должностное лицо, уполномоченное правительством для сношений с иностранными государствами

Опорная дифференциальная сема:

функция — налаживать сношения с иностранными государствами ⇒

Мтф-значение:

о человеке, тонко и умело действующем в сношениях с другими

Аналогично: проповедник, проповедница / *jutlustaja*, жрец / ~ *preester* 'священник', боец / *võitleja*, грабитель / *röövel*, *röövija*, стратег / *strateeg*, критуик / *kriitik*, комик / *koomik*, разг. нянька, *eestkostija* 'опекун', устар. кудесник, чародей / *võlur*, следопыт / *jäljekütt*, судья / *kohtunik* / ~ *tsensor* 'цензор', страж / *vahimees*, ратник / *sõdalane*, устар. чаровник + чаровница; запевала, законёрщик, законодатель, кормчий, глашатай, строитель, *luuletaja* 'поэт', ист. *kubjas* 'старостанадсмотрщик'.

Как показывает анализ исследуемого материала, закономерностью в Мтф-значениях слов данной группы является расширение значения — своего рода «перенос» функции из области профессиональных обязанностей и навыков в среду межличностных и общественных отношений: например, *кормчий*² управляет не судом, а общим делом, а установление законов *законодателем*² касается не только государственного устройства.

Пять из перечисленных выше русских лексем: *ратник*, *кормчий*, *глашатай*, *страж* и *строитель* — выделяются из приведённой группы слов, поскольку при переносном употреблении их в любом контексте (в отличие от других слов этой группы) будет присутствовать положительная эмоционально-оценочная коннотация. Следует отметить, что подобная экспрессивная окраска присутствует в переносном употреблении у крайне ограниченного числа наименований деятеля (часть из них будет рассмотрена ниже). Причиной возникновения положительной оценки при метафоризации у первых четырёх из перечисленных лексем, видимо, стал тот факт, что все они уже в первичном значении являются устаревшими, малоупотребительными и — в связи с этим — получают высокую стилистическую окраску⁷.

Несомненный интерес вызывает группа наименований лиц, в обязанности которых входит развлечение публики: *клоун*, *шут*, *паяц*, *гаер* 'шут в барском доме', *скоморох*, *фигляр*, *буффон* 'актёр, играющий комический роли в оперетках и водевилях' в РЯ и *kloun*, *pajats*, *narr* 'шут', разг. *tola* 'шут, клоун, цирковой комик', *veiderdaja* 'скоморох, фигляр, шут'. Несомненно, ведущим признаком при метафоризации становится функция — смешить людей (т.е. мы могли бы отнести эту группу слов к Мтф с ППС-1). Однако в процессе развития переносного значения мы наблюдаем семантический сдвиг: не просто веселить и быть смешным, а быть посмешищем, т.е. такое поведение оценивается носителями языка как унижительное, недостойное, иногда и как поведение глупого человека: эстонские лексемы *tola* и *narr* используются и для наименования глупца. Таким образом, метафоризация сопровождается развитием отрицательной коннотации, а само переносное значение содержит оттенок пренебрежительности (ППС-3).

⁷ Подобное явление, как известно, можно считать характерным для метафоризации: нередко положительную оценку содержат переносные значения именно устаревших слов (ср.: *светоч*).

Мтф-значения наименований человека по роду занятий могут быть основаны и на качествах, в реальности присущих лицу-деятелю, однако число их невелико и в прямом значении этих лексем данный признак является базовым, наиболее важным:

ас — выдающийся по лётному и боевому мастерству лётчик

Опорная дифференциальная сема: выдающийся по мастерству ⇒	Мтф-значение: большой мастер своего дела
---	--

виртуоз / *virtuoso* — артист, в совершенстве владеющий техникой своего искусства (чаще в музыке)

Опорная дифференциальная сема: совершенство в сфере искусства ⇒	Мтф-значение: человек, достигший высокой степени мастерства в каком-либо деле
---	---

Как видим, и в тех случаях, когда говорится об актуализации наиболее важного признака-качества, переносное употребление выходит за рамки профессиональной сферы, и мы можем отмечать расширение значения.

Реальный признак лежит и в основе переносного употребления слова *политикан*: беспринципный политик, неразборчивый в средствах для достижения своих целей → человек, проявляющий ловкость и предусмотрительность в отношениях с другими, в достижении своих корыстных, карьеристских и т.п. целей.

Значительно чаще мы имеем дело с **ППС-2**, т.е. такими Мтф, основой которых становятся периферийные семы (32 в РЯ и 26 в ЭЯ):

оратор / *kōnemees, oraator* — тот, кто произносит речи

Опорная дифференциальная сема: произносит речь ↓	
Опорная периферийная сема: красноречив ⇒	Мтф-значение: о том, кто обладает даром произносить речи, красноречием

спекулянт / *spekulant* — тот, кто занимается спекуляцией

Опорная дифференциальная сема: занимается спекуляцией с целью наживы ↓	
Опорная периферийная сема: корыстен ⇒ нечестен ⇒	Мтф-значение: о том, кто строит свои планы, расчёты на чём-либо, пытается использовать что-либо в корыстных целях

живодёр (устар.) — тот, кто профессионально занимается убоем животных

Опорная дифференциальная сема:

убивает животных ↓

Опорная периферийная сема:

характер профессии: проявление

жестокости ⇒

Мтф-значение:

о жестоком человеке, мучителе (другое переносное значение этого слова будет описано ниже, см. ОПС)

Периферийная сема актуализируется также в лексемах: *поэт* / *luuletaja*, *poeet* (в двух переносных значениях: о человеке, творчески относящемся к своему делу; о человеке, поэтически воспринимающем мир), *suurnik* ‘сановник’ → о богатом человеке, ист. *паладин*, *рыцарь* / *rüütel*, ист. *паж* / *paaz*, *философ* / *filosoof*, *учитель* / *õpetaja*, *палач* / *timukas*, *эксцентрик* / *ekstsentrisk*, *статист* / *statist*, *шпрейкбрехер*, *мясник* / *lihunik*, *шпион* / *spioon*, *гетера* / *hetäär*, *казуист* ‘юрист, искусный в разборе запутанных, сложных дел, разного рода судебных казусов’ / *kasuist*, *монах* / *munik*, *монашка*, *монашенка* / *nunn*, ист. *корифей*, ист. *kannipoiss* ‘оруженосец’, *purlak* ‘бурлак’ (о слабом, убогом человеке, оборванце).

Некоторые близкие по семантике лексемы с ППС-2, относящиеся к одной ЛСГ, нуждаются в более подробном описании.

Так, например, в обоих языках подобного рода метафоризации подвергаются слова, связанные с артистической деятельностью: *актёр*, устар. *лицедей*, *комедиант* в РЯ и *näitleja*, *komödiand*, разг. *komejant* в ЭЯ. Способность названных лиц исполнять роли, играть «чужую жизнь» связывается в сознании людей с таким качеством человека, как умение притворяться — именно оно становится базой для развития переносного значения: о человеке, показывающем себя не таким, каков он есть на самом деле, о притворщике. Интересно, что единственное слово из данной ЛСГ, которое в определённом контексте может содержать положительную оценку, — *артист* — выступает в переносном значении как характеристика не столько моральных качеств, сколько умений человека (и, таким образом, отличается не только положительной коннотацией, но и выходит в иную область употребления): о том, кто обладает высоким мастерством в какой-либо области, талантливо делает что-либо. Хотелось бы отметить, что хотя в словаре для данной лексемы не фиксируется значение «притворщик, лицемер», думается, что такое использование возможно.

К этой же группе примыкают и слова *фокусник* / *mustkunstnik* и устар. *фигляр* ‘фокусник, шут, акробат’: фокусы рассматриваются как профессиональное умение обманывать, отсюда употребление этой лексемы для характеристики ловкого человека, способного на неблагоприятные поступки, ловкача.

Интересны с точки зрения развития переносного значения слова, связанные с «военной» тематикой: *воитель*, *воительница*, *войка*. Близкие по значению (все в прямом значении используются для наименования вои-

на), они становятся источниками различных Мтф-значений. Можно предположить, что решающую роль сыграла здесь морфемная структура слова, «подчёркивающая» определённое качество. В словах *воитель* и *воительница* мы находим суффиксы «деятеля», акцентирующие наше внимание на том, что это должны быть люди, занимающиеся войной, а значит — с определённым складом характера → люди с воинственным характером. Суффикс *-ак(а)* в лексеме *вояка* придаёт слову шуточный, иронический оттенок, поэтому воинственность здесь ассоциируется с задирством, горячностью характера → о задире, забияке.

Встречаются в исследуемом материале и Мтф, основанные на потенциальных семах и связанные с культурными и бытовыми представлениями — ППС-3 (помимо упомянутых выше *клоун*, *шут* и т.д.): 10 в РЯ и 7 в ЭЯ (общее число Мтф-значений с ППС-3 — 17 и 12 соответственно), например:

гастролёр — артист, прибывший на гастроли

Опорная дифференциальная сема:

временное выполнение обязанностей ↓↓

Опорная потенциальная сема:

возможное равнодушие,

незаинтересованность ⇒

Мтф-значение:

о том, кто выполняет какое-либо дело временно, случайно и не заинтересован в нём

Так, например, в РЯ и ЭЯ представлена группа слов, связанных с чиновничьим аппаратом: *бюрократ* / *bürokrāt*, *чиновник* / *tšinovnik*, *канцелярист* (все слова переносно — о должностном лице, выполняющем свою работу формально), *сановник* ‘лицо, имеющее высокий чин, сан в дореволюционной России’ (о зазнавшемся работнике, занимающем высокий пост), *стрекулист* ‘мелкий чиновник, канцелярский служащий’ (о пронырливом человеке, ловкаче). Все эти лексемы в первичном значении не содержат экспрессивности, однако в переносном значении они несут отрицательную оценку, связанную, по-видимому, с закреплённым в сознании носителя языка стереотипным представлением об административных служащих.

Синонимичные в первичном значении лексемы *слуга*, *лакей*, *холуй*, *холоп* тем не менее получают различное Мтф-развитие: *слуга* → ‘о том, кто отдаёт себя чему-либо, работает во имя чего-либо’, *холуй*, *лакей*, *холоп* → ‘о раболепствующем, выслуживающемся человеке’, на что влияет, вероятно, один (на первый взгляд незначительный) оттенок прямого значения: *лакей* и *холуй* — слуги при господах (что, видимо, способствует актуализации потенциальной семы «прислуживающий, раболепствующий, подстраивающийся под хозяина»). Эстонские лексемы *lakei* ‘лакей’, *toarpoiss* ‘камердинер’ и *kannupoiss* ‘оруженосец’ также имеют аналогичное переносное значение. Интересно, что при развитии Мтф-значения у эстонской лексемы *teener* ‘слуга’ значимыми становятся другие качества

этого лица: зависимость от хозяина, неизбежность выполнения чужой воли → 'о покорном, рабски послушном человеке', преданность → 'о человеке, преданно действующем в интересах кого-либо или чего-либо'.

Завершая анализ слов с ППС, следует отметить, что крайне редки на этом материале Мтф, используемые для физической или внешней характеристики человека (все — ППС-2): *atlem* / *atleet* (о человеке крепкого телосложения, большой физической силы), *гренадёр* (о рослом, сильном человеке — связь с требованиями, предъявляемыми к служившим в этих отборных [именно по высокому росту] войсках).

Переносы с опосредованной признаковой связью (ОПС) представлены значительно меньшим количеством лексем (14 в РЯ и 8 в ЭЯ). Практически для всех Мтф-наименований данной группы основой переноса будет являться либо ядерная (1), либо периферийная сема (2), подверженные трансформации в процессе развития вторичного значения, например:

(1) *художник* / *kunstnik* — человек, создающий произведения изобразительного искусства

Трансформация:

от прямого к переносному: «создаёт произведения искусства» в любой сфере ⇒

Мтф-значение:

о том, кто достиг высокого совершенства в какой-либо работе

пастырь / *karjane* — устар. пастух

Трансформация:

о том, кто «пасёт» людей ⇒

Мтф-значение:

о священнике, руководителе паствы

могильщик / *haukaevaja* — рабочий, занимающийся рытьём могил

Трансформация:

«роет могилу» ⇒

Мтф-значение:

о том, кто несёт гибель кому-, чему-либо, уничтожает кого-, что-либо

А также: *певец* / *laulik* (хорошо поёт → высок. о том, кто воспевает), *проститутка* / *prostituut* (продаёт себя → разг. о продажном, беспринципном человеке), *подпевала*, *подголосок* (подпевает → разг., перен. вторит кому-либо — поддерживает из низких, корыстных побуждений), *teenäitaja* 'указывающий дорогу' («показывает путь»: даёт правильное направление, является примером), *jäger* (егерь — профессиональный охотник → об «охотнике» за женщинами);

(2) *дантист* — специалист-практик по лечению зубов, не имеющий законченного зубо врачебного образования

Трансформация:

периферийная сема: «причинение боли» трансформируется в кулачную расправу ⇒

Мтф-значение:

о человеке, применяющем кулачную расправу с подчинёнными

живодёр — тот, кто профессионально занимается убоем животных и сдирает с них шкуру

Трансформация:

периферийная сема: способность зарабатывать на страдании и боли живых существ связывается с понятием наживы

⇒

Мтф-значение:

о жадном, наживающемся за счёт других человеке

Наименование человека по роду занятий, переносимое в иную, но близкую область деятельности, становится отрицательной характеристикой профессиональных качеств лица: *коновал*: знахарь, лечащий лошадей → разг., пренебр. о плохом, невежественном враче, *маляр*: рабочий, занимающийся окраской зданий, помещений → о плохом живописце, художнике. По-видимому, аналогичное развитие Мтф-значения мы наблюдаем и в словах *ремесленник* / *käsitöölaine* (противопоставление: ремесло — искусство)⁸ и *сапожник* (о неумелом, неискусном в каком-либо деле человеке).

Развитию Мтф-значения лексемы *химик* (о ловкаче, пройдохе), по-видимому, способствует существование однокоренного просторечного глагола с достаточно широкой семантикой — *химичить*, употребляемого также в значении *пытаться обмануть, лукавить*.

Обобщая всё сказанное выше, мы можем сделать следующие выводы:

1) Наименования человека по роду занятий используются в переносном значении, как правило, для характеристики поведения человека в социуме (*клоун* / *kloun*, *шут* / *narr*), наименования моральных качеств, определяющих манеру общения и характер отношений с окружающими (*адвокат* / *advokaat*). Мтф-переносы для номинации человека по профессии или для физической и внешней характеристики лица крайне редки и являются в некоем роде исключениями.

2) Метафоризации могут быть подвержены наименования профессий, связанных как с физическим, так и с умственным трудом. Лексемы, употребляемые в функции отрицательной характеристики человека, преобладают и нередко основываются на негативном отношении, присущем обществу предубеждению относительно определённого рода занятий или

⁸ С. И. Камелова (см. [Камелова 1997]) высказывает мнение, что связь между прямым и переносным значением в лексеме *ремесленник* основывается на «ассоциативном представлении о работнике, занятом каким-либо ремеслом, которое требует специальных навыков по изготовлению изделий по заказу, примитивными приёмами, не имеет творческого характера». На наш взгляд, существенно не столько примитивность приёмов, сколько то, что это, как правило, трафаретная, шаблонная работа. То же, видимо, относится и к слову *сапожник*: работа выполняется по заготовке, болванке.

же на качествах, приписываемых представителю той или иной профессии (*мясник / lihunik*).

3) Показательно отсутствие у наименований человека по профессии Мтф-значений, напрямую характеризующих человека с точки зрения его внешнего вида или умственных способностей. Видимо, для ряда лексем будет справедливым предположение, что в сознании носителей языка род занятий человека связывается только с определённым психологическим типом, чертами характера, на которые накладывает отпечаток род занятий (*чиновник / tšinovnik*).

4) Большая часть переносных значений наименований человека по роду занятий является Мтф с ППС, то есть основывается на не трансформированных в процессе метафоризации признаках. Общая логика, связывающая профессию и деятельность с определёнными чертами характера, влияет на тот факт, что Мтф-значения русских и эстонских лексем, как правило, совпадают или же являются семантически близкими.

5) По-видимому, такая чёткость процесса метафоризации (выявляемая основа переноса и в связи с этим хорошо осознаваемая носителями языка связь между прямым и переносным употреблением слова), а также сама семантика этой группы слов влияют таким образом, что ни одно слово из приведённой группы не может быть отнесено к Мтф особого типа — десемантизованным обращениям, преимущественно употребляемым в качестве ласкового или бранного наименования (в отличие от широко используемых в этой роли зоонимов (*ласточка, собака*) и мифологизмов (*леший, кикимора*)).

Б) Метафорические значения наименований людей по умонастроению и мировосприятию (44 в РЯ и 33 в ЭЯ)

Данную группу слов составляют существительные, именующие человека с точки зрения его: 1) философских взглядов (*софист / sofist, этикупереец / epikuurlane*); 2) политических взглядов (*пуританин / puritaan, демократ / demokraat*); 3) приверженности к определённой общественной идеологии (*гуманист / humanist, романтик / romantik*); 4) религиозных воззрений (*иезуит / jesuiit, фанатик / fanaatik*).

Как правило, такие существительные в переносном значении используются для характеристики человека с точки зрения его мировоззрения, отношения к жизни, а Мтф-использование их в речи основывается на наиболее важных положениях учения, общественной или религиозной позиции — ППС-1 (23 в РЯ и 17 в ЭЯ):

скептик / skeptik — последователь скептицизма

Опорная дифференциальная сема:
сомнение [в существовании какого-либо
надёжного критерия истины] ⇒

Мтф-значение:
человек, относящийся ко
всему недоверчиво, во
всём сомневающийся

схоласт + ж. *схоластка*, *схоластик* / *skolastik* — приверженец схоластики

Опорная дифференциальная сема:

умозрительные, формальные логические
аргументы ⇒

Мтф-значение:

человек, который рассуж-
дает умозрительно, бес-
плодно

фанатик / *fanaatik* — человек иступлённой религиозности, отличающийся
крайней нетерпимостью к другим верованиям

Опорная дифференциальная сема:

иступлённость ⇒

Мтф-значение:

человек, страстно предан-
ный какой-либо идее, делу

Аналогично: *прагматик* / *pragmaatik*, *метафизик* / *metafysik*, *идеалист* / *idealist*,
материалист / *materialist*; *апологет* / *apologeet*, *старовер*, *изувер*, *еретик* / *ketser*,
hereetik; *подвижник*, *праведник*.

Небольшую группу слов, включающую в себя наименования челове-
ка с точки зрения его политических взглядов, составляют названия пред-
ставителей как существующих до настоящего времени различных поли-
тических партий (*либерал* / *liberaal*, *консерватор* / *konservatiiv*, *демократ* /
demokraat, *радикал* / *radikaal*), так и связанных с определённой исто-
рической эпохой (*пуританин* / *puritaan* — участник религиозно-полити-
ческого движения английской буржуазии в XIV–XVII вв., первоначально
ставившего целью очищение англиканской церкви от остатков като-
лицизма, *нигилист* / *nihilist* — представитель русской разночинной интел-
лигенции 60-х гг. XIX в., отрицательно относящейся к устоям современ-
ного ему общества, *якобинец* / *jakobiin* — представитель революционно-
демократических слоёв общества периода Великой французской рево-
люции, обычно член Якобинского клуба). Как и в описанных выше лексе-
мах, в основе переносного значения этих слов лежит дифференциальная
сема первичного значения, связанная с главнейшей отличительной чертой
политической позиции той или иной партии (ППС-1), например:

нигилист / *nihilist* — представитель русской разночинной интеллигенции 60-ых
гг., отрицательно относившийся к устоям дворянского общества.

**Опорная дифференциальная
сема:**

отрицание ⇒

Мтф-значение:

о человеке, относящемся ко все-
му общепризнанному крайне от-
рицательно, скептически

консерватор / *konservatiiv* — член консервативной, крайне правой партии

**Опорная дифференциальная
сема:**

приверженность сложившемуся
государственному порядку ⇒

Мтф-значение:

о приверженце старого, надёжно
зарекомендовавшего себя

Аналогично: демократ / *demokraat*, радикал / *radikaal*, якобинец / *jakobiin*, пуританин / *puritaan*, славянофил, либерал / *liberaal* (о свободомыслящем человеке, вольнодумце).

Последнее из перечисленных слов — *либерал* — имеет и второе переносное значение, развившееся из того же признака — свободомыслие — и осложнённое связанными с этим признаком ассоциациями — попустительство, излишняя снисходительность (ППС-3): о том, кто либеральничает (бывает излишне снисходительным), занимается вредным попустительством⁹.

Возможно и усложнение Мтф-процесса за счёт устоявшихся представлений, непосредственно связанных с основными положениями, самим содержанием философского учения (ППС-2: по 12 в РЯ и ЭЯ):

стоик / *stoik* — последователь философии стоицизма

Опорная дифференциальная сема:

1) сознательное подчинение
господствующей в мире
необходимости ↓

2) требование управления человеком
собственными страстями ↓

Опорная периферийная сема:

сила характера и стойкость ⇒

Мтф-значение:

тот, кто стойко и мужественно
переносит жизненные испы-
тания, невзгоды

эмпирик / *empiirik* — последователь эмпиризма

Опорная дифференциальная сема:

чувственный опыт как источник
знания ↓

Опорная периферийная сема:

теория как менее важная
составляющая познания ⇒

Мтф-значение:

человек практического направ-
ления, склонный к опытной
деятельности в ущерб тео-
ретическим занятиям

Аналогично: диалектик / *dialektik* (устар. искусный спорщик); софист / *sofist* (тот, кто прибегает к ложным умозаключениям, прикрытым формальной правильностью логического построения, для доказательства заведомо ложных положений).

При метафоризации лексем, определяющих приверженность человека к общественной и / или культурной идеологии (*гуманист*, *реалист*, *романтик*), переносное значение также формируется на базе периферийных сем (ППС-2):

⁹ В ЭЯ второму переносному значению соответствует особая лексема — *liberaalitseja*. Её существование объясняется иным словообразовательным развитием: в РЯ — *либерал*¹ → *либерал*² → *либеральничать*; в ЭЯ — *liberaal* → *liberaalitsema* 'либеральничать' → *liberaalitseja* 'тот, кто либеральничает'.

гуманист / humanist — представитель гуманизма

Опорная дифференциальная сема:
провозглашение свободного развития личности ↓

Опорная периферийная сема:
уважение к человеку,
забота о его благе ⇒

Мтф-значение:
о гуманном, человеко-
любивом человеке

романтик / romantik — представитель романтизма

Опорная дифференциальная сема:
задача романтизма — показать высокое
назначение человека ↓

Опорная периферийная сема:
идеализация людей ⇒
возвышенное отношение к жизни ⇒

Мтф-значение:
1) о человеке, склонном к
мечтательности, к идеали-
зации людей и жизни,
2) о том, кто эмоциональ-
но, возвышенно относится
к чему-либо

реалист / realist — представитель реализма

Опорная дифференциальная сема:
правдивое, объективное отражение
действительности ↓

Опорная периферийная сема:
трезвое, объективное отношение к окру-
жающему миру ⇒

Мтф-значение:
о человеке, относящемся к
действительности реалис-
тически, оценивающим её
трезво, практически.

Процесс развития переносных значений может быть объяснён и объективной исторической информацией (также ППС-2). Например, понятным становится развитие переносного значения слова *иезуит / jesuiit* ‘о хитром, двуличном, изощрённо коварном человеке’, если принять во внимание, что членов этого монашеского ордена называли за их политическую деятельность «шпионами папы». Фанатизм и лицемерное исполнение правил благочестия представителей такого общественно-религиозного течения в Иудее, как фарисейство, способствовали развитию переносного употребления в лексеме *фарисей / variser* — о ханже, лицемере. Неудивительно употребление лексемы *инквизитор / inkvisiitor* для наименования того, кто с крайней жестокостьюпытывает что-либо у кого-либо, мучителя, если знать, что судопроизводство во времена инквизиции велось с применением пыток. Так же можно рассматривать и слово *адент / adept*: посвящённый в тайны какого-либо учения, секты — изначально: посвящённый в тайны алхимии, верящий в возможности философского

камня и якобы умеющий добывать золото из других металлов → ревностный приверженец какого-либо учения, идеи.

Появление Мтф-значения у ряда лексем опирается на актуализацию потенциальных сем — ППС-3 (9 в РЯ и 4 в ЭЯ). Оно может быть связано, например, с искажением в трактовке философского учения:

эпикуреец / *epikuurlane* — последователь эпикуреизма

Развитие потенциальной семы:

цель этого философского направления: отсутствие страданий, здоровье тела, состояние безмятежности духа — стала рассматриваться как стремление к удовлетворению чувственных инстинктов и достижению личного блага ⇒

Мтф-значение:

человек, выше всего ставящий личное удовольствие и наслаждение жизнью

циник / *küünik* — последователь греческой философской школы, отвергавшей нравственные общественные нормы и призывавшей к аскетизму

Развитие потенциальной семы:

отвержение нравственных общественных норм с целью аскетизма, простоты и возврата к природе может быть утрировано и трактоваться как отречение от благопристойности ⇒

Мтф-значение:

человек, которому свойственны грубая откровенность, бесстыдство, пренебрежительное отношение к нормам нравственности

На развитие переносного значения при ППС-3 влияет и отрицательное отношение к представителям иной веры, иного религиозного толка:

талмудист + ж. *талмудистка* — последователь и толкователь талмуда

Опорная потенциальная сема:

строго придерживается учения, воспринимая его некритически ⇒

Мтф-значение:

о человеке, мыслящем и рассуждающем догматически, начётнически

сектант + ж. *сектантка* / *sektant* член религиозной секты

Опорная потенциальная сема:

отказ от основного вероучения вследствие ограниченности ⇒

Мтф-значение:

о человеке, поглощённом узкими групповыми интересами и отличающемся догматичностью взглядов и убеждений

Отсюда: *секта* / *sekt* — о группе лиц, замкнувшейся в своих узких интересах.

Две русские лексемы на этом материале, которые могут использоваться в качестве десемантизованного бранного слова, — *басурман* и *нехрист* — также становятся показателем закреплённого в сознании носителя языка отрицательного отношения к иноверцам-нехристианам.

Итак, метафоризация наименований человека по его философским и политическим взглядам, приверженности к определённой общественной идеологии и религиозным воззрениям, как правило, приводит к появлению переносных значений, характеризующих человека в целом с точки зрения его мировоззрения, отношения к жизни. Вторичное значение опирается чаще всего на дифференциальные семы (ППС-1) и связывается с наиболее важными положениями учения, общественной или религиозной позицией (*скептик / skeptik*). Актуализация периферийных сем (ППС-2) может быть подкреплена определённой исторической информацией, способствующей Мтф-развитию слова (*адент / adept*). Потенциальные семы (ППС-3) становятся ведущими в тех случаях, когда развитие переносного значения опирается на утрированную, ложную трактовку учения (*циник / kûinik*).

В) Метафорические значения наименований человека по социальному положению (36 в РЯ и 19 в ЭЯ).

С древнейших времён иерархия является одним из ключевых понятий, связанных с развитием человеческого общества. Начиная с периода племенной общины можно говорить о различном статусе каждого отдельного человека в ней. Позже, с развитием института государства, этот статус стал непосредственно влиять на принадлежность человека к той или иной социальной группе (определяя сословное положение), а следовательно, и на возможности реализации его потенциала в обществе, на мировоззрение, образ жизни, быт и даже на внешний облик.

Таким образом, деление на социальные группы породило определённые человеческие стереотипы, связанные с целым рядом устойчивых ассоциаций, которые, в свою очередь, нашли отражение в языке, в том числе и в системе Мтф-значений.

Прежде всего внимание привлекала, конечно же, вершина общественной пирамиды — правители. Невелико здесь (вопреки ожидаемому) количество историзмов, которые бы в настоящее время использовались для Мтф-наименования руководителя и основывались на наиболее важных дифференциальных семах — «власть», «высокое положение в обществе» (ППС-1):

вождь — предводитель племени (возможно: войска)

Опорная дифференциальная сема:

главенство, власть ⇒

Мтф-значение:

высок. руководитель, наставник

патрон / patroon — ист. лицо в древнем Риме, бравшее под своё покровительство малоимущих или неполноправных граждан

Опорная дифференциальная сема:
главенство, власть + оказываемое
покровительство ⇒

Мтф-значение:
устар. покровитель, защит-
ник (словарь ЭЯ указывает
только это значение); глава,
хозяин предприятия, какого-
нибудь дела по отношению
к его рабочим, служащим и
т.п.

Иные Мтф-значения получают такие наименования властителей, как *король* / *kuningas*, *королева* / *kuninganna*, *царь*, *царица*, *prints* ‘принц’, *printsess* ‘принцесса’. Основываясь на переносном использовании этих лексем, можно говорить о том, что в сознании носителей РЯ и ЭЯ обладание особой властью часто становилось признаком не только социальной избранности, но и особой одарённости, исключительной внешней привлекательности и внутренней красоты (таким образом, все эти Мтф можно отнести к ППС-3 — перенос основывается на идеализированном представлении о лице, обладающем властью). Понятие первенства распространяется и на другие сферы человеческой деятельности:

король / *kuningas* — титул монарха

Опорная дифференциальная сема:
обладание властью ↓
Опорная потенциальная сема:
исключительные достоинства,
избранность ⇒

Мтф-значение:
о том, кто является пер-
вым, самым лучшим среди
других, кто достиг совер-
шенства в чём-либо¹⁰

царь — титул монарха в России

Опорная дифференциальная сема:
обладание властью ↓
Опорная потенциальная сема:
исключительное превосходство ⇒

Мтф-значение:
тот, кто превосходит всех
в каком-либо отношении

Аналогично: *prints* ‘принц’ — об идеальном мужчине; *королева* / *kuninganna* — о женщине, выделяющейся своими достоинствами (в РЯ чаще — красотой), *царица* — о той, кто превосходит всех в чём-либо, *printsess* ‘принцесса’ — о прекрасной, а также горделивой женщине.

Достаточно часто, как и можно было предположить, Мтф-использование лексем данной группы опирается на дифференциальный при-

¹⁰ Развитие вторичного значения у лексики *kuningas* привело к появлению однословных идиом, как, например, шутл. *nõelakuningas* ‘о портном’ (буквально: король иглы).

знак 'обладающий(ая) неограниченной властью и влиянием' (ППС-1): *царь*, *царица* → о том / той, кто подчиняет окружающих своему влиянию (ППС-1), *царёк* — о том, кто задаёт тон, главенствует где-либо (слово в переносном значении содержит элемент уничижительности, которая возникает в связи с морфемной структурой — уменьшительным суффиксом — *ёк* → «умаление» значения); *десном* / *despoot* 'верховный правитель в рабовладельческих странах Востока, пользовавшийся неограниченной властью', *сампан* / *satraap* 'наместник, правитель военно-административного округа в древней Персии', *диктатор* / *diktaator* 'должностное лицо в древнем Риме, располагавшее неограниченными полномочиями' → о лице, пользующемся неограниченной властью. Аналогично развивается Мтф-значение у лексем, называющих человека по его военному чину: *командир* / ~ *kindral* 'генерал' → разг. о том, кто любит приказывать, распоряжаться.

Если развитие Мтф-значений у наименований правителей основывается в равной степени как на идеализированном представлении о человеке, обладающем высшей властью, так и на негативном отношении к нему, то привилегированное сословие в целом, видимо, оценивается как наделённое незаслуженными благами (ППС-3) — отсюда отрицательная характеристика человека при переносном употреблении:

барин — дворянин, помещик в царской России

Опорная дифференциальная сема:

отсутствие необходимости в постоянном труде ↓

Опорная потенциальная сема:

нежелание трудиться ⇒

Мтф-значение:

о человеке, который уклоняется от труда, перекладывает свою работу на других

Аналогично: *барышня* / *preili*.

Примыкает к этой группе заимствованная лексема *джентльмен* / *džentelmen*, которая, в отличие от приведённой выше исконной лексики, имеет нейтральное Мтф-значение, основанное на том ассоциативном комплексе, который вводится уже в прямом значении на уровне дифференциальных сем (ППС-1: в Великобритании: человек, принадлежащий к высшим кругам буржуазно-аристократического общества и строго соблюдающий установленные в нём правила и нормы поведения → о корректном, благовоспитанном человеке, отличающемся строгостью манер и костюма).

Возможно и следующее развитие Мтф-значения — о том, кто уподобляется или пытается уподобиться в своём поведении и образе жизни человеку из высших слоёв, например:

pärishärä ‘господин, хозяин мыйзы’

Опорная дифференциальная сема:

владеет поместьем ⇒

Мтф-значение:

шутл. о хозяине большого хутора

К этой же группе, но уже с усложнённым Мтф-переносом, относятся слова: *господин* — ирон. о лице, не пользующемся уважением или вызывающем презрение своим поведением — псевдогосподине (ППС-2); *мамзель* / ~ *daamike* — может быть использовано как пренебрежительное наименование женщины лёгкого поведения, в РЯ также о женщине, принадлежащей к артистической богеме — псевдомадмузель, псевдодама (ППС-2; в первом слове пренебрежительность подчёркивается звуковым обликом заимствования, во втором — словообразовательной структурой слова — наличием уменьшительно-ласкательного суффикса *-ke*).

Историзмы, называющие людей низших сословий, в современном языке нередко используются для указания на социальное положение человека:

челядь — население феодальной вотчины древней Руси, находившееся в разных формах зависимости от феодала (холопы, смерды и др.)

Опорная дифференциальная сема:

низшая ступень

общественной иерархии ⇒

Мтф-значение:

люди, занимающие низкое служебное или общественное положение

плебей / *plebei* — ист. представитель низшего сословия в древнем Риме, лично свободный, но первоначально не пользовавшийся никакими политическими и гражданскими правами

Опорная дифференциальная сема:

низшее сословие ⇒

Мтф-значение:

обозначение выходца из низших слоёв

Так же: *смерд* ‘в древней Руси: крестьянин-земледелец, находившийся в феодальной зависимости’ → устар. презрительное название крепостного крестьянина, а позднее простолюдина, человека незнатного происхождения. Близко: *изгой* ‘в древней Руси: человек, вышедший из своего прежнего социального состояния (выкупившийся на свободу холоп, разорившийся купец и т.д.)’ → человек, стоящий вне общества, вне среды, отвергнутый ими.

Образ жизни, поведение и мировоззрение представителей низших сословий связаны в сознании носителей обоих языков с определёнными стереотипами. Так, отличительными чертами, способствующими развитию Мтф-значения у слов-наименований представителей этих социальных групп, становятся:

1) зависимость, неизбежность подчинения, бесправие: *илот*: земледелец в древней Спарте, считавшийся собственностью государства → книжн. бесправный человек, раб; *невольник*, *раб* / *ori*: о том, кто зависит от

другого, лишён свободы действий (ППС-1), о том, кто целиком подчинил свою волю чему-либо (ППС-1); зависимость может связываться не только с низшим сословием, но и в целом с подчинённым кому-либо положением: ист. *vassal / vasall* 'землевладелец-феодал в Западной Европе, зависимый от более крупного феодала-сюзерена' → подчинённое, зависимое лицо (возможно о государстве);

2) ограниченность интересов, их приземлённость: *мещанин / väike-kodalane*: человек, принадлежащий к мещанскому сословию (ремесленникам, торговцам, мелким служащим) → человек с мелкособственными интересами, узким кругозором (ППС-3);

3) желание услужить, подобострастие: *раб / ori* → о том, кто слепо и подобострастно исполняет волю другого, *челядь* → о тех, кто лакейски прислуживает кому-либо, угождает (все приведённые случаи — ППС-2);

4) отсутствие воспитания и образования, грубость, низость в поведении и поступках: *мужик, пренебр. мужичьё / mats* → о грубых, невоспитанных людях, невежах (ППС-3); прост. *девка* → груб. о развратной женщине, проститутке (ППС-3), *баба* → о простой, необразованной женщине (ППС-3); *сволочь*: люди низкого происхождения или положения → скверные, подлые люди (ППС-3), негативное отношение к подобным людям стало и причиной использования этого слова в качестве бранного, *чернь*: прислуга → люди, далёкие от духовной жизни, высоких идеалов.

Единичные случаи Мтф отражают иные представления о низших слоях общества: *бобыль* 'устар. бедный, безземельный крестьянин' → разг. одинокий, бессемейный человек (ППС-3), *kuli* 'низкооплачиваемый работник в некоторых восточных и южноазиатских землях' → разг. выполняющий тяжёлую работу за низкую плату человек (ППС-1).

Обобщая, отметим, что переносные значения наименований человека по сословной принадлежности, как правило, основываются на сложившихся стереотипных представлениях о той или иной социальной группе, поэтому значительная часть их являются Мтф с ППС-3.

Г) Метафорические значения терминов родства и наименований людей, связанных дружескими отношениями (33 в РЯ и 28 в ЭЯ)

В качестве Мтф-наименований и Мтф-обращений могут быть использованы и термины родства.

Сходным для обоих языков оказывается Мтф-развитие нейтральных наименований родственников. Например, *мать* и *ета*: оба они могут быть использованы для номинации не-лица (ОПС) — источника чего-либо, основы, того, что вызывает к существованию какое-либо явление (как правило, такое использование связано с высоким стилем), употребляются и для наименования хозяйки (ППС-2) или основоположницы чего-либо (ОПС); *отец* и *isa* — о том, кто заботится, покровительствует кому-либо (принимая функции отца — ППС-1), об основоположниках, родоначальни-

ках чего-либо (ОПС), о предшествующем поколении, предках (ППС-1, в том же значении употребляется и лексема *ded* в русском языке). В значении «потомки» в обоих языках используются слова *сын / poeg* (в том же переносном значении может быть использовано слово *внук*), *дочь / tütar*, эти слова становятся и наименованием людей, воплотивших в себе характерные черты своего народа, своей среды, своей эпохи: *России верные сыны* (высокий стиль подчёркивается и иным способом образования формы именительного падежа множественного числа) и *Eestimaa pojad*.

Расхождения же связаны с разговорными наименованиями матери и отца. В ЭЯ система таких наименований оказывается широко развитой: о матери — *emme, emm, memm, mamma, muti, устар. eit, жарг. emps, mutter, mammi, диалект. nänn*, об отце — *taat, papa, paps, issi, papi* — однако переносные наименования получают лишь некоторые из них: *memm, eit, muti* и *papa* могут быть использованы для указания на представителя старшего поколения, *memm* является также наименованием мужчины «немужественного» облика или характера. В русском же языке практически все наименования родителей, как разговорные, так и нейтральные, могут функционировать как Мтф-обращения к человеку соответственно женского или мужского пола (как правило, старше говорящего по возрасту): *мать, мамочка, матушка, отец, батюшка, папаша*. Интересен тот факт, что в использовании наименований детей: *сын, сынок / дочь, доченька и poeg, pojake, pojuke / tütar, tütreke* — такого расхождения не наблюдается: все они могут быть использованы в качестве Мтф-обращения. Таким образом, для РЯ больше, нежели для ЭЯ, характерно использование терминов родства для обращения к чужому человеку (входят в число таких лексем и *брат, братец / сестра, сестричка*): тем самым говорящий пытается сократить дистанцию, выстраивает ситуацию близости, уподобляя её — в некоторой степени — реальным родственным отношениям; в системе же ЭЯ существуют определённые ограничения: уподобления матери и отцу в ситуации общения с незнакомыми быть не может (за исключением фамильярных обращений — *tammi, papi*).

Существенным отличием в Мтф-использовании русских терминов родства становится также их способность быть использованными для наименования духовных лиц: *отец* и *батюшка* — о священнике¹¹, *мать* и *матушка* — о женщине-монахине или жене духовного лица, *брат* и *сестра* — по отношению к монаху / монахине — родство кровное связывается здесь с идеей родства во Христе (ППС-3). В ЭЯ в таком контексте могут быть использованы только *vend* и *õde*.

Идея кровного родства людей одного поколения (*брат / vend, vennas, сестра / õde*) ассоциируется с родством духовным (ОПС) — отсюда переносы: *брат / vend, vennas* — о друге, товарище, единомышленнике,

¹¹ В ЭЯ для наименования священника используется выражение *püha isa* 'святой отец', однако сама лексема *isa* такого значения не получает.

сестра / õde — о единомышленнице, о женщине, имеющей с кем-либо близкие, общие интересы, аналогично: *семья / pere, perekond* — о группе людей, объединённых общей деятельностью, общими интересами.

В обоих сопоставляемых языках при метафоризации не используются термины непрямого родства. Исключением можно считать русское слово *мачеха* (ППС-3: о ком-либо жестоком, враждебном — опора на представления об отношениях мачехи с пасынками) и эстонское *sugulane* 'родственник' (ОПС: о духовно близком человеке). Примыкает к этой группе слов лексема *кумушка*: *ласк.* к *кума* — о любительнице пересудов, сплетнице (видимо, основа переноса здесь — представления о доверительном и частом общении, связывающем крёстных родителей; ППС-3).

Наименования людей, связанных дружескими отношениями, используются в Мтф-значении крайне редко. Лексемы *друг / sõber* могут быть употреблены при наименовании сторонника, приверженца кого-, чего-либо (ППС-2) и при обращении к какому-либо человеку (чаще — близкому).

Поскольку в РЯ существует группа слов для определения разной степени дружеских отношений (см.: [Вежицкая 2001: 102–143]), то интересно проанализировать, как «качественная» сторона дружбы, закреплённая в прямом значении, отражается при метафоризации. Друзья — это люди, с которыми связывают глубокие эмоциональные, близкие отношения, основа которых — преданность (отсюда развитие собственно Мтф-значения, приведённого выше). К *приятелям* у русского человека отношение дружеское, но дистанцированное, поэтому это слово чаще используется как Мтф-обращение по отношению к малознакомому или незнакомому лицу и не предполагает ситуации доверительности, отличается меньшей эмоциональностью, чем обращение *друг* (хотя и обладает оттенком фамильярности). Слово *товарищ* изначально предполагало «деловую» дружбу, отношения единомышленников, поэтому именно оно было перенесено в советское время в среду общения как обращение к равному (в настоящее время подобное обращение воспринимается как устаревшее или же становится признаком определённых политических взглядов).

Д) Метафорические значения наименований человека по национальности и месту проживания (12 в РЯ и 14 в ЭЯ).

В ходе исторического развития представители любой нации непременно вступают в более или менее продолжительные контакты с людьми, принадлежащими к иной этнической группе. Эти контакты могут быть как вынужденными (как, например, с завоевателями), так и добровольными: торговыми, культурными и т. д.

Такое общение, особенно если оно осуществляется на протяжении достаточно долгого периода, приводит к формированию определённого стереотипного представления о нации, которое непременно находит отражение в языке. «Хранилищем» таких представлений становятся фразео-

логизмы, пословицы и поговорки (см. русск. *Незванный гость хуже татарина*; *Жид* на ярмарке что поп на крестинах; *Цыгану без обману дня не прожить*; в ЭЯ: *Käib peale, ajab peale, tangub nagu mustlane* — надоедает, кланчит, не отступает, как цыган; *Selle töö juut* — буквально ‘еврей этой работы’ — о человеке, умеющем выполнять, знающем это дело), а также лексическая система языка (например, этноним *немец* — изначально: тот, кто не умеет говорить, как мы, подобен немому).

Стереотип представителя той или иной народности может быть отражён и посредством Мтф-употребления этнонимов, однако следует отметить, что число таких переносных значений невелико.

Соответствия на материале вторичных значений наименований людей по национальной принадлежности в РЯ и ЭЯ исчисляются единичными случаями, что естественно, поскольку опыт контактирования с тем или иным народом разный.

Общими становятся Мтф-значения наименований людей по национальности и месту проживания, имеющих античные корни, например:

варвар / *barbar* — у древних греков и римлян: пренебрежительное название чужеземцев, стоявших на более низкой ступени культурного развития

Опорная дифференциальная сема:	Мтф-значение:
низкая ступень развития →	<u>низкая ступень интеллектуального развития</u> : о невежественном человеке — ППС-1
	<u>низкая ступень нравственного развития</u> : о грубом и жестоком человеке — ППС-1

А также: *вандал* / *vandaal* — древнегерманское племя, завоевавшее часть Римской империи и подвергшее Рим разгрому и разграблению → разрушитель культурных ценностей, *спартанец* / *spartalane* — гражданин древнегреческого государства Спарты, жители которого отличались крайне суровым образом жизни, выносливостью и терпеливостью → о человеке, который закаляет себя в лишениях, ведёт суровый образ жизни (обе последние Мтф — ППС-2: включается историческая информация).

Общее — устаревшее к настоящему времени — представление о евреях как нации предприимчивой, склонной к коммерческим предприятиям, способной на обман, а также как о народе-изгое, распявшем Христа, способствует развитию таких переносных значений с ППС-3 в РЯ и ЭЯ, как прост. *жид* (презрительное наименование евреев → прост. о скупом человеке), *juut* ‘еврей’ (о хитром и скупом коммерсанте).

Одинаковое развитие получают и Мтф-значения у лексем *каннибал* / *kannibal* ‘дикарь-людоед’ → о крайне жестоком человеке (ППС-1), *дикарь* / *metslane, metsmees* (ППС-1) и *азиат* / *asiaat* (ППС-2 — представление о народах Азии как о находящихся на более низкой ступени культурного развития происходит из опыта, полученного в определённый исторический период): об отсталом, некультурном, невежественном чело-

веке (можно провести аналогию с имеющими античные истоки *варвар* и *вандал*). Примыкает к этой группе слов лексема *ист. орда / hord* ‘союз крупных тюркских и монгольских кочевых племён’ → *пренебр.* вражеское войско, полчище (ППС-2: в определённый исторический момент представляли собой реальную угрозу, были врагами); *разг.* многолюдная, беспорядочная и шумная толпа, сборище кого-л. (оба значения — ППС-1).

Есть, несомненно, и лексемы, не имеющие соответствующих переносных значений в сопоставляемых языках. С точки зрения современного носителя языка сложно объяснить переносное употребление слова *аран* (о мошеннике, жулике), которое, по-видимому, следовало бы оценивать как устаревшее. Можно лишь предположить, что в тот период, когда это слово активно использовалось в речи, существовало определённое предубеждение относительно чернокожих людей.

Для характеристики человека в ЭЯ может использоваться также указывающая на национальность лексема *mustlane* ‘цыган’: о том, кто выпрашивает, кланчит, ср. со словом *цыганить* в РЯ (ППС-2). Другие же связываются с внешним обликом представителя определённой расы:

murjan (устар.) ‘негр’

Опорная дифференциальная сема:

тёмная кожа ⇒

Мтф-значение:

о грязном, испачканном человеке (ППС-1)

или объясняются определённым историческим контекстом:

устар. разг. saks ‘немец’

Опорная дифференциальная сема:

принадлежность к данной национальности ↓↓

Опорная периферийная сема:

на протяжении нескольких веков на территории Эстонии господствующее, привилегированное положение занимали немцы ⇒

Мтф-значение:

о господине, о том, кто выше на социальной лестнице, по условиям жизни и т.д., например: *linnasaks* ‘горожанин’, даже *aidasaks* ‘амбарщик’ и др. (ППС-2)

негр — представитель негроидной расы

Опорная дифференциальная сема:

принадлежность к данной расе ↓↓

Опорная периферийная сема:

угнетение негров в Америке в определённый исторический период, продажа их в рабство ⇒

Мтф-значение:

о том, кто выполняет тяжёлый труд (ППС-2)

Примыкают к этой группе слов эстонская лексема *semlak* (разг.) 'земляк' → о друге (ППС-2; возможно употребление этого слова и в качестве негрубого бранного) и русские *провинциал* и *обыватель*, Мтф-значения которых основаны на представлении о мировоззрении и образе жизни людей, проживающих вдали от столицы (ППС-3: противопоставление «столица — провинция» вырастает в противопоставление «широта интересов, полнота жизни — ограниченность интересов, узость кругозора») или проживающих долгое время на одном месте (нежелание менять место жительства — нежелание менять образ жизни — мелкие личные интересы, узость кругозора).

Заключая анализ этой группы слов — наименований человека по национальности и месту проживания, хотелось бы ещё раз отметить, что, несмотря на возможное отражение в языке представления об определённом этносе, подобный Мтф-перенос осуществляется в языках достаточно редко и базируется, как правило, либо на дифференциальных (ППС-1), либо на периферийных (ППС-2) семах прямого значения слова.

Е) Метафорические значения наименований людей по возрасту (16 в РЯ и 9 в ЭЯ)

В обоих сопоставляемых языках наибольшей способностью к развитию Мтф-значений обладают наименования детей.

Общие (без указания на пол) наименования ребёнка используются, как правило, либо для характеристики наивного, неопытного человека (ППС-1, в основе переноса — реальный признак: *ребёнок, младенец; ирон. в перен. чадо, чадушко, устар. дитя* и соответствия в ЭЯ *laps, titt* и разг. ti-ta (в переносном значении обе лексемы стилистически отмечены: разговорные, пейоративные), аналогично развиваются и Мтф-значения наименований ребёнка определённого пола: *девчонка / plika, мальчишка / poiss, poisike*), либо описания человека маленького роста (ППС-1, в основе переноса — производимое впечатление: *малыш, малютка, рбп 'карапуз'*). В РЯ слова *дитя, чадо* могут быть использованы как обращение духовного лица к младшему по званию или мирянам (ОПС; ср. использование *отец, батюшка* по отношению к священнику).

Положительное отношение, закреплённое в обоих языках, позволяет использовать слова этой группы в качестве ласкового Мтф-обращения: *дитя, дитятко / laps, lapsuke*.

Отрицательную оценку получает молодость только в тех случаях, когда возникает противопоставление по признаку «отсутствие / наличие опыта»: отсюда Мтф-значение оценочного уже в прямом употреблении слова *сопьяк* — пренебр. об очень молодом, неопытном и неумелом человеке, *недоросль* — ирон. о недоучившемся, глуповатом молодом человеке. Противоположным по значению становится Мтф-наименование *старик* — разг. опытный, знающий дело человек (по отношению к новичкам).

Итак, отмеченным оказывается для носителей РЯ и ЭЯ прежде всего юный возраст — отсюда и преобладание Мтф-значений для наименования молодого человека.

Ж) Метафорические значения наименований человека по болезни (6 в РЯ и 4 в ЭЯ)

В обоих языках метафоризации подвергаются лексемы, называющие людей с психическими и физическими изъянами.

Наибольшей способностью к метафоризации наделены наименования душевнобольных людей. Общая логика в основе таких переносов «помрачение рассудка в результате болезни (врождённой или развившейся) → отсутствие умственных способностей» (ППС-1): *idiom / idioot, кретин / kretiin* → прост., бран. дурак, болван, тупица, безумец; устар. сумасшедший → крайне безрассудный человек. В эту группу слов может быть включена и лексема *маньяк / maniakk* → о человеке, полностью сосредоточенном на какой-либо одной идее, на чём-либо одном.

Физические недостатки, связанные с человеческим недугом, становятся основой Мтф-переноса в ограниченном количестве слов, при этом Мтф-значение оказывается связанным с духовной сферой (ОПС): *слепец* → человек, обманувшийся в ком-, чём-либо, не замечающий или не заметивший что-либо; *карлик / kääbus* → о человеке незначительном, ничтожном

З) Метафорические значения иных наименований человека: единичные случаи (25 Мтф-значений в РЯ и 12 в ЭЯ)

Мтф-значения иных наименований человека представлены единичными случаями.

К числу таких вторичных значений могут быть отнесены слова, называющие людей, связанных совместным выполнением какого-либо действия. Как правило, результатом переноса здесь становится наименование единомышленника, сподвижника (ППС-1):

Опорная дифференциальная Мтф-значение:		
сема:		
<u>общность действия:</u>		
<i>союзник</i>	в союзе: единении, связи	тот, кто содействует, помогает кому-либо
	отдельных лиц, групп, обществ, классов и т.д. ⇒	
<i>соратник / kaasvõitleja</i>	в битвах ⇒	единомышленник, сподвижник
<i>seltsimees</i> 'товарищ'	в какой-либо деятельности ⇒	единомышленник, сподвижник

Антонимичное Мтф-значение получают, соответственно, наименования тех, кто находится в состоянии вражды, является противником (ППС-1): устар. *неприятель*, *враг* / *vaenlane*, *vastane* → разг. человек, неприязненно настроенный по отношению к кому-либо, принципиальный противник чего-либо.

В ряде случаев нерегулярные переносы являются подтверждением Мтф-закономерностей, выявленных в других ЛСГ. Так, например, обнаруженный принцип переноса из физической сферы в духовную проявляется на материале лексем, характеризующих человека по росту (ОПС): книжн. *исполин* / *hiiglane* → человек, выдающийся в какой-либо области своими достоинствами, *гигант* / *gigant* → высок. человек огромных творческих возможностей, большого таланта; в противоположность им разг. *мелюзга* → о незначительных по общественному или служебному положению людях (ср. с лексемами других ЛСГ: *насекомое*, *козявка*, *putukas* и др.). Только одна лексема в ЭЯ, примыкающая к этой группе слов, иллюстрирует стереотипное представление о связи внешнего вида человека и черт его характера: *jõtm* ‘тучный приземистый мужчина’ → о мужчине грубом, необразованном, богатом, любящем показывать свою власть (ППС-3).

Слова, называющие многочисленную группу людей, собранную для защиты или участия в военных действиях, в переносном значении могут быть использованы для наименования большого количества людей (ППС-1): *армия* / *armee*, ист. *malev* ‘в древней Эстонии: народное ополчение из добровольцев одного или нескольких уездов’ (ср. с упомянутой ранее лексемой *орда* / *hord*).

Единичными случаями на материале РЯ представлена метафоризация наименований человека по чертам характера, осложненная противопоставлением по полу:

скромница — женщина скромного поведения (ППС-1)

Опорная дифференциальная сема:
присущая женщине скромность ⇒

Мтф-значение:
о мужчине, мальчике, проявляющем большую скромность

Несколько более сложной представляется нам метафоризация лексемы *институтка* (о наивном, восторженном, неопытном человеке, чаще мужчине): в основе переноса также лежат черты характера, однако эти качества проистекают из общих представлений о воспитанницах женских институтов (ППС-2).

Значительно шире оказывается употребление наименований человека с отрицательными чертами характера и способного на неблагоприятные поступки (нередко — преступника) в качестве десемантизованного Мтф-обращения: *злодей* / *kurjategija*, *мошенник* *разбойник*, устар. *сквернавец* (скверный, подлый человек), прост. *шаромыжник*, *шаромыга* (тот, кто лю-

бит поживиться за чужой счёт, ловкач, жулик), *подлец*, прост. *шельма*, *шельмец*, устар. и прост. *душегуб* (убийца, разбойник, злодей), прост. *Поганец*; *каторжник*, устар. *висельник*, *lurjus* 'бродяга', *pätt* 'подонок'.

Реже на этом материале встречаются лексемы, выполняющие роль ласковых обращений: разг. *душка*, *душечка*: о приятном, милом человеке → ласк. обращение (преимущественно к женщине).

Обобщим анализ лексем, участвующих в переносе «ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК»:

1) данный перенос осуществляется при метафоризации слов следующих ЛСГ¹²:

Таблица 1

ЛСГ	Количество слов в РЯ	Количество слов в ЭЯ
Наименования человека по профессии и роду занятий	91 / 34,6 %	67 / 36,0 %
Наименования людей по умонастроению и мировосприятию	44 / 16,7 %	33 / 17,7 %
Наименования человека по социальному положению	36 / 13,7 %	19 / 10,2 %
Термины родства и наименования людей, связанных дружескими отношениями	33 / 12,5 %	28 / 15,1 %
Наименования человека по национальности и месту проживания	12 / 4,6 %	14 / 7,5 %
Наименования людей по возрасту	16 / 6,1 %	9 / 4,8 %
Наименования человека по болезни	6 / 2,3 %	4 / 2,2 %
Иные ЛСГ (единичные случаи переноса)	25 / 9,5 %	12 / 6,5 %

Процентное соотношение в обоих языках оказывается сходным, что, на наш взгляд, позволяет говорить об общих тенденциях развития переносных значений при Мтф-переносе «человек — человек». Таким обра-

¹² В таблице указывается процентное соотношение относительно общего количества Мтф-значений: 263 в РЯ и 186 в ЭЯ.

зом, наибольшей способностью к метафоризации такого рода отличаются в сопоставляемых языках наименования человека по профессии и роду занятий (*художник / kunstnik*); широко распространены переносные значения наименований лиц по умонастроению и мировосприятию: философским, политическим, общественным и религиозным воззрениям (*романтик / romantik*)— и социальному статусу (*царь, prints*), а также терминов родства (*сестра / õde*). Сравнительно редко реализуется перенос «ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК» в ЛСГ, именующих человека по национальности и месту проживания (*жид / juut*), по возрасту (*дуня / laps*) и по болезни (*карлик / kääbus*). Малочисленны лексемы со следующей семантикой: лица, связанные общностью действия (*соратник / kaasvõitleja*); военные противники (*враг / vastane*); группы людей (*армия / armee*); наименования человека по чертам характера (*скромница*); наименования человека по склонностям и поступкам (*шаромыжник, pätt*); наименования человека по росту (*исполин / hiiglane*).

Следует оговорить, что преобладание Мтф-значений в РЯ по сравнению с ЭЯ в последней группе — единичные случаи переноса — может быть объяснено не столько возможностями того или иного языка в области Мтф, сколько особенностями подачи десемантизованных Мтф в словарях: в РЯ пометы «употребляется в качестве ласкового обращения» или «употребляется в функции бранного слова» даются с большей регулярностью. Несомненно, для того чтобы делать какие-либо выводы об употреблении лексем в этой роли, необходимо провести дополнительное исследование с опросом информантов.

В целом же большее количество русских лексем, представленных на нашем материале, во многом связано с грамматической категорией рода: если в ЭЯ используется одно наименование лица, соотносимое как с мужским, так и с женским полом, то в РЯ ему будут соответствовать две лексемы с переносным значением (например, *skolastik* — *схоласт, схоластка*).

2) Общие тенденции метафоризации выявляются непосредственно при обращении к проанализированным ЛСГ:

а) наименования человека по профессии и роду занятий:

Таблица 2

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	77 / 84,6 %	59 / 88,1 %
— ППС-1	28 / 30,7 %	21 / 31,4 %
— ППС-2	32 / 35,2 %	26 / 38,8 %
— ППС-3	17 / 18,7 %	12 / 17,9 %
ОПС	14 / 15,4 %	8 / 11,9 %
Мтф-обращения	—	—

На этом материале, как подтверждают данные таблицы 2, преобладают Мтф с ППС. При ППС-1 основой переноса в обоих языках становится функция (*advokat / advokaat, diplomaat / diplomaat*) или основное, наиболее значимое качество, признак, определяющие место, успешность людей в профессии (*ac*). В первом случае — при актуализации функции — можно, как правило, говорить о роли человека в обществе: происходит своего рода перенос функции из области профессиональных обязанностей в сферу общественной жизни, межличностных отношений. Расширение значения — от профессионального к общему — происходит и в Мтф второй группы — базирующихся на главенствующем признаке.

В большинстве представленных на материале обоих языков случаев перенос наименования человека по профессии не выражает эмоциональности или оценочности — это своего рода «констатация факта». Оценка, если же она появляется (а это происходит только на материале РЯ), связывается со стилистической окраской исходного значения (устаревшие или нечастотные слова: *ратник, кормчий* и т.д.).

ППС-2 основывается на предполагаемых необходимых для успешной реализации человека в каком-либо роде деятельности качествах (например, *orator / oraator, kõnemees* — красноречие). В числе таких Мтф в равной степени встречаются как нейтральные, так и оценочные наименования — здесь проявляется зависимость от того, можно ли считать необходимое качество положительным или отрицательным (например: *живодёр* — о жестоком человеке: сам характер профессии предполагает некоторую жестокость, холодность, равнодушие). Экспрессивности переносного значения в РЯ может способствовать и словообразовательная структура слова (*войка, воитель*).

Мтф с ППС-3 отражают сложившиеся в социуме стереотипы о представителях той или иной профессии (например, о чиновничьем аппарате: *бюрократ / bürokratt*), которые оказываются непосредственно связанными с оценкой того или иного рода деятельности — поэтому и любое переносное значение с ППС-3 является оценочным.

При ОПС перенос, как правило, совершается из профессиональной сферы в нравственную, духовную (где моральным качествам человека даётся положительная или отрицательная оценка: *проститутка / prostituut*). Возможно развитие Мтф на основе противопоставления ремесла как трафаретной, шаблонной работы и искусства как творческой деятельности (*художник, ремесленник / käsitööline*).

Если же говорить в целом о метафоризации наименований человека по профессии, то следует отметить, что такие переносные значения используются как характеристика моральных качеств лица, влияющих на общественную роль человека, его манеры поведения в обществе и отношения его с другими людьми. Профессия и род деятельности в обоих языках часто связываются с определёнными чертами характера: Мтф отражает

своего рода психологический портрет человека какой-либо профессии — представитель её видится таким. Показательно, что эти представления в в сознании носителей РЯ и ЭЯ чаще оказываются сходными.

б) наименования человека по умонастроению и мировосприятию:

Таблица 3

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	44 / 100 %	33 / 100 %
— ППС-1	23 / 52,3 %	17 / 51,5 %
— ППС-2	12 / 27,3 %	12 / 36,3 %
— ППС-3	9 / 20,4 %	4 / 12,2 %
ОПС	—	—
Мтф-обращения	—	—

Все Мтф на материале наименований человека по умонастроению и мировосприятию относятся к числу переносов с ППС (см. таблицу 3). Поскольку источником метафоризации подобных наименований человека является сфера духовного: философские, политические и религиозные взгляды, то естественно, что переосмысление и трансформация признака, лежащего в основе переноса, не осуществляется — этим объясняется отсутствие Мтф с ОПС.

ППС-1 в этой группе слов базируется на ключевых положениях учения, общественной, политической и религиозной позиции (например, *нигилист* / *nihilist*): результат метафоризации здесь отражает отношение к окружающему миру и жизни в целом и выходит за рамки идеологической позиции (*демократ* / *demokraat*).

При ППС-2 развитию Мтф способствует некий, условно говоря, выведенный носителями языка логический вывод из философского учения (*стоик* / *stoik*) или широко известная историческая информация (*иезуит* / *jesuït*). Результатом такого переноса становится определение ведущих черт характера человека (он такой, как если бы проповедовал данную философию, был приверженцем этого религиозного течения и т.д.).

Мтф с ППС-3, основанные на потенциальных семах, отражают либо утрированную трактовку того или иного учения (как правило, искажённую: *циник* / *küünik*), либо отношение к человеку, исповедующему иную веру (чаще — в РЯ, например, *басурман*, *нехристь*).

На материале обоих сопоставляемых языков в числе переносных значений наименований человека по умонастроению и мировоззрению преобладает эквивалентное Мтф-развитие. Видимо, это можно объяснить большим количеством заимствований — отражается над-национальный, общеисторический опыт.

в) наименования человека по социальному положению:

Таблица 4

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	36 / 100 %	19 / 100 %
— ППС-1	19 / 52,8 %	9 / 47,4 %
— ППС-2	4 / 11,1 %	2 / 10,5 %
— ППС-3	13 / 36,1 %	8 / 42,1 %
ОПС	—	—
Мтф-обращения	—	—

Метафоризации в данной группе слов подвергаются лексемы, называющие представителей высшего и низшего общественных слоёв (например, *царь*, *prints* и *челядь*, *mats*), все переносные отношения основаны на ППС (см. таблицу 4).

При ППС-1 высокое положение в обществе связывается с такими признаками, как главенство (*namron* / *patroon*), неограниченная власть (здесь преобладают историзмы, в которых данный признак входит в исходное значение в качестве дифференциальной семы: *campan* / *satraap*). Сема «низшая ступень общества» в таких редко употребительных в прямом значении словах, как *изгой*, *чернь*, *плебей* / *plebei*, способствует развитию Мтф-употребления 'о представителе низшего сословия'. Неограниченности власти у людей высокого социального положения противопоставлена зависимость представителей низшей ступени общества — отсюда Мтф-перенос 'о зависимом человеке'. Таким образом, Мтф с ППС-1 используются в современном РЯ и ЭЯ для указания на сословную принадлежность лица или на проявление наиболее ярких качеств представителей сословия — власть высшего сословия и зависимость низшего.

Мтф с ППС-3 так же, как и в иных ЛСГ, отражают общие представления (в данном случае — о статусе человека). Верх общественной пирамиды — высшая власть — ассоциируется в сознании носителей обоих языков как с максимальным проявлением творческих качеств, духовности, воплощением идеала (положительная оценка: *король* / *kuningas*), в то время как привилегированная прослойка общества в целом, напротив, связывается с изнеженностью, нежеланием и неумением работать, использованием незаслуженными благами (отрицательная оценка: *барышня* / *preili*). Принадлежность к низшим слоям общества очень часто в языковом сознании становится показателем ограниченности и духовной низости (*мужик* / *mats*).

Развитие ППС-2 в обоих языках может опираться на предписанные обществом сословные порядки (их нарушение: *господин* — о том, кто вызывает презрение своим поведением, *мамзель* / *daamike* — о женщине лёгкого поведения — или выполнение: услужливость низших слоёв: *челядь*).

ОПС на материале наименований людей по сословному положению не получает реализации: все признаки, лежащие в основе таких переносов,

связываются в сознании носителей РЯ и ЭЯ с реальными признаками лица — важно выявить эти признаки, но не переосмыслить их.

г) термины родства и дружеские наименования человека:

Таблица 5

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	15 / 45,5 %	12 / 43 %
— ППС-1	5 / 15,1 %	8 / 28,5 %
— ППС-2	2 / 6,1 %	1 / 3,7 %
— ППС-3	8 / 24,3 %	3 / 10,8 %
ОПС	5 / 15,1 %	8 / 28,5 %
Мтф-обращения	13 / 39,4 %	8 / 28,5 %

Как мы видим, в числе Мтф этой группы в обоих языках преобладают переносы с ППС. При ППС-1 в основе лежит деление семьи на старшее и младшее поколения: *отец / isa* — о человеке старшего возраста, о предшественном поколении, *сын / poeg, pojake* — о представителе младшего поколения — таким образом, семейные отношения проецируются на деление общества по возрастному признаку.

ППС-2 проявляет себя в единичных случаях: само выявление второстепенных признаков в родственных и дружеских отношениях практически невозможно. В качестве основы переноса при ППС-3 и ОПС важным становится осознание родства общечеловеческого (потенциальная сема — «братья во Христе»: *brat / vend* о монахах) или духовного (преобразование: кровное родство → родство душ: *sugulane* о единомышленнике, о духовно близком человеке).

Широко употребляемая в РЯ и реже в ЭЯ десемантизованная Мтф-обращение способствует сокращению дистанции в общении с чужим человеком, создаёт ощущение близости, доверительности. Видимо, то, что именно эта группа слов единственная из продуктивных переносов «ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК» способствует появлению десемантизованной Мтф-обращения, объясняется осознанием ценности семейных, родственных и дружеских отношений — это то, что рождает безусловно положительные ассоциации без необходимости актуализации каких-либо конкретных сем первичного значения.

д) наименования человека по национальности и месту проживания:

Таблица 6

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	12 / 100 %	14 / 100 %
— ППС-1	4 / 33,3 %	6 / 42,9 %
— ППС-2	5 / 41,7 %	6 / 42,9 %

— ППС-3	3 / 25 %	2 / 14,2 %
ОПС	—	—
Мтф-обращения	—	—

Прежде всего следует отметить, что использование Мтф-значений наименований человека по национальности и месту проживания — явление достаточно редкое. Такой перенос нельзя назвать регулярным и продуктивным для каждого из сопоставляемых языков (см. данные в таблице 6), несмотря на то, что исторический опыт общения с представителями иных национальностей связан у каждого этноса с определёнными стереотипами, нередко находящими своё отражение, как известно, в таких языковых единицах, как фразеологизмы, пословицы и поговорки.

Однако Мтф-употребление этнонима не получает широкого употребления, и закреплённые в сознании носителей языка стереотипы не находят своего выражения посредством переносных значений этнонимов.

Как показывает анализ материала, большая часть Мтф-значений развивается у таких лексем на основе дифференциальных (ППС-1) или периферийных (ППС-2) признаков — можно говорить о преобладающей значимости реального исторического опыта перед возможными общественными предрассудками. Однако различия в этом историческом опыте проявляют себя — интересен и тот факт, что эквивалентный результат развития переносного значения наблюдается только у заимствованных лексем, имеющих античные корни (*vandal / vandaal*).

е) **наименования человека по возрасту:**

Таблица 7

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	12 / 75,0 %	7 / 77,8 %
— ППС-1	9 / 56,3 %	7 / 77,8 %
— ППС-2	3 / 18,7 %	—
— ППС-3	—	—
ОПС	2 / 12,5 %	—
Мтф-обращения	2 / 12,5 %	2 / 22,2 %

Исходя из приведённых данных (см. таблицу 7), можно сказать, что Мтф-значения наименований людей по возрасту развиваются прежде всего на основе реальных признаков, выраженных в первичном значении дифференциальными семами (ППС-1). Практически все лексемы (в ЭЯ — все без исключения), участвующие в подобного рода метафоризации, являются наименованиями молодого человека: именно он оказывается маркированным в сознании носителей языка и связывается с такими качествами личности, как неопытность и наивность.

Появление в этой группе Мтф переносов с ОПС (в РЯ) и десемантизованных обращений объяснимо семантическим взаимодействием её с терминами родства: так же, как и *бабушка, отец*, с духовным родством связываются лексемы *дитя, чадо* (обращение священника по отношению к своим подопечным); употребление таких Мтф-обращений, как *дитя, дитятко / laps, lapsuke*, несомненно, переключается с подобным использованием лексем *сынок / pojake, дочка / tütreke*.

ж) **наименования человека по болезни:**

Таблица 8

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	4 / 66,6 %	3 / 75 %
— ППС-1	4 / 66,6 %	3 / 75 %
— ППС-2	—	—
— ППС-3	—	—
ОПС	2 / 33,4 %	1 / 25 %
Мтф-обращения	—	—

Метафоризация наименований человека по болезни не носит регулярного характера, на нашем материале она представлена единичными случаями (см. таблицу 8). Переносные значения получают лексемы, называющие человека по психическим и физическим изъянам: психические изъяны связывают с умственными способностями человека (ППС-1), а физические при Мтф-переосмыслении характеризуют духовное состояние человека (ОПС).

з) **иные ЛСГ (единичные случаи переноса):**

Таблица 9

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	8 / 32,0 %	7 / 58,3 %
— ППС-1	7 / 28,0 %	7 / 58,3 %
— ППС-2	1 / 4,0 %	—
— ППС-3	1 / 4,0 %	—
ОПС	3 / 12,0 %	2 / 16,7 %
Мтф-обращения	13 / 52,0 %	3 / 12, %

Мтф-значения иных наименований человека нерегулярны и представлены единичными случаями. Переносные значения получают наименования людей, связанных выполнением какого-либо совместного действия, военных противников, наименования людей по чертам характера, поступкам и по внешнему виду, а также названия военных групп. Эта группа лексем является ещё одним подтверждением большего распространения Мтф с ППС. Те же переносы, в которых мы обнаруживаем

ОПС, осуществляются по реализуемой в самых различных группах слов закономерности — «большой / маленький размер → наименования человека по его способностям: человек, больших творческих возможностей / незначительный человек».

Таким образом, анализ вторичных значений при переносе «ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК» показал, что признаки, положенные в основу Мтф, разнообразны, но при этом существуют закономерности выбора основы переноса (ППС) и самого процесса метафоризации.

Глава 2

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС «ЖИВОТНОЕ — ЧЕЛОВЕК»

Зоонимы являются наиболее интересной с точки зрения Мтф-характеристики группой слов¹³: сопоставление человека с представителем животного мира, т. е. другим одушевлённым существом, кажется носителю языка естественным и логичным (вспомним и многочисленные мифы разных народов о происхождении человека от животного и наоборот)¹⁴.

Как отмечают исследователи, экстралингвистическая база зоохарактеристик достаточно единообразна: «разным языковым коллективам, по крайней мере в Европе, известны в основном одни и те же биологические виды, и круги названий животных, устойчиво выполняющих характеристическую функцию, сильно пересекаются» [Гутман и др. 1977: 148]. Однако понятно, что один и тот же признак может порождать различные ассоциации, следовательно, «зооморфизмы разных языков, «ориентированные» на одно и то же реально существующее животное, могут представить его (и реально представляют) эталоном разных качеств и свойств» [там же]. Таким образом, контрастивное исследование Мтф-значений зоонимов даёт основание усматривать в них отражение национальных особенностей, проявляющихся в языке.

Значительную часть переносных значений зоонимов, характеризующих человека (общее количество Мтф-значений — 128 в РЯ и 101 в ЭЯ), мы можем отнести к Мтф с **прямой признаковой связью** (ППС: 95 в РЯ и 69 в ЭЯ). Как правило, в основе их лежит ассоциация по внешнему виду и производимому впечатлению (ППС-1), поэтому и результатом переноса становится собственно «портретная» — **внешняя — характеристика** (РЯ — 18, ЭЯ — 14). Однако нередко развитие основного Мтф-значения сопровождается появлением некоего дополнительного характеризующего человека признака (или набора признаков), которые основываются либо на периферийных, либо на потенциальных семах.

Так, например, достаточно широко зоонимы с ППС используются для **характеристики толстого или рослого человека** (РЯ — 10, ЭЯ — 5). Как правило, к этой характеристике добавляется признак «неуклюжий, не-

¹³ Наименования животных привлекли наибольшее внимание исследователей, см. работы Е. А. Гутмана, Ф. А. Литвина, М. И. Черемисиной, В. И. Шаховского, Я. Л. Белицыной, А. А. Камаловой и др.

¹⁴ См. [Мифы народов мира I 1997 : 440].

ловкий». С этой целью употребляется в речи ряд наименований домашнего скота:

*корова*¹⁵ — крупное домашнее молочное животное

Опорная дифференциальная сема:

крупное, громоздкое животное ⇒

Опорная периферийная сема:

размеры животного ограничивают его
подвижность ⇒

Мтф-значение:

о толстой

+ неуклюжей женщине

Аналогично: *боров* / *orikas*, *кабан*, *кабанчик* → о толстом, неповоротливом мужчине, а также: *бык* / *sõnn* → о рослом, сильном мужчине, *кобыла* / *mära*¹⁶ → о рослой здоровой женщине.

Все переносные значения этих лексем являются стилистически и эмоционально маркированными: *просторечное* / *разговорное* и *неодобрительное* / *презрительное*.

Для подобной характеристики — крупного, рослого или полного и неуклюжего человека — используются также названия таких животных, как *слон*, *мастодонт* ‘огромное вымершее животное, близкое к слону’, *медведь* / *kari* (о крупном, сильном, но грузном и неуклюжем человеке) и производное от последнего *медвежонок* — единственная лексема из перечисленных, не содержащая отрицательной коннотации (влияние уменьшительно-ласкательного суффикса). Большой и сильный человек в ЭЯ может быть также охарактеризован с помощью лексемы *purikas* ‘большая щука’ (← мощная, крупная рыба).

Для описания человека иной конституции — худого, тощего, (+ нескладного — дополнительный признак в ряде лексем, связанный с чрезмерной худобой) — зоонимы употребляются значительно реже (РЯ — 4, ЭЯ — 1):

разг. *одёр* ‘изнурённая, тощая (обычно старая) лошадь’

Опорная дифференциальная сема:

тощая ⇒

Мтф-значение:

прост. о тощем, нескладном человеке

Также о худом человеке: *глиста*, *выдра* (оба слова в переносном значении: груб., прост.), *пигалица* (разг.) ‘о тшедушном человеке маленького роста, чаще женщине’.

Примыкает к этой группе слов эстонская лексема *kronu* ‘кляча’, которая используется для характеристики человека старого, убогого, невзрачного.

¹⁵ Переносное значение эстонского соответствия *lehm* будет рассмотрено ниже.

¹⁶ Словарь указывает, что слово *mära* является бранным по отношению к женщине (без уточнения Мтф-значения), однако из иллюстративного материала следует, что оно используется аналогично русскому *кобыла*.

Целый ряд наименований насекомых используется в обоих сопоставляемых языках для характеристики человека маленького роста, ребёнка (РЯ — 3, ЭЯ — 10), основой такого переноса становится размер этих представителей фауны: *klon*, *kirp* ‘блоха’, *mardikas* ‘жук’. Нередко эта характеристика оказывается осложнённой созначением: *sitikas* ‘букашка’ → о ребёнке + смышлёном, живом, *põrnikas* ‘жучок’ → о маленьком ребёнке + живом, сообразительном (чаще мальчике), *smpekoza* / ~ *sirts* = *tirts* = *ritsikas* ‘кузнечик’ → чаще о девочке + живой и подвижной. Акцентировать внимание на малом росте человека можно, употребив в речи лексемы *малявка* (в значении ‘малёк’) и эстонское соответствие *taim*, *maimuke* (о маленьком ребёнке), а также лексему *kilu* ‘килька’.

На нашем материале была обнаружена только одна лексема, в переносном значении характеризующая внешность человека в целом, — *обезьяна* (об очень некрасивом человеке). Она так же, как и большинство уже упомянутых зоонимов, содержит отрицательную оценку и указывает на недостатки облика человека

Ряд Мтф-переносов с ППС основывается на тех признаках, которые представляются человеку наиболее яркими (часто связываются со способностями животного к какому-либо действию) и отличают это животное от других (ППС-1: РЯ — 13, ЭЯ — 9). Например:

<i>обезьяна</i> / <i>ahv</i> , <i>мартышка</i> / <i>pärdik</i>	Опорная сема: гримасничает ⇒	дифференциальная	Мтф-значение: о человеке, который пере- дразнивает других, крив- ляется
<i>попугай</i> ¹⁷	подражает человеческой речи ⇒		о человеке, склонном по- вторять чужие мысли, сло- ва
<i>кукушка</i>	подбрасывает своих птенцов в чужие гнёзда ⇒		о не заботящейся о детях женщине
<i>трутень</i>	не производит никакой работы ⇒		о человеке, не утружда- ющем себя работой, живу- щем за счёт других

Аналогично — на основе признаков, выделяемых человеком в качестве отличительных, — развилось Мтф-значение у лексем *наседка* / ~ *kanake*, *kodukana*, *kodukanake* (заботится о своих цыплятах → о чрезмерно пекущейся о детях матери); *сорока* / *harakas* и *чечётка* (стрекогут → о болтливом человеке), *шилохвостка* (подвижная птичка → о пустой непоседливой женщине), *коза* / *kits*, *kitseke* ‘козочка’ (подвижна → о резвой, бойкой девочке,

¹⁷ В ЭЯ употребляется в качестве сравнения, см. пример в словаре: *otsekui papagoi* — прямо как попугай.

девушке), *бирюк*¹⁸ (зверь-одиночка → одинокий, нелюдимый человек), *морж* и *моржиха* (живут в холодной воде → о любителях зимнего плавания). Образные значения этих зоонимов, как правило, используются в речи для определения какой-либо склонности человека.

Особо хотелось бы оговорить развитие переносного значения у эстонской лексемы *määrkass* ‘мартышка’ → о неопрятном, чумазом человеке. Логика метафоризации сокрыта в ложной этимологии: заимствованное из немецкого языка (*Meerkatze*) слово было воспринято носителями языка как произведённое сложением основ — *määr-* — от глагола *määrima* ‘марать’ + *kass* ‘кошка’ (таким образом, тот самый выделяемый людьми, главенствующий признак как бы «заявлен» в самой структуре слова).

Единичные случаи ППС-1 — и только в РЯ — отражают перенос наименований животных и птиц на человека для **указания на его профессиональную деятельность**:

ищейка — охотничья или служебная собака, приручаемая к розыску дичи или человека по следу

Опорная дифференциальная сема:
функция: разыскивает ⇒

Мтф-значение:
разг., пренебр. сыщик,
шпион

кукушка — лесная перелётная птица

Опорная дифференциальная сема:
местонахождение: наверху ⇒

Мтф-значение:
о вражеском снайпере,
стреляющем сверху

То, что эти Мтф основываются на различных и редких для переносных значений зоонимов признаках (функция и положение в пространстве), указывает на нерегулярность и нетипичность развития такого типа вторичного значения — «животное — наименование человека по роду занятий» — у зоонимов.

Становлению переносных значений, основанных на реальных признаках и свойствах того или иного животного, у ряда зоонимов (РЯ — 16, ЭЯ — 15) могут **способствовать религиозно-культурные или бытовые представления народа** («наложение» на ППС-1 ППС-2).

Так, например, накопленный опыт опасного «общения» с таким пресмыкающимся как змея, а также, видимо, христианская традиция, представляющая змея / змею как символ сатаны, способствовали Мтф-использованию различных наименований этого животного в качестве номинации

¹⁸ Согласно МАС лексема *бирюк* употребляется для наименования волка. При таком толковании прямого значения развитие Мтф непонятно современному носителю языка. Однако если следовать данным Словаря В. И. Даля (*бирюком* могли называть любого зверя, охотящегося или живущего поодиночке), то логика процесса метафоризации проясняется.

для человека злого, коварного, отвратительного и подлого: *змея, гад, гадина / uss, madu, siug; гадюка / rästik и acnuð*, а также слов *гадюшник* и *змеюшник* и их эстонского соответствия *ussipesa* для характеристики собравшихся вместе злых, враждующих друг с другом людей. Можно предположить, что под влиянием переносного значения у наименования взрослого животного стало использоваться как бранное, а также для характеристики подлого и злого молодого человека слово *змеёныш / ussipoeq*.

Царственность, величие и сила орла и сокола являются основой Мтф-использования в РЯ наименований этих птиц для характеристики мужчин, отличающихся отвагой, смелостью, удалью и красотой. Переносное употребление подкрепляется и народными представлениями. *Орёл* в славянской традиции иногда являлся как гром-птица, существуют сказочные тексты, описывающие поединок его со змеёй — животным классификатором низа (см. [Мифы народов мира II 1997: 346–347]); в *сокола* превращался герой русских былин Вольга [там же]. В эстонской традиции такие поддерживаемые фольклором ассоциации отсутствуют, поэтому переносные значения соответствий более конкретны: *kotkas* ‘орёл’ — о смелом, бесстрашном человеке, чаще о лётчике, *pistrik* ‘сокол’ — о яром политическом противнике (основа переноса — *хищная* птица, т.е. происходит актуализация иных, нежели в РЯ признаков-сем).

Несомненно, именно опыт долгого сосуществования человека и собаки (общеизвестно, что она была одним из первых приручённых животных) повлиял на то, что в сознании носителей как РЯ, так и ЭЯ закрепились противоречивые, полярные ассоциации: как крайне положительные (*собачья преданность, верность; собака — друг человека*), так и отрицательные (*злой, как собака*). В Мтф-системе обоих языков отразились в первую очередь негативные представления: слова *собака / koer* и *нѣс / peni* используются для презрительного, неодобрительного наименования человека, вызывающего негодование своими поступками и достаточно широко употребляются в качестве бранных, *сворой* презрительно называют людей, занимающихся предосудительной деятельностью, шайку, банду. Однако можно предположить, что формированию подобного переносного значения сопутствовали религиозные представления о собаке как животном нечистом, способном осквернить храм. *Собаками / псами* называются в Библии (как в Новом, так и Ветхом Завете) люди нечестивые, беззаконники, а также язычники и лжепророки (ср. эстонское *uskmatu koer* — буквально: *неверующая собака*). Кроме того, как известно, уже в языческой славянской мифологии собака была одним из обликов нечисти (например, лешего)¹⁹.

¹⁹ См. [Мифологический словарь 1992: 177, 220, 296, 611].

На бытовые ассоциации (злая дворовая собака), вероятно, никак не связанные с мифологическими и религиозными представлениями, опирается употребляемое в разговорной речи по отношению к злому и грубому человеку наименование *барбос* / *krants* 'дворовая собака'.

Видимо, собачья преданность стала основой Мтф в употребляемом для наименования послушного человека, слуги слова *ketikoer* 'цепная собака'.

Мтф-переосмыслению подвергаются и наименования собаки по определённой отводимой ей роли — *ищейка* / *verekoer*. И здесь мы наблюдаем расхождение в основе переноса, а следовательно, и в переносном употреблении слова. В РЯ в слове *ищейка* метафоризация базируется на функции, предназначении собаки — брать след, идти по следу, разыскивать; отсюда: *ищейка* — тот, кто «идёт по следу» — 'сыщик, шпион'. Внутренняя форма эстонского соответствия иная: *vere/koer* — форма генитива лексемы *кровь* + *собака* => изначально: собака, идущая по кровоавому следу. Именно это различие во внутренней форме и становится основой для метафоризации: 'жестокий, лютый, кровожадный человек (о мужчине)'.

Думается, под влиянием переносного употребления наименования взрослого животного сформировалось и Мтф-значение лексем *щенок* / *kut-sikas*, *koerapoeg*, отмеченное сниженной стилистической окраской, — (прост., бран.) 'о молодом, неопытном человеке, молокососе'.

Мтф-значения, относящиеся к ППС-2, т.е. основанные на периферийных семах, в «чистом» виде, без «наложения» на ППС-1 (как это происходило со словами *корова*, *кабанчик* и др.), встречаются достаточно редко (РЯ — 11, ЭЯ — 4):

байбак — крупный степной грызун из рода сурков

Опорная дифференциальная сема:

осень и лето проводит в спячке ↓↓

Опорная периферийная сема:

в течение полугода не двигается,
«бездельничает» =>

Мтф-значение:

разг. неповоротливый, ленивый человек, лежебока

клуша — прост. курица-наседка

Опорная дифференциальная сема:

высиживает яйца ↓↓

Опорная периферийная сема:

мало движения =>

Мтф-значение:

о неуклюжей, неповоротливой женщине

тюлень — морское ластиное млекопитающее (близко в переносном значении: *каракатица*)

**Опорная дифференциальная
сема:**

ластоногое ⇓

Опорная периферийная сема:
выглядит неуклюжим ⇒

Мтф-значение:

о неуклюжем, неповоротливом человеке

Мтф, которые базируются на периферийных семмах, связанных с общечеловеческими культурными и религиозными знаниями, — также ППС-2 — на материале зоонимов немногочисленны. К ним можно отнести такие лексемы, связанные с христианской традицией, как *агнец* / *tall* — о человеке смиренном, непорочном, кротком (аналогия с образом Иисуса Христа — сын Божий принесён в жертву во имя спасения человечества + агнец как символ жертвы в Ветхом завете), *голубица* — устар. о целомудренном, невинном, кротком существе, чаще девушке (голубь — птица Божья). Единичные случаи представляют Мтф-переносы с мифологической или фольклорной основой: *кит* — о важном, значительном человеке, на котором всё держится (ср. *три кита*, на которых держится мир), *kuldkala* ‘золотая рыбка’ — о человеке, приносящем богатство, могущество и доход (связь с известным сказочным сюжетом).

Иногда периферийная сема опирается не на экстралингвистический, а на собственно языковой материал, который способствует развитию переносного значения: так, например, употребление лексемы *саврас* для характеристики развязного, бесшабашного молодого человека, озорника и кутилы (разг., устар.) «поддерживается» существованием фразеологизма *саврас без узды* с тем же значением.

Употребление слова *ворона* для Мтф-наименования рассеянного, невнимательного человека (разг.) можно объяснить использованием в речи устойчивого словосочетания *считать ворон* (от которого, в свою очередь, образована лексема *воронить*). Подобное Мтф-значение тем более кажется необычным, что ворон / ворона в самых разных народных традициях считались птицами, представляющими потусторонний мир, нередко воплощавшими в себе нечистую силу. Скорее всего именно эти представления, видимо, сыграли свою роль при развитии переносных значений у эстонского слова *kaaren* ‘ворон’ (о жадном, алчном, падком на добычу человеке) и *вороньё* (прост., презр. о людях, стремящихся воспользоваться чем-либо, расхищающих что-либо).

Переносное значение зоонима *tõhk* ‘хорёк’, которое используется в качестве бранного наименования неприятного человека, проясняется через сопоставление с синонимом *tuhkur*, которое не имеет переносного значения, является нейтральным и безоценочным. Лексема же *tõhk* обычно используется в тех случаях, когда говорят о неприятном запахе, исходящем

от зверька: ср. *haiseb nagu tõhk* ‘воняет, как хорёк’ (отсюда, вероятно, и Мтф-значение).

В некоторых случаях на появление антропоцентрической Мтф влияют устойчивые ассоциации с тем или иным представителем животного мира, закреплённые в сознании носителя языка, т. е. Мтф основывается на **потенциальных семах** (ППС-3: РЯ — 37, ЭЯ — 27), например:

лиса, лисица / rebane — хищное млекопитающее с острой мордой и длинным пушистым хвостом

Потенциальная сема:
хитрость ⇒

Мтф-значение:
о хитром, лстивом человеке

свинья / siga — млекопитающее с крупным телом, короткими ногами и удлинённой мордой с круглым хрящевидным носом
и *поросёнок / põrsas* — детёныш свиньи

Потенциальная сема:
неопрятность ⇒

Мтф-значение:
разг. о грязном неряшливом человеке / ребёнке

осёл, ослица, ослиха / eesel — родственное лошади выючное домашнее животное

Потенциальная сема:
упрямство ⇒

Мтф-значение:
бран. о глупом и упрямом человеке

päss ‘баран’

Потенциальная сема:
упрямство ⇒

Мтф-значение:
бран. об упрямом или строптивом человеке

петух / kukk — самец курицы

Потенциальная сема:
драчливость ⇒

Мтф-значение:
о драчуне, хвастуне и забияке

В основу переноса здесь ложится признак, «придуманый» самим человеком: это он, олицетворяя окружающий мир и сопоставляя себя с иными живыми существами — птицами и зверями, приписал лисе хитрость, ослу — упрямство, свинье — неопрятность, — он их такими, подобными себе, увидел. И уже на основании этой, самим человеком данной животным характеристики, базируется Мтф-значение. Причём в подобных случаях нельзя говорить об опосредованной признаковой связи (ОПС), поскольку сам признак, лежащий в основе Мтф-переноса (в данном случае хитрость, неопрятность, упрямство), не переосмысливается и не трансформируется.

Эти устойчивые ассоциации могут быть общими для различных этнических групп (без взаимного влияния, как можно предположить). Так,

многие исследователи отмечают, что «в мифопоэтических традициях образ лисы / лисицы выступает как распространённый зооморфный классификатор, нередко функционирующий и в языковой сфере» [Мифы народов мира II 1997: 57]. Таким образом, во многих языках, и в РЯ и ЭЯ в том числе, возможно Мтф-использование этого зоонима (*лиса, лисица / rebane*) для характеристики хитрого и ловкого человека.

Нередко эти народные «характеристики» животных оказываются широко отражены в фольклоре (сказках и притчах). Так же, как лиса обычно хитра, *заяц / jänes* — труслив и пуглив (отсюда и соответствующее Мтф-употребление этих зоонимов: о трусливом человеке, а также о безбилетном пассажире, который прячется, действует скрытно, стараясь быть незамеченным).

Представления о льве как о царе всех зверей, в качестве первоначального источника которых выступают мифы народов Азии и Африки, повлияли на употребление лексем *лев / lõvi* и *львица* в значении ‘о мужчине / женщине, законодателях мод и правил светского поведения, пользующихся большим успехом у лиц противоположного пола, значимых в обществе’ (можно предположить, что само переносное значение могло быть заимствованным из европейских языков). Следует отметить, что зооним *emalõvi* используется в Мтф-значении иначе, чем его эквивалент в РЯ, что связано в первую очередь с внутренней формой эстонской лексемы (*мать-лев*), — о матери, рьяно защищающей своих детей.

Замечателен тот факт, что опорные при метафоризации потенциальные семы при их, как можно было бы предположить, «индивидуальности» для каждого национального языка, на материале зоонимов, как правило, оказываются общими. Различное развитие переносного значения у лексем-соответствий ограничивается крайне небольшим числом: упомянутые выше *львица / emalõvi* и

рыба / kala — водное позвоночное животное

Потенциальная сема:	Мтф-значение:
РЯ: вялая, инертная (видимо, такая ассоциация возникает при взгляде на рыбу на суше) ⇒	о вялом, холодном человеке ²⁰
ЭЯ: опытная, осторожная (ср. с фразеологизмом <i>vana kala</i> ‘старая рыба’, соответствующим по значению русскому <i>стреляный воробей</i>) ⇒	об осторожном, ловком человеке

Интересным в описываемой группе слов — с ППС-3 — оказывается противопоставление «домашний скот — дикое животное». Приручённые звери и птицы, которых человек подчинил своей воле, «изучил», как пра-

²⁰ Близко в ЭЯ *kalaveri* ‘рыбья кровь’ — о холодном, бесчувственном человеке.

вило, представляются носителю языка более глупыми, поэтому антропоцентрическая негативная характеристика умственных способностей почти полностью состоит из подобных зоонимов: *ишак*, *осёл*, *ослиха*, *ослица* / *eesel*, *баран* / *oinas*, *овца* / *lammas*, *курица* / *kana*, *гусыня* / *hani*, а также *корова* в РЯ и *orikas* 'боров' в ЭЯ. Представления о домашнем скоте как о рабочей зависимой безответной массе проявляются в переносных значениях русских лексем *кобылка* (о безответном человеке, покорно выполняющем трудную работу, много и тяжело работающем), *ишак* (о человеке, безропотно выполняющем самую тяжёлую работу).

На культурных и бытовых представлениях базируется, как показывал анализ материала, само сопоставление человека и животного, что особенно ярко иллюстрирует переносное употребление общих наименований представителей фауны (*скот*, *зверь* и т.д.). Номо *sapiens* противопоставляет себя, существо разумное, животному, уступающему человеку — по его предположениям — как в умственных, так и в душевных качествах. Человек должен быть умён, для него естественно руководствоваться разумом — животные примитивны, отсюда употребление лексемы *животное* / *loot* в качестве бранного наименования грубого человека.

Человек испытывает чувства, в то время как животными движут инстинкты. Поэтому *самкой* / *самцом* (аналогично наименования конкретных животных мужского пола: *кобель*, *жеребец* / *täkk, jäär* 'баран', *sõnn* 'бык') называют людей, чьи отношения с противоположным полом сводятся к животной похоти.

Все представители фауны с точки зрения их отношения к человеку, соседства с ним делятся на две группы: звери (дикие животные) и скот (домашние). Первые — обитающие на свободе, не подчинённые людям — вынуждены выживать в трудных условиях; в их сообществе, по представлению человека, не существует законов милосердия и добродетели, они видят друг в друге соперника / врага / добычу. Соответственно, *зверем*, *зверюгой*, *хищником* / *metsloom, kiskja* можно назвать человека неуправляемого или кровожадного, а *зверьём* — жестоких, свирепых людей.

Вторые — подчинённые человеку, приспособленные им для тяжёлой работы — как уже отмечалось выше, представляются глупыми, не способными испытывать какие-либо чувства: *скотина*, *скот* / *lojus, tõbras* являются образными наименованиями грубого, низкого, подлого человека.

Относительно толпы, гурьбы употребляются в переносном значении лексемы разг., возможно презр. *стадо* / *kari*, *стая* / *parv* (сопоставлением со скоплением животных подчёркивается отсутствие организованности).

Все перечисленные общие наименования животных встречаются в разговорной речи в качестве бранных слов и обращений (причём, здесь не происходит полной десемантизации).

Случаи, при которых происходит Мтф-переосмысление какого-либо свойства, признака, свойственного тому или иному животному (ОПС), достаточно многочисленны в обоих языках (РЯ — 19, ЭЯ — 22).

Устоявшаяся в русском сознании ассоциация признака «острый» с язвительностью, злым словом (*острый язык, отпускать шпильки*) повлияла на развитие вторичного значения у зоонимов ёж (о том, кто язвительно отвечает на злое замечание, критику) и *ехидна* (о человеке злом, язвительном)²¹.

Признак «скользкий» ассоциируется в ЭЯ с таким качеством, как лезть: *mollusk, libekala* — о лстивом, пустом человеке²²

В ряде случаев у зоонимов на одной и той же основе развиваются два переносных значения — ППС и ОПС.

	Трансформация:	Мтф-значение:
<i>медведь</i>	Приписываемая животному «неуклюжесть» становится показателем «неуклюжих» манер	о невоспитанном человеке
<i>свинья / siga</i>	физическая грязь становится символом духовной грязи	о человеке с низменными наклонностями, невежественном; или: о человеке, поступающем грубо, неблагодарно и низко
<i>насекомое / putukas, kilu</i> ‘килька’, <i>kärbes</i> ‘муха’, <i>гнида</i> , <i>козявка</i> , <i>букашка, könn</i> ‘маленькое животное’ (возможно также о расении)	маленький размер животного, который при ППС становится основой для характеристики человека невысокого роста, в процессе переосмысления порождает ассоциацию с незначительностью, ничтожностью (иногда — зависимостью) человека	о ничтожном, незначительном, зависимом человеке

²¹ Эта ассоциация, по-видимому, присуща не только русскому сознанию: так, например, упомянутое устойчивое словосочетание *острый язык* является калькой с французского, ср. с эстонским *terav keel* ‘острый язык’, прилагательным *okkiline* ‘с колючками, шипами’ — о язвительном человеке. В Мтф-системе ЭЯ тоже возможна образная связь признака *острый* и *язвительный*, однако она проявляется в иной семантической группе — на материале предметной лексики.

²² Следует отметить внутреннюю форму самого прилагательного *libekeelne* ‘лстивый’ в ЭЯ — *скользкоязычный*.

Близко *sääsk* ‘комар’ — о человеке, уступающем в чём-либо.

В некоторых случаях Мтф-переосмыслению подвергается сам образ жизни животного:

paук — членистоногое животное, плетущее паутину для ловли насекомых, служащих ему пищей

Трансформация:

переосмысление признака происходит следующим образом: плетёт паутину и питается насекомыми → «пьёт чужую кровь» → эксплуатирует

Мтф-значение:

о том, кто жестоко эксплуатирует кого-либо

*parazit*²³ / *parasiit* — животное, живущее на поверхности или внутри другого организма и питающееся за счёт последнего, обычно принося ему вред

Трансформация:

проводится параллель между биологической способностью жить за счёт сил другого организма и позицией человека, живущего за чужой счёт

Мтф-значение:

о том, кто живёт чужим трудом

пиявка / ~ *vereimeja* ‘кровосос’

Трансформация:

способность питаться кровью животных и людей переосмыслиется как возможность вести паразитический образ жизни, «пить чужую кровь»

Мтф-значение:

о том, кто живёт за счёт чужого труда, ведёт паразитический образ жизни

червь / *limukas* ‘дождевой червь’ — беспозвоночное животное, которое передвигается, изгибая своё длинное тело

Трансформация:

сам способ передвижения — ползая — трансформируется в символ приниженности

Мтф-значение:

о приниженном, ничтожном, незначительном человеке

Трансформация опорного признака происходит также в словах: *хамелеон* / *kameeleon* (меняет окраску из самосохранения — о том, кто меняет свои мнения и симпатии применительно к обстановке), *рептилия* / *rootaja* (передвигается, ползая — в ЭЯ: лстец, подхалим, подлиза, в РЯ — уже: устар. представитель прессы, пресмыкающийся в печати перед правящими кругами из корыстных побуждений); *piiik* ‘клещ’ (пьёт кровь животных и людей), *koi* ‘моль’ (поедает одежду, растения, т. е. эти насекомые, в человеческом понимании, «берут чужое» — об алчном, жадном, скупом

²³ В прямом значении может быть использовано и при наименовании растения.

человеке)²⁴; *lind* ‘птица’, *linnuke* ‘птичка’, *liblikas* ‘бабочка’ (летает, порхает — о легкомысленной девушке), *sälg* ‘стригунок’ (резвость молодой лошади связывается с человеческой удалью).

Неприятный внешний вид, некоторая бесформенность повлияли на развитие переносного значения у слова *слизняк* / ~ *mollusk*: ‘о безвольном, бесхарактерном, ничтожном человеке’. Интересен тот факт, что переносмслению при метафоризации зоонимов может подлежать даже внешний вид животного: можно предположить, что особенности облика способствуют формированию переносных значений у таких лексем, как *сыч* (разг. об угрюмом, нелюдимом человеке), *индюк* (прост., пренебр. о заносчивом, надменном человеке), *зубр* (о закоснелом в своих взглядах человеке), *lehm* ‘корова’ (вульг. о небрежной, неопрятной или с дурными привычками женщине), *крыса* / *rott* (о человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное).

Если обратить внимание на **десемантизированные метафоры-обращения** (14 в РЯ и 11 в ЭЯ), то нужно отметить, что лексика, связанная с животным миром, обладает здесь преимущественно положительными оценочными коннотациями. Фольклорные образы, по-видимому, лежат в основе таких ласковых наименований как *голубка*, *голубушка*, *голубица* / *tuvike*, *ласточка* / *pääsuke*, *pääsulind*, *касатка*, *лебедь*, *лебёдушка*; *turteltuvi*, *turteltuvice* ‘горлинка’, *linnuke* ‘птичка’ по отношению к женщине и *сокол*, *соколик*, *голубь* по отношению к мужчине. К ласковым наименованиям относятся также лексемы *заяц*, *зайка*, *зайчик*, *киска* / *kassike* / *kiisuke* (или *kiisu* — слово также содержит оттенок ласкательности), *цыпочка* / *tibuke*.

В заключение обобщим проделанный нами анализ многозначных зоонимов:

1) Метафоризации могут быть подвержены практически все группы зоонимов: в большей мере — наименования домашнего скота, диких животных, насекомых, в меньшей — названия рыб.

2) Преобладают Мтф-переносы, основанные на ППС (см. таблицу 10), причём значительную часть их составляют вторичные значения, базирующиеся на потенциальных семах (ППС-3). Только на материале зоонимов в процессе метафоризации возможно наложение ППС-1 и ППС-2, то есть участие в равной мере дифференциальных и периферийных сем: реальные признаки животного и культурно-религиозные и бытовые представления о нём оказываются связанными. Результаты анализа ещё раз подтверждают внимание человека к миру фауны: животные одушевлены, человек стремится объяснить для себя, понять повадки,

²⁴ Переносное употребление лексемы *koi* в этом значении подкрепляется существованием стилистически отмеченного слова-идиомы *ihnus/koi* (скупой + моль) ‘скупец, скряга’.

поведение животного — такое объяснение может как иметь под собой логическую основу (ППС-1 + ППС-2), так и опираться на некие домыслы (ППС-3).

Таблица 10

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	95 / 74,2 %	69 / 68,3 %
— ППС-1	31 / 24,2 %	23 / 22,8 %
— ППС-2	11 / 8,6 %	4 / 3,9 %
— ППС-1 + ППС-2	16 / 12,5 %	15 / 14,9 %
— ППС-3	37 / 28,9 %	27 / 26,7 %
ОПС	19 / 14,9 %	22 / 21,8 %
Мтф-обращения	14 / 10,9 %	10 / 9,9 %

3) Именно потому, что с точки зрения человека сопоставление с животным как с живым существом кажется наиболее ярким и выразительным, Мтф-значения зоонимов носят, как правило, оценочный характер и именуют человека с точки зрения его внешности, склонностей и манеры поведения, а также душевных свойств и моральных качеств (см. таблицу 11). Преобладание последней характеристики объяснимо: она опирается на закреплённые в сознании носителя языка представления о животном мире.

Таблица 11

ППС-1	→ внешний вид человека → склонности человека, его поведение → профессиональные навыки (единичные случаи — только в РЯ)
ППС-1 + ППС-2	→ черты характера человека
ППС-2	→ черты характера
ОПС	→ черты характера

4) Сопоставление с результатами анализа Мтф-значений на материал предметной лексики позволяет сделать вывод, что в процессе метафоризации зоонимов можно выделить меньшее количество общих закономерностей, которые могли бы помочь прогнозировать, определять некие тенденции развития переносного значения этой группы слов (см. таблицу 12).

Таблица 12

Тип связи	Основа	Развитие Мтф	Примеры
ППС-1	Размер, форма животного	1) крупное животное → рослый или толстый, крупный человек (+ возможно: неуклюжий, неловкий) 2) вытянутая форма, внешняя худоба → худой, тощий человек 3) маленький размер насекомого → человек маленького роста, ребёнок	<i>боров / orikas</i> <i>оде́р, выдра, kilu</i> <i>клон, ritsikas</i>
	Поведение, способность животного к какому-либо действию	Поведение животного → склонность человека	<i>обезьяна / ahv, мартышка / pär-dik</i>
ППС-3	Характер поведения домашнего скота, повадки	Домашний скот → глупость	<i>овца / lammas</i>
	Противопоставление: животные — человек	Инстинкты животных → похоть	<i>жеребец / täkk</i>
	Противопоставление: домашний скот — дикие звери	Дикие звери → грубость, неуправляемость, жестокость человека	<i>зверь / metsloom</i>
ОПС	Реальные и приписываемые признаки и качества	Острые колючки → язвительность, ехидство (только в РЯ)	<i>ёж, ехидна</i>
		Скользкий → лстыивый человек	<i>mollusk, libekala</i>
		Маленький размер животного → незначительность, ничтожность, зависимость	<i>насекомое / putukas</i>
		Способность ползать → лстыивый, принижающий себя человек	<i>penmilija / roomaja</i>

Число установленных алгоритмов развития Мтф-значений зоонимов, как видим, невелико, что можно было бы предсказать изначально: всё зависит от представлений о конкретном животном, его «индивидуального», с точки зрения человека, характера. Важно при этом, что в большинстве случа-

ев развитие переносных значений зоонимов в обоих сопоставляемых языках имеет общий или сходный результат: это доказывает существование некоего общего комплекса ассоциаций, связанных с животным миром.

5) Завершая анализ Мтф-значений зоонимов, хотелось бы также высказать следующее предположение, которое может быть подтверждено или опровергнуто данными сопоставительного анализа на материале других языков. Видимо, переносные значения зоонимов можно считать в какой-то мере самой устоявшейся, сложившейся группой антропоцентрических Мтф: ассоциации, лежащие в основе такого переноса, складывались на протяжении долгого времени, закреплялись в фольклорном материале и вошли в сознание носителя языка настолько, что даже при отсутствии постоянного контакта с животным миром (а вероятно, и именно поэтому) представления о том или ином звере не могут быть изменены, зоонимы в переносном употреблении прочно вошли в лексическую систему языка.

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС «ПРЕДМЕТ — ЧЕЛОВЕК»

Использование наименований предметов для характеристики человека — явление, свойственное большинству языков, ведь мышление человека склонно проводить параллели между неживым и живым, неолицетворённым и олицетворённым, в результате чего «человеческие свойства награждаются вещными качествами» [Телия 1977: 209].

А) Метафорические значения артефактонимов

Анализ русских и эстонских многозначных наименований предметов мы начнём с **артефактонимов** (РЯ — 67 Мтф-значений; ЭЯ — 58 Мтф-значений) — слов, служащих для обозначения артефактов, т.е. продуктов целенаправленной человеческой деятельности²⁵. Мтф-значения о человеке имеют следующие ЛСГ артефактонимов:

1) наименования предметов, связанных с человеческим бытом и хозяйством: предметы одежды, обувь, украшения; продукты питания; посуда, утварь; игровые предметы: детские игрушки и предметы из определённого игрового набора (карты, шахматы и т.д.); предметы, связанные со свободным времяпрепровождением, а также привычками человека; предметы, связанные с уходом за животными и работой с ними; спальные принадлежности;

2) наименования предметов мебели;

3) наименования предметов, связанных с духовными потребностями человека: искусством, верованиями и т. д. (например, музыкальные инструменты);

4) наименования зданий, сооружений, помещений и частей их;

5) наименования «технических» артефактов: механизмов, устройств, приборов, инструментов и частей их;

6) наименования предметов, связанных с военной деятельностью человека.;

7) наименования «естественных» артефактов, т. е. предметов, являющихся результатом первичной обработки какого-либо материала человеком (*болван, чурбан, rõhk* ‘солома’ и т.д.).

²⁵ Термин впервые был использован в статье Р. В. Расторгуевой «Артефактонимы — особая категория лексики», см. [Расторгуева 1982: 98].

Как основа Мтф в многозначных артефактонимах с ППС-1 (16 в РЯ и 22 в ЭЯ) могут выступать параметры, связанные со зрительным восприятием предметов человеком: **размер и форма**, т. е. внешний вид артефакта (РЯ — 9 лексем, ЭЯ — 11 лексем).

а) размер предмета (РЯ — 3, ЭЯ — 6):

каланча 'пожарная вышка' / ~ *torn* 'башня'

Опорная дифференциальная сема:
высокое строение ⇒

Мтф-значение:
разг. о человеке очень
высокого роста

кнопка — металлическое остриё с широкой шляпкой, служащее для прикалывания бумаги, ткани к чему-то твёрдому / ~ *naga* — деревянная затычка для закупорки ёмкостей, содержащих жидкости

Опорная дифференциальная сема:
маленький размер предмета ⇒

Мтф-значение:
разг. о маленьком человеке
или ребёнке (в РЯ)
/ о маленьком мальчике (в
ЭЯ)

Аналогично: *шпингалет* 'металлическая задвижка для запираания створок окна, двери и т. п.' → разг., шутл. о юноше или подростке небольшого роста; *pilvelðh-kuja* 'небоскрёб' → о человеке очень высокого роста, разг. *põkats* 'небольшая машина' → о человеке маленького роста, *jupp* 'маленький обрывок, огрызок, обрубок' → разг. о человеке маленького роста, *taputeivas* 'шест-опора для хмеля' → о высоком и худом человеке.

Таким образом, для указания на высокий / низкий рост используются «однотипные» артефактонимы: высокий рост характеризуется в обоих языках преимущественно через наименования строений и зданий, низкий — через названия маленьких предметов.

б) форма предмета (РЯ — 6, ЭЯ — 5):

кубышка — глиняный сосуд с узким горлом и широкими выпуклыми боками

Опорная дифференциальная сема:
округлой формы ⇒

Мтф-значение:
разг. о человеке полном,
малорослом, чаще о
женщине

Аналогично в РЯ (с тем же переносным значением — о полном человеке): *пышка* (в переносном значении — разг.); *тумба, колода* (оба слова в переносном значении — груб.); близко: *кряж* 'толстый, короткий обрубок' → о крепком, коренастом человеке; редк. *раип:* 'узел, сумка' → о карапузе. Примыкает к этой группе эстонская лексема *ratp* 'свёрток, узелок' → о ребёнке, закутанном в плотную, объёмную одежду.

piitsavars 'кнутовище'

Опорная дифференциальная сема:

тонкая палка ⇒

Мтф-значение:

о художнике

Аналогично в ЭЯ (с тем же переносным значением — о худощавом человеке): устар. *kõrend* 'шест', *kärbis* 'прясло'; аналогично в РЯ *спичка* — разг. о худом, тощем человеке.

Таким образом, артефактонимы в РЯ и ЭЯ могут использоваться для описания человеческой комплекции, но характеризуют они «противоположные» особенности фигуры: в РЯ чаще встречаем Мтф-наименования полного человека, а в ЭЯ — худого.

Итак, в словах, в которых основой Мтф-переноса становится зрительный облик артефакта, вторичные значения характеризуют внешность человека.

Такой параметр, как **функция предмета** также становится главенствующим при метафоризации с ППС-1 в ряде лексем (РЯ — 4, ЭЯ — 6):

кумир, идол / idol, puuslik — изваяние, которому язычники поклоняются как божеству

Опорная дифференциальная сема:

функция — быть предметом поклонения
как божество ⇒

Мтф-значение:

о человеке, ставшем
предметом обожания,
восторженного покло-
нения

рупор / ruupor — труба конической формы, служащая для концентрации энергии звуковых колебаний в определённом направлении с целью усиления звука

Опорная дифференциальная сема:

функция — способствовать распростране-
нию информации ⇒

Мтф-значение:

о выразителе, распро-
странителе чьих-либо
идей, взглядов

sillatala 'мостовая балка' — балка в несущей конструкции моста

Опорная дифференциальная сема:

функция — быть важным, опорным эле-
ментом в сооружении ⇒

Мтф-значение:

о важном деятеле, основ-
ных силах

Аналогично: *kompass* 'компас' → о том, кто указывает дорогу, направление дви-
жения, *pidur* 'тормоз' → о том, кто замедляет ход, развитие чего-либо, *treppot-
ka / ~ krapp* 'ботало' → о болтливом человеке.

Данные лексемы, в семантической структуре которых в процессе метафоризации актуализируется функция предмета, в переносном значении используются для характеристики роли человека в обществе. Как показывает материал, для передачи данной характеристики используются артефактонимы-соответствия в РЯ и ЭЯ.

Если в основе Мтф-переноса при ППС-1 лежит **свойство**, не связанное с функцией или формой артефакта, то, как правило, такой признак является наиболее важным, в первую очередь выделяющим артефакт из ряда подобных предметов (РЯ — 3, ЭЯ — 5):

neiska / ettur — шахматная фигура низшей ценности

Опорная дифференциальная сема:
низшая ценность ⇒
малые возможности фигуры в игре ⇒

Мтф-значение:
о незначительном, несамостоятельном в своих действиях человеке, всецело зависящем от чужой воли

Подобным образом развились переносные значения в словах: *tuuz / tuus, äss* → о влиятельном, важном человеке, наиболее выдающемся в определённой сфере человеке, *юла / vurr, vurrkann* → о подвижном человеке, чаще ребёнке, *kaapekakk* ‘поскрёбыш’ → о последнем ребёнке в семье.

Относятся к данной группе Мтф с ППС-1 и пары соответствий *портрет / portree* и *копия / koopia*, употребляемые для наименования похожего на кого-либо человека — переносное значение в них опирается на присущий исходному предмету признак (опорная дифференциальная сема ‘подобие’).

Значительно реже Мтф-значение связано с актуализацией периферийных сем, т. е. можно говорить о меньшей продуктивности ППС-2 (по 5 Мтф-значений в РЯ и ЭЯ). При этом возникающие ассоциации в этих немногочисленных примерах связаны с определённым качеством предмета, воспринимаемым либо зрительно, либо на слух:

устар. *чумичка* ‘большая разливательная ложка или ковш’

Опорная дифференциальная сема:
используется при приготовлении еды ↓

Опорная периферийная сема:
может быть грязной при использовании
⇒

Мтф-значение:
о неаккуратном человеке, грязнуле

обл. *шабала* ‘большая ложка, шумовка, которой выгребают угли’

Опорная дифференциальная сема:
используется при выгребании углей ↓

Опорная периферийная сема:
производит шум, неприятный звук ⇒

Мтф-значение:
о болтливом человеке

Примыкают к этой группе по основе переноса *piijumal, piuslik* ‘идол’ и *piihobune* ‘деревянная лошадка’ → о человеке с неловкими, угловатыми движениями или

застывшем в какой-либо позе от ужаса, страха, удивления и т.д. (особый предмет — изображающий живое существо — неподвижен → неподвижный человек).

Следует обратить внимание на последние примеры — *piijutal*, *piiuslik* 'идол' и *piuhobune*: в ЭЯ дерево (*pii*) как используемый для изготовления артефактов материал связывается с неподвижностью, неловкостью человека.

По данным существующих толковых словарей, артефактонимы в таком переносном значении — 'о человеке с неловкими, угловатыми движениями или застывшем в какой-либо позе от ужаса, страха, удивления' — в РЯ не употребляются. Но результаты анкетирования, проведенного нами (см. [Троянова 1996]), показали, что три четверти информантов используют слово *истукан* как обозначение человека, находящегося без движения или малоподвижного, медлительного, с заторможенной психической реакцией (очевидна связь с выражением *стоять истуканом / как истукан*). Таким образом, можно также говорить о параллельном, эквивалентном развитии переносных значений в этих лексемах.

Переносные значения артефактонимов, являющиеся результатом метафоризации по свойству предмета при ППС-2, относятся большей частью к характеристике моральных качеств и привычек человека.

Основой переноса при ППС-2 (правда, в небольшом количестве слов: РЯ — 3, ЭЯ — 3) может стать и производимое впечатление (опять же основанное на зрительном восприятии):

чучело, пугало / hernehirmutis — подобие человеческой фигуры, выставленное на полях, огородах для отпугивания птиц

Опорные дифференциальные семы:

- 1) представляет собой подобие человека ↓
- 2) служит для отпугивания птиц ↓

Опорные периферийные семы:

- 1) в старой, пришедшей в негодность одежде ⇒
- 2) традиционно — нелепый, некрасивый вид ⇒

Мтф-значение:

о некрасивом или нелепом, безобразно одетом человеке

куколка / nukuke — детская игрушка в форме фигуры человека

Опорная дифференциальная сема:

повторяет форму фигуры человека ↓

Опорные периферийные семы:

- 1) чаще — в форме женской фигуры ⇒
- 2) традиционно — приятный внешний облик ⇒

Мтф-значение:

о нарядной, хорошенькой девочке, женщине

Здесь имеет место совпадение в развитии Мтф-значений: в обоих случаях исходными предметами являются артефакты, изначально задуман-

ные как подобие человека; поэтому логично, что результатом метафоризации становится общая характеристика внешнего вида (безобразный, некрасивый / нарядный, красивый).

Близко по самой логике переноса — производимое впечатление в основе Мтф — к упомянутым лексемам слово *kaltsupundar* ‘связка тряпок’ — об оборванце.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что некоторые черты характера, особенности внешности и социальная роль человека в обоих исследуемых языках в большинстве случаев передаются близкими по семантике многозначными артефактонимами с ППС (количество эстонских лексем, участвующих в метафоризации такого рода, несколько преобладает: 21 в РЯ и 27 в ЭЯ, что в ряде случаев объясняется присутствием многозначных синонимов, например, *vurr*, *vurrkann*). Следует отметить малую распространённость Мтф с ППС-2 и отсутствие в обоих сопоставляемых языках Мтф с ППС-3 — основанных на периферийных и потенциальных семах: это может быть объяснено тем, что предметы-артефакты, являющиеся результатом человеческого труда, видимо, редко становятся объектом домыслов, т.к. имеют чёткую практическую направленность.

Мтф с опосредованной признаковой связью (ОПС) в РЯ и ЭЯ основываются только на свойствах предмета.

Вторичные значения артефактонимов в этом случае используются при характеристике следующих качеств человека:

1) **умственные способности человека (РЯ — 11, ЭЯ — 5):**

устар. *болван*, *бревно*, *чурбан*, *пень*, *собир.* *дубьё* / *riipakk*, *riipott* ‘чурбан’ — ствол срубленного дерева, очищенный от веток и без верхушки, обрубок такого ствола

Трансформация:

комплекс признаков (таких, как тяжесть, твёрдость, неподвижность), в данных примерах связанных с материалом, становятся своего рода символом отсутствия умственных способностей

Мтф-значение:

о глупом человеке

Аналогично (с тем же результатом Мтф-переноса): *орясина* (непременно — о высоком глупом человеке, таким образом, образованию вторичного ОПС-значения сопутствует ППС-1), *дубина*, устар. *балда* ‘тяжёлый молот, употреблявшийся при горных работах и в кузницах’, *идол*, *истукан* / *puuslik*.

В РЯ для характеристики умственных способностей человека, чаще — как видим — глупости, используются слова, в которых в основе Мтф лежат такие свойства предмета, как тяжесть, твёрдость, неподвижность. Эти свойства в процессе переосмысления становятся неким символом человеческой глупости. Несомненно, в семантической структуре всех

перечисленных выше лексем (за исключением *балда*) при метафоризации актуализируется сема «материал, из которого изготовлен данный артефакт (дерево)», что можно сказать и об эстонской лексеме *рииракк*. Так и *идол*, *истукан* воспринимаются тут не как предмет поклонения, а как «деревяшка».

Если же обратить внимание на идиоматические единицы (например, *еловая / дубовая голова* и *рииреа* 'деревянная голова'), то станет очевидным, что сема «материал — дерево» является частой, характерной в обоих языках при наименовании глупого человека.

Для наименования глупого человека в РЯ используется также лексема *телятина* 'мясо телёнка как пища' → прост. о глупом или безвольном, беспомощном человеке. Здесь проявляется связь с переносными значениями зоонимов *телёнок*, *телок*.

В отличие от РЯ, в ЭЯ возможно использование артефактонимов и для указания на сообразительность человека:

naaskel 'шило', диалект. *nõelik* 'кочедык'

Трансформация:

такое качество предмета, как острота, метафоризируется и становится показателем человеческой сообразительности

Мтф-значение:

чаще о ребёнке сообразительном и живом

Интересно, что и по-русски мы говорим о сообразительном человеке как об обладающем *острым* умом, т.е. подчёркивается то же свойство, которое лежит в основе приведённых выше Мтф в ЭЯ, но на материале многозначных артефактонимов эта ассоциация не получила выражения.

2) моральные качества человека (РЯ — 35, ЭЯ — 26):

Достаточно широко представлены переносные значения, в основе которых лежит трансформация вторичного, хотя и напрямую связанного с основным, «вытекающего» из него свойства предмета (РЯ — 8, ЭЯ — 11). Например:

марионетка / marionett / hüpnukk — театральная кукла, управляемая кукловодом

Трансформация:

кукла зависит от воли кукловода и ограничена в движениях — её физическая «несвобода» становится при метафоризации своего рожа показателем духовной зависимости человека

Мтф-значение:

о несамостоятельном, зависимом человеке

Близко: *игрушка* → о том, кто является орудием чужой воли, кем распоряжаются по своей прихоти или произволу. Примыкает к этой группе слов эстонская лексема *ripats* 'подвеска, висюлька' → о зависимом человеке.

флюгер / tuulelipp — пластинка, стрела, флажок, вращающиеся на мачте или шесте и показывающие направление ветра

Опорная дифференциальная сема:

вращается при возникновении ветра ↓

Трансформация:

изменения предмета в его положении, связанные с внешними обстоятельствами, символизируют духовные, моральные изменения в человеке

Мтф-значение:

о лицемерном человеке, часто меняющем свои взгляды, убеждения

Аналогично: *машина, автомат / automaat* → о человеке, действующем по выработанному шаблону, механически, *винтик / kruvike* → о зависимом, незначительном человеке, *сахар / ~ komrvek, разг. komru* ‘конфета’ → о приятном человеке, *рипс* ‘насос’ → разг. о пьянице.

Чаще же результаты метафоризации при ОПС в анализируемых языках различаются: от некоторого несовпадения в наборе сем Мтф-значений до полного расхождения в их развитии.

Несомненно, обнаруживаются и эквивалентные переносные значения, как, например, при метафоризации слова *сухарь* и его эстонского соответствия *kuivik*:

сухарь / kuivik — высушенный кусок хлеба

Трансформация:

признак «сухость» в обоих языках переосмысливается как безучастность, бесчувственность, неотзывчивость, отсутствие мягкости, доброты, равнодушие

Мтф-значение:

сухой, неотзывчивый, эгоистичный, безучастный, бесчувственный человек.

Совпадение Мтф-значений обнаруживается также у слов *тряпка / kalts, narts* — о бесхарактерном, слабовольном человеке, а также *сливки / koorekiht* (как естественный артефакт, продукт питания) — самая лучшая, отборная часть кого-, чего-либо.

Ряд Мтф в РЯ и ЭЯ может основываться на трансформации одного и того же признака (одних и тех же признаков) или близких, но результаты такого переосмысления чаще разнятся.

Например, в лексемах *кисель* и *sült* ‘холодец’ общие признаки: «некоторая бесформенность», «мягкость и податливость материала», — при переосмыслении становятся «символом» вялости и слабохарактерности человека (отсюда переносное значение: о вялом и слабохарактерном человеке). Однако в большинстве примеров те же признаки оказываются связанными в сознании носителей РЯ и ЭЯ с различными человеческими качествами:

«бесформенность (в разной степени)», «мягкость и податливость материала»

РЯ: неуклюжий, нерасторопный, вялый (*тюфяк, мешок, устар. квашня, устар. размазня, тюря*)

ЭЯ: человек мягкого нрава или робкий (*pastel* 'простая мягкая кожаная обувь без каблука'); неодобр. беспомощный, слабохарактерный человек (*устар. karkas* 'толстый носок'); ленивый человек (*ohelik* 'нетуго сплетённая верёвка')

Основой переносного значения с ОПС может становиться тот же признак, что активизируется и при ППС: так, например, уже упоминавшийся при характеристике человека по умственным способностям признак «острый» в ЭЯ может трансформироваться в характеристику злого, с *острым* языком человека: *krihvel* 'грифель' — о злой, с острым языком женщине (возможно, образованию переносного значения сопутствовала актуализация периферийной семы 'производимый при письме звук'), *tulehark* 'кочерга' — о вздорной, сварливой женщине (перенос наименования может поддерживаться за счёт устойчивой ассоциации с огнём). Такое качество, как большой размер, обычно при ППС связываемое с ростом или телосложением человека, в сочетании с семой «заметный» может служить развитию иного переносного значения — о человеке, выдающемся в какой-либо области науки, искусства и т.п., крупном, видном деятеле: *колосс / koloss* (в переносном значении — высок.), *столп* (в Мтф-употреблении — устар., в современном языке обычно ирон.).

Следует отметить, что в обоих языках при ОПС трансформации подвергаются самые различные признаки (в РЯ Мтф с ОПС среди артефактонимов представлены несколько шире: 46 в РЯ и 31 в ЭЯ). Помимо перечисленных выше черт характера, русские артефактонимы в переносном значении используются для наименования грубого, невежественного человека (*лапоть, кувалда*: основа — грубость самого предмета), бездушного, бесчувственного (*кукла, идол, истукан, чурбан, бревно, пень*: общая основа заключается в самом противопоставлении живого неживому, способного чувствовать бесчувственному), сварливого (*пила, колотковка*: основа — производимый звук), болтливого и пустого (*балаболка*: основа — внешняя «несерьёзность» украшения + звуковое оформление слова), важного и заносчивого, требующего к себе большого внимания (*цаца* 'игрушка в языке детей': основа — привлечение внимания, *козырь*: основа — важность карты, большие возможности при игре), горячего, вспыльчивого (*порох*: основа — способность воспламеняться, взрывчатость), покладистого, с мягким характером (*шёлк*: основа — мягкость материала).

Особого внимания заслуживают лексемы *светоч* и *козырь*. *Светоч* (высок. о том, кто является носителем передового и лучшего) —

единственный случай трансформации, переосмысления функции предмета. Развитию переносного значения способствовали закреплённые в сознании носителей языка ассоциации с понятием «свет» (ср. с Мтф-значением лексемы *светило*). Результатом метафоризации слова *kozyрь* является крайне редкий перенос: исключительность карты, важность её в игре становится в ходе развития значения показателем внешней исключительности — разг. о красивом, видном, статном человеке.

На эстонском материале мы находим как близкие Мтф-характеристики (например, *tümikas* ‘дубина’, *riipakk* ‘чурбан’ — о человеке грубом, неотёсанном), так и не свойственные сопоставляемому языку: озорного (*vemmal* ‘прут’: основа — гибкость), ничтожного, жалкого, беспомощного (*käkk*²⁶ — колобок из теста → что-то плохо, небрежно сделанное: предполагаемая основа — сделанное плохо, небрежно, наскоро), легкомысленного (*lipakas* ‘клочок, обрывок’ — о легкомысленной девочке или женщине лёгкого поведения: возможная основа — легкость, а также «случайность» формы).

Завершая этот перечень возможных Мтф-переносов при ОПС хотелось бы подчеркнуть, что в этой группе слов основа переноса может быть как весьма прозрачной, достаточно легко вычленяемой, так и отражать более сложные ассоциации.

Значительная часть описанных выше слов, получающих Мтф-значение при ОПС, могут быть употреблены и в качестве бранных десемантизованных Мтф-наименований (*käkk*, *шваль*, *балда* и др.).

В заключение сделаем следующие выводы:

1) Артефактонимы в РЯ и ЭЯ могут использоваться в переносном значении для характеристики внешнего вида человека, указания на его социальную роль (Мтф с ППС), а также для характеристики моральных качеств и умственных способностей человека (ППС и ОПС), см. таблицу 13:

Таблица 13

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	21 / 31,3 %	27 / 46,6 %
— ППС-1	16 / 23,9 %	22 / 37,9 %
— ППС-2	5 / 7,4 %	5 / 8,7 %
— ППС-3	—	—
ОПС	46 / 68,7 %	31 / 53,4 %
Мтф-обращения	—	—

²⁶ Лексема *käkk* в первичном значении называет приготовленный из теста колобок, но переносное значение, видимо, происходит уже из вторичного значения — о любом плохо, небрежно сделанном предмете (ср. *käkerdama* ‘комкать, скомкать’).

2) Мтф, характеризующие человека, в обоих языках основываются на сходстве функции, формы и размера предмета, его свойства. Для большинства случаев будет справедлива закономерность: если речь идёт об общественной роли человека, т.е. о его функции в социуме, то Мтф-перенос осуществляется на основе функции предмета; моральные качества и умственные способности, т.е. «свойства» души и ума, характеризуются через определённые свойства предмета; Мтф, объектом которых становится внешний вид человека, основываются на сходстве размеров и формы.

3) Общими для РЯ и ЭЯ чаще оказываются Мтф с ППС, основанные на наиболее важном, ярком, доминирующем качестве предмета, а также на функции и производимом впечатлении, форме, размерах предмета.

4) Различия в использовании многозначных артефактонимов для характеристики человека имеют место в Мтф с ОПС. Эти расхождения, как правило, состоят в том, что одно и то же свойство предмета трансформируется в РЯ и ЭЯ по-разному и, следовательно, ассоциируется с разными чертами характера. Однако возможно и совпадение Мтф-значения в лексемах с ОПС — характеристика глупого человека посредством наименований артефактов, изготовленных из дерева, наименование слабохарактерного человека с помощью слов, называющих предметы, сделанные из мягкого материала или не имеющие чётко выраженной формы.

Б) Метафорические значения наименований предметов-артефактов

Данная группа лексем (25 в РЯ и 18 в ЭЯ) оказывается относительно невелика и включает не только наименования неартефактов, но и слова, в зависимости от контекста называющие как неартефакты, так и артефакты, например: *сокровище* — это может быть как необработанный драгоценный камень, так и ювелирное изделие.

Внешняя характеристика человека, получаемая в результате метафоризации наименований такого рода предметов, в значительной мере перекликается с развитием переносных значений у артефактонимов. Так же основой Мтф-значения может стать внешний вид предмета (ППС-1: 8 в РЯ и 4 в ЭЯ):

А) его размер или — реже — форма:

мелочь — предметы небольшой величины, мелкие вещи

кроха, крошка, крошечка / raasuke(ne) — мельчайшая часть, маленький кусочек какого-либо вещества

rabul ‘маленький предмет округлой формы’

Опорная дифференциальная сема:
маленький размер предмета ⇒

Мтф-значение:
разг. о маленьком ребёнке
или о человеке маленького
роста

пузырь — наполненный воздухом или каким-либо газом шарик, возникающий в какой-либо жидкости, жидкой массе

Опорная дифференциальная сема:
маленький размер и округлая форма предмета ⇒

Мтф-значение:
разг. ласкательное о малыше, ребёнке, особенно полном, упитанном (об эстонском соответствии ниже — ОПС)

Б) общее внешнее уподобление, производимое впечатление:

скелет / luukere — совокупность костей

мощи — высохшие, мумифицированные останки людей

мумия / muumia — высохший труп человека (возможно, животного)

Опорная дифференциальная сема:
общий внешний вид предмета ⇒

Мтф-значение:
разг. о человеке, отличающемся худобой в сильной степени

Наименования предметов-неартефактов оказываются необходимы при Мтф-характеристике человека прежде всего тогда, когда само первичное значение содержит ценностные семы (ОПС: от практической ценности к ценности духовной): здесь мы можем выделить, условно говоря, наименования «положительных» и «отрицательных» предметов, определяемые по ряду признаков: «представляющие / не представляющие собой ценности», «нужные / ненужные», «удовлетворяющие / не удовлетворяющие потребности человека». К первым — «положительным» — наименованиям предметов будет относиться лексема:

сокровище / aare — драгоценности, ценные вещи

Трансформация:
представляет собой материальную ценность, поэтому при метафоризации становится символом того, кто любим, дорог человеку духовно

Мтф-значение:
о ком-либо ценном, дорогом для кого-либо; ласковое название дорогого, любимого человека

Группа так называемых «отрицательных» предметных наименований представлена значительно шире (нередко к ценностному значению здесь присоединяется оценочная коннотация):

отбросы, отребье, устар. шушера, прост. шваль, барахло, дрянь / rämps, jätis — негодные, старые, ненужные вещи, остатки

Трансформация:
не представляют собой ценности практической — неинтересны, ненужны людям

Мтф-значение:
презр., пренебр. о негодных, ничтожных, плохих людях

Примыкает к этой группе с.-х. охвостье — неполновесные зёрна, мелкие колосья, семена сорняков и т.д., оставшиеся в качестве отходов при веянии зерна

Трансформация:

остатки технической переработки — те люди, которые остались в результате разгрома

Мтф-значение:

пренебр. остатки разгромленной, распавшейся группы или организации

Близко: *подонки* — остатки жидкости на дне вместе с осадком → презр. деклассированные, разложившиеся, преступные элементы общества; разг. низкий, подлый человек, подлец; *põrm* ‘прах, пыль’ — о ком-либо пустом, потерявшем ценность, ненужном.

Лексемы такого рода могут пополнять и число десемантизованных Мтф — бранных слов: эстонские лексемы устар. *raisk* ‘падаль’, *roisk* ‘гниль’, *risu* ‘мусор, хлам’ и русские *шваль*, *дрянь*, *подонки*.

Практическая оценка предмета, прагматический взгляд на его ценность становятся ведущими и в ряде Мтф-переносов с ОПС:

põhk ‘солома’; *agan* ‘мякина’, *sõkal* ‘цветковая чешуя в мякине’, *kõlgas*, *kõlgad* ‘охвостье’

Трансформация:

малоценные остатки связываются с отсутствием ценности человека

Мтф-значение:

о ком-либо пустом, незначительном, ничтожном

развалина, *руина* / *vare* — остатки разрушенного (разрушавшегося) строения, сооружения

Трансформация:

состояние разрушенного здания, ущербность его вида, невозможность практического использования ассоциируются с человеческой немощью и старостью

Мтф-значение:

разг. об одряхлевшем от старости или разбитом болезнью человеке

Обнаруживаются здесь и Мтф-переносы, при которых трансформируется наиболее явный, яркий, доминирующий признак предмета:

разг. *кислятина* — о чём-либо очень кислом на вкус

Трансформация:

Мтф-преобразование «кислый → скучный, унылый» оказывается возможным, благодаря закреплённому в языке переносному значению слова *кислый* (*кислое лицо*)

Мтф-значение:

о вялом, скучном и унылом человеке

põis ‘пузырь’

Трансформация:

Мтф-преобразование «полый, пустой, дутый → душевная пустота»

Мтф-значение:

бран. о пустом хвостуне

Представленные на этом материале лексемы с ОПС, которые не могут быть объединены в группы по основе переноса или его результату, тем не менее обусловлены определёнными закономерностями развития антропоцентрической Мтф и оказываются связанными с иными лексико-семантическими группами: *деревяшка* — кусок дерева, деревянный брусок → разг. о бесчувственном, равнодушном человеке (ср. наименования «естественных» артефактов *чурбан*, *бревно*, названия растений *дерево*, *дуб*); *заноза* — тонкий, острый кусочек дерева, металла, стекла и т.п., вонзившийся под кожу → прост. о придиричивом, язвительном или задиристом человеке (ср. *ёж*, *ехидна*).

Заключая анализ Мтф-значений всей предметной лексики (как артефакто-нимов, так и наименований иных предметов: РЯ — 92, ЭЯ — 76), можно сделать следующие выводы:

1) При метафоризации предметной лексики исходный предмет и Мтф-объект могут быть связаны как прямо, так и опосредованно (см. таблицу 14).

Таблица 14

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	29 / 31,5 %	31 / 40,8 %
— ППС-1	24 / 26,1 %	26 / 34,2 %
— ППС-2	5 / 5,4 %	5 / 6,6 %
— ППС-3	—	—
ОПС	60 / 65,2 %	42 / 55,3 %
Мтф-обращения	3 / 3,3 %	3 / 3,9 %

При прямой признаковой связи перенос основывается на постоянных, неизменных и — реже — второстепенных признаках предметов (при этом второстепенные признаки должны быть легко определяемы, отсюда преобладание лежащих в основе метафоризации свойств предметов, вычленяемых прежде всего при зрительном восприятии). Показательно отсутствие Мтф с ППС-3, при которой происходит актуализация потенциальных сем: видимо, этот факт можно объяснить практическим отношением к окружающим предметам, отсутствием культурных и исторических ассоциаций, связанных с ними.

Естественным становится преобладание Мтф с ОПС: выявляемые общие признаки между предметом и человеком ограничены зрительным и слуховым восприятием, а также аналогией между назначением исходного объекта и функцией, ролью человека — соответственно, число таких общих выделяемых признаков не может быть велико. Трансформация же, переосмысление признаков предмета неограниченно (отсюда «свободное»

развитие Мтф с ОПС, при которой свойство предмета становится неким символом человеческой сущности).

Поскольку десемантизированные Мтф (ласковые обращения и бранные слова), как правило, опираются в сознании носителя языка на определённую ценность предмета, то, соответственно, в сфере предметной лексики их число невелико: это лексемы, содержащие в прямом значении семы ценности (*сокровище; шваль, подонки* и т.д.)

2) Предметная лексика в результате метафоризации может быть использована в качестве характеристики:

- а) При ППС-1
 - внешний вид человека
 - конкретная роль человека в обществе
 - положение в обществе
 - привычки человека
- б) При ППС-2
 - зрительно воспринимаемое положение человека в пространстве (неподвижность)
 - общая внешняя характеристика человека
 - характеристика привычек и склонностей человека, связанная со слуховым восприятием
- в) При ОПС
 - умственные способности человека
 - моральные качества человека, черты характера
 - значимость / незначительность человека в обществе

Как видим, наименования предметов в РЯ и ЭЯ могут использоваться в переносном значении как для более конкретной характеристики человека — внешнего вида и социальной роли (Мтф с ППС), так и для характеристики внутреннего мира человека — его моральных качеств и умственных способностей (ОПС).

3) Показательно, что даже при отсутствии аналогичного Мтф-значения у слов-соответствий в РЯ и ЭЯ сами закономерности развития сходных характеристик на материале предметной лексики оказываются общими. Так, в развитии антропоцентрической Мтф здесь можно выделить следующие закономерности, объединяющие тип связи, основу и саму логику Мтф:

Таблица 15

Тип связи	Основа	Развитие Мтф	Примеры
ППС-1	Размер, форма	1) большой предмет (чаще строение) → высокий, крупный человек	<i>каланча, pilvelõhkuja</i>
		2) маленький предмет → о человеке маленького роста, чаще ребёнке	<i>кнопка, naga</i>

		3) округлая форма предмета → о полном человеке (<i>чаще в РЯ</i>)	<i>пышка, тумба</i>
		4) вытянутый предмет узкой формы → о худом человеке	<i>спичка, kārbis</i>
	Функция	назначение предмета → роль человека в обществе	<i>кумир, идол / iidol, piuslik</i>
	Другое свойство = наиболее яркий, отличительный признак	иерархический признак игрового предмета → место человека в обществе, оценка его положения в социуме	<i>нешка / ettur</i>
ППС-2	Второстепенный признак, основанный на зрительном восприятии предмета	Уподобление живому существу и: 1) неподвижность → о застывшем, недвигающемся человеке 2) предполагаемая, принятая за обычай неопрятность, неприятный внешний вид / приятный внешний вид → внешняя некрасивость человека / красота человека	<i>истукан, piuhobune</i> <i>чучело, пугало / hernehirmutis; куколка / nukuke</i>
ОПС	Постоянные качественные признаки предмета	1) тяжесть + твёрдость + неподвижность → человеческая глупость	<i>болван, бревно, чурбан / piiprakk, piinotti</i>
		2) острый предмет → живой ум, сообразительность (<i>на материале предметной лексики только в ЭЯ</i>)	<i>naaskel, nõelik</i>
		3) ограниченность в движении, связанная с назначением предмета → зависимость человека	<i>марионетка / marionett / hüpiknukk</i>
		4) приятный вкус, сладость → приятный человек	<i>сахар, kompevek</i>
		5) перемена положения в пространстве, связанная с устройством и назначением предмета → лицемерие, частая смена взглядов	<i>флюгер / tuulelipp</i>
		6) автоматичность, механизированность работы → шаблонность действий человека	<i>машина, автомат / automaat</i>

		7) малый размер предмета → незначительность и зависимость человека	<i>винтик / kruvike</i>
		8) некоторая бесформенность, мягкость материала → бесхарактерность человека + РЯ: → неуклюжесть, нерасторопность, вялость ЭЯ: → мягкий нрав, робость → слабохарактерность, беспомощность → лень	<i>тряпка / kalts, narts</i> <i>тюфяк, мешок</i> <i>pastel kapukas</i> <i>ohelik</i>
		9) большой размер → значимость, значительность человека	<i>колосс / koloss, столп</i>
		10) грубость предмета → невежественность, необразованность, грубость человека	<i>сапог / saabas</i>
		11) неподвижность предмета + внешнее уподобление живому → бездушие (только в РЯ)	<i>кукла, идол, истукан</i>
		12) ценность предмета / отсутствие ценности → дорогие / негодные, незначительные, презируемые люди	<i>сокровище / aare отбросы, отребье</i>

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС «МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО — ЧЕЛОВЕК»

Изучение самого процесса метафоризации существительных, относящихся к семантическому полю религии и мифологии (далее — РМ-существительные), в сопоставлении представляет интерес не только в рамках исследования антропоцентрической Мтф, но и по той причине, что верования являлись (а порой и являются) одним из важнейших аспектов восприятия человеком окружающего мира.

В ходе работы нами были рассмотрены 44 Мтф-значения в РЯ и 39 в ЭЯ.

Для обоих языков наиболее многочисленной оказывается группа слов, связанных с христианскими воззрениями и библейскими сказаниями (20 Мтф-значений в РЯ и 17 в ЭЯ). Значительную часть этой группы составляют наименования сверхъестественного существа, олицетворяющего собой злое начало, которые используются в качестве бранных слов, — *антихрист, сатана, бес, дьявол, чёрт* и подобный же синонимический ряд в ЭЯ: *saatan, pagan, kurat, sarvik, pörguline, kurivaim, tont, paharet* ‘маленький чёрт, помощник сатаны’, разг. *jeekim* ‘~ чёртик’ — а также производные от трёх из перечисленных лексем в РЯ *чертяка, чертёнок, бесёнок, дьяволёнок*. Почти все эти лексемы могут быть отнесены к особому типу десемантизованных Мтф, поскольку выражают отношение к называемому лицу и используются в речи в качестве бранных слов (возможно и в качестве обращения), отличных друг от друга по ситуации употребления и стилистической окраске. К Мтф особого типа относятся также существительные *ангелочек, ангел / ingel*²⁸, выступающие в речи как ласковые обращения, примыкают к ним лексемы *душа, душенька*.

Если же обратиться к собственно переносным значениям²⁹, то следует отметить, что в их числе преобладают Мтф с ППС-1 (т.е. в основе переноса лежат дифференциальные признаки: по 7 в РЯ и в ЭЯ).

²⁸ О переносных значениях этих слов см. ниже.

²⁹ Следует отметить особую специфику этой группы слов: поскольку сами мифологические существа являются плодом фантазии человека, отражают результаты его воображения, то некоторую сложность при анализе Мтф-значений существительных представляет собой различение дифференциальных, ядерных сем, отражающих собственно сущность стоящего за словом содержания, и периферийных признаков.

Например:

левиафан — огромное морское чудовище или летающий дракон

Опорная дифференциальная сема:
величина и сила \Rightarrow

Мтф-значение: о ком-либо, поражающем своей величиной, силой

или:

святой (сущ.) / *pühak* — проводший жизнь в служении Богу и пострадавший за христианскую веру

Опорная дифференциальная сема:
живёт по божьим законам, избегает греха
 \Rightarrow

Мтф-значение:
о безгрешном, непорочном человеке

ангел — сверхъестественное существо, посланец бога

Опорная дифференциальная сема:
сочетание различных добродетелей \Rightarrow

Мтф-значение:
устар. идеал, олицетворение чего-либо положительного

При ППС-1 в многозначных РМ-существительных как основа Мтф может выступать такой параметр, как функция, назначение:

аностол / *apostel, jünger* — ученик Христа, посланный им для проповеди своего учения

Опорная дифференциальная сема:
функция — следовать идеям \Rightarrow
проповедовать, распространять идеи \Rightarrow

Мтф-значение:
последователь (*jünger*)
+ распространитель какой-либо идеи, учения и т.п.
(*аностол* / *apostel*)

мессия / *messias* — божественный избавитель, который должен явиться для уничтожения зла и спасения человечества

Опорная дифференциальная сема:
функция — уничтожить зло и спасти \Rightarrow

Мтф-значение:
о том, в ком видят спасителя, избавителя

Результатом такого переноса, как видим, становится наименование человека по отводимой ему роли в обществе.

В основе развития вторичного значения у слов *бесёнок*, *чёртёнок*, *дьяволёнок* лежит более сложный Мтф-процесс, на который оказывает влияние и морфемная структура этих лексем (наличие уменьшительно-ласкательного суффикса *-онок*): нечистая сила, не повинующаяся божественным законам бытия \rightarrow непослушание \rightarrow детское озорство.

Особого внимания требует лексема *мадонна* и её эстонское соответствие, в структуре переносного значения которой можно обнаружить совмещение ППС-1 и ППС-2:

мадонна / madonna — наименование Божьей матери в католицизме

Опорная дифференциальная сема:

непорочна и чиста ⇒

Мтф-значение:

о женщине, являющейся воплощением целомудрия и кротости

Опорная периферийная сема:

красива ⇒

+ (только в в РЯ)

божественной красоты

Представление о связи божественного начала с красотой находим и в словах *ангелочек / ingel, inglike* 'о ребёнке, молодой девушке (в РЯ возможен также о юноше) милой приятной наружности'.

Число слов, относящихся к иным, нехристианским, вероисповеданиям, на нашем материале крайне невелико: только две заимствованные лексемы в РЯ, в прямом значении связанные с понятиями мусульманской религии, — *гурия* 'вечно юная красавица, обительница рая, усаждающая попавших туда праведников' (Мтф с ППС-1, развитие переносного значения опирается на легко вычленимый признак: 'красавица') и *шайтан* 'злой дух, дьявол' (Мтф-обращение).

В обоих сопоставляемых языках Мтф-значения присутствуют у ряда существительных, связанных с античной мифологией — верованиями древних греков и римлян (по 8 лексем в РЯ и ЭЯ):

а) греческие:

ППС-1

сатир / saatür — лесное божество, демон плодородия, входящий с свиту бога Диониса

Опорная дифференциальная сема:

похотливый и влюбчивый ⇒

задиристый и насмешливый ⇒

Мтф-значение:

о лукавом, насмешливом или сладострастном, похотливом человеке

титан / titaan — божество, один из сыновей Урана и Геи

Опорная дифференциальная сема:

мощь ⇒

Мтф-значение:

о человеке огромных творческих возможностей, создавшем что-то великое

а также: *олимп / olimpos, parnass*: избранный круг, верхушка какого-либо общества, *сирена / sireen*: о красивой, обольстительной, но бездушной женщине, *муза / tiusa*: об источнике творческого вдохновения, обычно олицетворяемом женщиной;

Усложнение метафоризации за счёт сочетания качества, представленного в структуре значения дифференциальной семой, с периферийными признаками находим в лексеме *олимпиец*:

олимпиец — бог, обитатель Олимпа

Опорная дифференциальная сема:

величие ↓

Опорные периферийные семы:

спокойствие ⇒

высокая, важная (в отличие от земных

дел) деятельность ⇒

Мтф-значение:

о человеке, отличающемся величавым спокойствием, торжественной важностью облика, а также несокомерном, недоступном, чуждом людским страстям человеке

б) римские:

фурия / fuuria — одна из трёх богинь мщения

Опорная дифференциальная сема:

злая, внушающая страх ⇒

Мтф-значение:

о злобной сварливой женщине

грация / graatsia — одна из трёх богинь, спутниц Афродиты, олицетворяющих красоту

Опорная дифференциальная сема:

красота + изящество ⇒

Мтф-значение:

о красивой, грациозной женщине

Все эти слова при переносном употреблении отличаются книжностью, часто современными носителями языка ощущаются как устаревшие. Мтф-значение их, как правило, основывается на отличительных, наиболее ярких признаках исходного объекта (ППС-1). То, что в этой группе слов мы наблюдаем наибольшее количество эквивалентных значений в РЯ и ЭЯ, связано с заимствованным характером лексем (можно предположить и заимствование Мтф-значения³⁰).

В обоих сопоставляемых языках используются в переносном значении и общерелигиозные наименования верховного существа, сотворившего мир (ППС-1): *божество* / *jumal, jumalus, божок* — о человеке, вызывающем обожание, преклонение. Представляется, однако, что в употреблении этих слов существует различие, не отмеченное авторами словаря: выбирая то или иное наименование, говорящий выражает положительную (*божество*) или отрицательную (*божок*) оценку, на что влияет, видимо,

³⁰

Исследователи, как правило, говорят о возможности заимствования лишь прямого или переносного значений. Однако представляется, что в подобных случаях можно говорить об усвоении принимающей культурой не только основного понятия, но и всего связанного с ним ассоциативного комплекса, а значит, и переносного значения.

морфемная структура слова, а также использование лексемы *божок* для наименования изображения, статуи языческого бога. Примыкает к этой группе лексема *богиня* и её эстонские соответствия *jumalatar*, *jumalanna* ('о величественной, красивой женщине').

Как и следовало ожидать, в исследуемый материал вошли слова, связанные с народными поверьями.

Таких лексем на материале РЯ — 5: *нечисть*, *леший*, *кикимора*, *шишига*, *кощей*.

Если возможность развития вторичного значения у лексемы *нечисть* объяснима близостью к значению уже упомянутых нами *чёрт*, *бес* и т.д., то интересно, что из достаточно большого числа наименований мифологических существ, представленных в народных преданиях (*полевой*, *овинник*, *домовой*, *баенник* и др.), метафоризации подверглись только лексемы *кикимора*, *леший* и *шишига*. По-видимому, этот факт можно объяснить как непрозрачностью, неясностью для современного носителя языка внутренней формы этих наименований мифологических существ, так и наибольшим распространением народных поверий, связанных с ними. Кроме того, на развитие вторичных значений именно у этих лексем мог повлиять тот факт, что названные мифологические персонажи обитают в чужом человеку пространстве леса, болота и т.д. (в отличие от своего: дома, бани, овина и т.д.).

Кикиморы (нечистая сила, как правило, в женском облике) и шишиги (нечистая сила, леший, чёрт) первоначально в народном представлении были существами «родственными»³¹. Лексема *кикимора* обозначала «женский мифологический персонаж, обитающий в жилище человека, приносящий вред, ущерб и мелкие неприятности людям», однако использовалась и для наименования других существ: жены домового (олонец., вологод.), жены лешего (вятск.), русалки (сибир.), полудницы (вологод.), оборотня (новгород., архангел.) и др. [Левкиевская 1999: 494]. По-разному представляли кикимору и внешне: в виде маленькой, безобразной, скрюченной старушонки, в облике девушки в белой или красной рубаше, женщины, мужика, маленьких девочек [там же]. Лексема *шишига* употреблялась для наименования различных мифологических существ: «нечистый, сатана, бес, злой кикимора или домовый, нечистая сила, которого обычно поселяют в овине, овинный домовый» [Даль 1994: 1446]. Видимо, в связи с этим впоследствии значение этих лексем стало шире: они стали употребляться для обозначения нечистой силы вообще (кикимора — в жен-

³¹ На это указывает возможность наименования кикиморы шишиморой (однокоренное к *шишига*): в первом проявляется связь с балто-славянским корнем **kik/kyk/kuk* с общим значением горбатости, скрюченности, второе же название возводят к глаголам *шишитъ*, *шишать* 'копошиться, шевелиться, делать украдкой' (см. [Левкиевская 1999]).

ском обличе), таким образом сближаясь с использованием таких слов, как *нечисть*, *бес* и т.д.

Отсутствие ярких отличительных черт у такого мифологического существа, как леший, который «обыкновенно представлялся волосатым, голым (или в потёртом кафтане) старцем с белыми космами, длинной бородой и зелёными глазами» [Мокиенко 1999: 279] и способен был, по народным представлениям, «перекидываться в мужика с котомкой, в волка, в филина» [Даль 1994: 726], видимо, повлияло на тот факт, что лешие, по мнению С. В. Максимова, во многих народных рассказах и преданиях смешивались так же, как и кикимора и шишига, с чертями, нечистой силой вообще, в результате чего «само название изживших свой долгий век лесных духов стало пригодным лишь для ругательств, и притом в настоящее время совершенно безнаказанных и вовсе безопасных» [Максимов 1991: 206–207], т.е. употребление наименований описанных выше мифологических существ стало шире в связи с утратой ими впоследствии в народном сознании ярких отличительных признаков, соответственно и Мтф-значение их широко: все эти лексемы (*кикимора*, *шишига* и *леший*) могут быть причислены к особому типу Мтф — бранным обращениям.

В отличие от них слово *кощей* может быть использовано в речи либо для характеристики конкретных негативных черт характера человека: ‘о скупом человеке, скряге’, либо для описания внешности: ‘о тощем и высоком человеке, чаще старике’, поскольку образ этого персонажа русских народных сказок обладает чётко очерченными отличительными признаками: худой, костлявый старик, обладающий тайной долговечности, богатый и злой (оба Мтф-значения — ППС-1).

В ЭЯ метафоризации подвергаются 3 существительных, связанных с народными поверьями, — наименования домашней нечистой силы: *majavaim* ‘добрый дух, защищающий дом’ (буквально: ‘дух дома’), *kratt* ‘мифологическое существо, которое ворует добро для своего хозяина’ и синонимичное последнему *puuk*. У первого существительного — *majavaim* — уже в прямом значении акцентируется внимание на роли, функции называемого существа, поэтому вторичное переносное употребление базируется именно на этом признаке: *о человеке, защищающем интересы дома* (ППС-1). Мтф-значение второго наименования духа — *kratt* — основывается на существующих поверьях и представлениях о его поведении: он всё время в движении, поскольку ищет и носит добро для своего хозяина, не давая себе ни минуты отдыха, — отсюда переносное значение ‘о живом, непоседливом, озорном ребёнке’; *kratt* обязан красть, отсюда переносное употребление: *о воре, грабителе*. В этом же вторичном значении используется и существительное *puuk*.

Народные представления о существовании мужчин, наделённых сверхъестественной силой, предназначение которых — защита родной

земли (отсюда — положительная коннотация), отразились в формировании переносного значения у слов *богатырь* и *vägilane, vägimees*: о сильном мужчине.

К существительным, связанным с семантическим полем религии и мифологии, могут быть отнесены и слова *вакханка, весталка / vestaal* и *ведьма / nõid* (возможно употребление и в качестве бранного наименования), *nõiamoor*, именующие людей, имеющих отношение к религиозным или мистическим действиям (основой метафоризации в этих словах становятся не подвергающиеся трансформации периферийные семы исходного значения — ППС-2):

вакханка — жрица бога Вакха, участница празднеств-вакханалий

Опорная дифференциальная сема:

обязательное участие в вакханалиях ↓

Опорная периферийная сема:

сладострастие ⇒

Мтф-значение:

о сладострастной женщине

весталка / vestaal — жрица Весты, богини домашнего очага, давшая обет целомудрия

Опорная дифференциальная сема:

обет целомудрия ↓

Опорная периферийная сема:

склонность к пуританскому образу жизни ⇒

Мтф-значение:

о женщине, ведущей пуританский образ жизни

ведьма / nõid, nõiamoor — женщина, знающая с нечистой силой

Опорная дифференциальная сема:

общение, «сотрудничество» с нечистой силой ↓

Опорная периферийная сема:

злая, творящая зло ⇒
некрасивая ⇒

Переносное значение:

о злой, коварной женщине;
в ЭЯ также о некрасивой старухе

В завершение можно сделать следующие выводы:

1) И в РЯ, и в ЭЯ источниками образов, лежащих в основе Мтф-значений существительных, связанных с семантическим полем религии и мифологии, могут быть как религиозные представления, так и народные предания. Преобладает лексика, связанная с христианской религией, «поддерживаемая» народными преданиями (*чёрт, бесёнок* и т.д.). Меньшим количеством представлены слова, относящиеся к преданиям древних греков, русской и эстонской мифологии, единичными случаями и только в РЯ — лексемы, связанные с мусульманской верой. Таким образом, можно говорить о наиболее серьёзном влиянии (по сравнению с народными поверьями) воспринятой народом религии на систему Мтф-значений в языке.

Сходство в развитии переносных значений в РЯ и ЭЯ мы наблюдаем именно в этой группе слов: видимо, здесь важны общие, над-национальные ассоциации. Практически эквивалентны в обоих языках Мтф-значения лексем, связанных с античной мифологией, что объясняется общим источником заимствования.

2) Переносные значения большей части таких существительных относятся к бранным словам и ласковым обращениям — особому типу Мтф, создаваемому с целью выражения отношения говорящего к человеку через отрицательные или положительные эмоции, связанные с объектом Мтф. Причём религиозные наименования злых сверхсущностей (*чёрт, бес / pagan, kurat* и т.д.) и мифологических существ (*леший, кикимора* и т.д.) нередко утрачивают в сознании говорящего свои отличительные признаки и становятся собственно символом злого начала, нечистой силы. Столь широкое употребление наименований мифологических существ в качестве Мтф-обращений логично, поскольку объект Мтф в данном случае не мог быть воспринимаем носителем языка без выражения чувств и эмоций: это предмет поклонения и восхищения или страха, ненависти, презрения.

3) Собственно переносные значения существительных, относящихся к семантическому полю религии и мифологии, основанные на ассоциации по сходству, как правило, являются результатом метафоризации с прямой признаковой связью: значимыми в развитии вторичного значения становятся либо дифференциальные семы (один из наиболее ярких признаков мифологического существа: *кощей, левиафан* и т.д.) — ППС-1, либо периферийные (*вакханка*) — ППС-2. Мтф с ОПС практически не встречаются: мифологические существа нередко «очеловечивались», и сопоставление с ними подобно сравнению с лицом: переосмысление и дополнительная трансформация лежащего в основе переноса признака, как правило, являются излишними (см. таблицу 16).

Таблица 16

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	27 / 61,4 %	29 / 74,4 %
— ППС-1	20 / 45,5 %	19 / 48,7 %
— ППС-1 + ППС-2	2 / 4,5 %	1 / 2,6 %
— ППС-2	5 / 11,4 %	9 / 23,1 %
— ППС-3	—	—
ОПС	—	—
Мтф-обращения	17 / 38,6 %	10 / 25,6 %

Глава 5

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС «РАСТЕНИЕ — ЧЕЛОВЕК»

Известно, что на древнем этапе развития национальной культуры, связанном с языческими верованиями, важное место в отношениях человека с окружающим миром занимали растения: в представлении народа они связывались с одушевлёнными существами (многочисленны мифы о превращении людей в растения, например, о цветке Иван-да-Марья у русских, о нарциссе у греков), с ними связывалось большое количество легенд (таких, как предания о папоротнике у многих народов, в том числе у русских и эстонцев), во многих мифологиях принято говорить о «мировом древе» как основе мироздания. Можно бы предположить, что эти древнейшие представления должны были оставить свой след и в Мтф-системе языка (как это нередко происходит с зоонимами), однако, как показывает анализ исследуемого нами материала, развитие переносного значения, характеризующего человека, у наименования растения — явление редкое³² и в отличие от других ЛСГ, не настолько поддающееся систематизации.

Общее количество Мтф-значений, выбранных нами из словарей-источников, — 18 в РЯ и 10 в ЭЯ. Мтф с ППС исчисляются единичными случаями (по 3 в РЯ и ЭЯ):

а) ППС-1:

сморчок — гриб с короткой ножкой и шляпкой, поверхность которой покрыта извилистыми складками, морщинами

Опорные дифференциальные семы:

- 1) маленький ⇒
- 2) морщинистая поверхность ⇒
- 3) невзрачный ⇒

Мтф-значение:

прост. о маленьком, невзрачном или старом морщинистом человеке

устар. *розан*, *розанчик* — то же, что роза

Опорная дифференциальная сема:

красота ⇒

Мтф-значение:

миловидная, цветущая молодая женщина, девушка

б) ППС-2:

redis ‘редис’ — огородное растение, овощ с небольшими съедобными корнями с розовой или красной кожурой.

³² Можно предположить, что это имеет свои причины: растения, если можно так выразиться, занимают некое промежуточное положение между неживыми предметами и живой фауной.

Опорная дифференциальная сема:

красный цвет кожуры ↓

Периферийная сема:

красный цвет символизирует коммунистическую партию ⇒

Мтф-значение:о человеке, притворяющемся коммунистом³³

Две лексемы в ЭЯ связаны с устоявшимся в сознании носителей языка представлением о родословном дереве: *tüvi* ‘ствол’ — о предках, *võsi* ‘побег’ — об отпрыске, последователе, наследнике.

Большим числом лексем представлена ОПС (13 в РЯ и 5 в ЭЯ), которая состоит в трансформации, переосмыслении Мтф-признака, лежащего в основе переноса:

смола — липкий пахучий сок хвойных и некоторых других растений

Трансформация:

происходит переосмысление признака «липкий» → «навязчивый»

Мтф-значение:

разг. о навязчивом, назойливом человеке

Сходное или близкое развитие Мтф-значений у слов-соответствий в РЯ и ЭЯ в данной ЛСГ наблюдается реже, чем на материале зоонимов или наименований человека:

перец / *pipar* — овощное пряное растение, а также плоды его в виде стручков

Трансформация:

вкусовые горечь и острота плодов перца связываются с таким качеством человека, как язвительность (+ гордость в ЭЯ)

Мтф-значение:РЯ: колкий, язвительный человек;
ЭЯ: разг. капризная, привередливая, гордая девушка.

мимоза — тропическое растение, которое свёртывает листья при прикосновении к ним / ~ *potilill* ‘цветок в горшке’

Трансформация:

в обоих словах при развитии переносного значения важными становятся качества, воспринимаемые человеком как особая «уязвимость», «изнеженность» растения

Мтф-значение:РЯ: об обидчивом человеке, недоτροге
ЭЯ: об изнеженном человеке

На исследуемом материале были обнаружены лексемы, в основе переносного значения которых лежит уже известная нам трансформация, получившая отражение и при метафоризации слов других ЛСГ:

³³

Переносное значение лексемы *redis* развилось в середине XX в. и связывается с определённым историческим периодом, когда Эстонская республика входила в состав Советского Союза. Сейчас Мтф-значение этого слова уже выходит из активного употребления.

дуб — крупное лиственное дерево с плотной древесиной

Трансформация:

комплекс признаков (таких, как тяжесть, твёрдость, неподвижность + условно говоря, материал — дерево) становятся своего рода символом отсутствия умственных способностей и человечности (аналогично при переносе «предмет — человек»)

Мтф-значение:

разг. о нечутком, тупом человеке

Практически невозможно говорить на материале Мтф-значений наименований растений о формировании группы с единой основой Мтф-переноса и общим или сходным Мтф-результатом. Единственный такой случай — лексемы *огурчик*, *ягода* в РЯ и *ladvaðin* ‘яблоко с вершины’:

Трансформация:

общий внешний вид, такие качества, как крепость, упругость и сочность, ассоциируются со здоровым, свежим видом человека.

Мтф-значение:

огурчик — прост. о ком-либо здоровом, крепком, свежем на вид;
ягода, *ladvaðin* — прост. здоровая и крепкая, в самом соку женщина, девушка

В РЯ в ряде случаев метафоризация поддерживается внутренней формой лексемы: прозрачная мотивация позволяет трансформировать саму основу образования слова, например: *пустоцвет* ‘цветок, не дающий плодов’ — о человеке, деятельность, жизнь которого не приносит пользы другим людям, обществу (человек подобен «пусто цветущему» растению); *перекати-поле* ‘название нескольких степных и пустынных травянистых или полукустарниковых растений, после созревания отрывающихся от корня и перекатываемых ветром’ — разг., неодобр. о человеке, склонном к частой смене местожительства, работы, обычно одиноким (так же, как растение, «перекатывается»); разг. *скороспелка* ‘скороспелый плод’ — о человеке, слишком рано развившемся, слишком рано и обычно без надлежащей подготовки выступившем на какое-либо поприще («скоро поспел»); примыкает к этой группе слов однокорневая лексема *вьюн* — разг. о большом хитреце, ловкаче и проныре. Можно предположить, что именно словообразовательная структура лексемы *мухомор* ‘ядовитый гриб’ стала основой переноса — разг. о дряхлом старике (важно наличие корня *-мор-*: *морить*, *заморыш*, *умориться* и т.д.).

Возможно, главенствующей при метафоризации слова *käbi* ‘шишка’ (о старике) становится не семантика прямого значения (и присутствующий в ней признак «ссохшийся»), а звуковая близость к лексемам *köbi* и *kõbi*, используемым для стилистически сниженного наименования пожилого человека.

Остальные лексемы с ОПС, принадлежащие данной ЛСГ и используемые для характеристики человека, не могут быть объединены по сходству в процессе метафоризации или же её результата и представляют собой единичные случаи:

лотух ‘травянистое сорное растение с крупными широкими листьями и цепкими колючками’

Трансформация:

незамысловатый вид растения, отсутствие внешней изысканности позволяет человеку проводить образную параллель с человеком: его внешней и умственной «незамысловатостью»

Мтф-значение:

прост. о простоватом, несообразительном человеке

корешок — уменьш. к *корень*

Трансформация:

проводится аналогия между биологическим единством — корнем — и духовной близостью.

Мтф-значение:

прост. близкий друг, товарищ.

juurikas ‘корневище’

Трансформация:

1) крепость корня образно связывается с физической силой мужчины

Мтф-значение:

о физически сильном, крепко сложенном, крепком мужчине

2) тот же признак лежит в основе ассоциации с человеческим упрямством

о своенравном, упрямом человеке

Группа Мтф-обращений на материале наименований растений также невелика (2 в РЯ и 2 в ЭЯ): *ягодка* / ~ *maasikas* (ласковое название женщины), *lilleke(ne)* ‘цветочек’. К этой же группе слов, видимо, следует отнести ласковое обращение к близкому человеку, чаще женщине, — *лапушка*, которое В. В. Виноградов, объясняя его значение, связал с народным наименованием клевера, красной кашки: красный цвет, как известно, часто становится символом женщины (см. [Виноградов 1966: 15-16]).

Обобщая проделанный нами анализ наименований растений, используемых в речи в качестве антропоцентрической Мтф, можно сделать следующие выводы:

1) Для обоих исследуемых языков развитие Мтф-значений, характеризующих человека, у наименований растений — явление нехарактерное, нераспространённое, поэтому данная группа слов представлена небольшим количеством Мтф-переносов (см. таблицу 17).

Таблица 17

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	3 / 16,7 %	3 / 30,0 %
— ППС-1	3 / 16,7 %	—
— ППС-2	—	3 / 30,0 %
— ППС-3	—	—
ОПС	13 / 72,2 %	5 / 50,0 %
Мтф-обращения	2 / 11,1 %	2 / 20,0 %

2) Естественно, что подобная ограниченность в реализации Мтф не даёт возможности не только для выявления, но и вообще для развития каких-либо закономерностей в образовании антропоцентрической Мтф на данном материале. Однако все Мтф-значения этой группы слов основываются на наиболее показательных, наиболее характерных признаках растений.

3) Следует отметить тот факт, что системность переносов, проявляющая себя на более широком материале иных ЛСГ, отмечается и здесь: признаки, лежащие в основе Мтф-переносов в группах слов с другой семантикой, становятся опорными и в данной группе Мтф и дают схожий Мтф-результат.

Глава 6

НЕПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

В данной главе мы рассмотрим Мтф-переносы, которые представлены небольшим количеством случаев и являются непродуктивными (общее число Мтф-значений: РЯ — 31, ЭЯ — 21).

В первую очередь к ним можно отнести группу слов, которые можно было бы объединить понятием **«физический мир»**: это наименования физических явлений, природных материалов, небесных тел и т.д.

Несмотря на очевидную «неоднородность» и разнообразие семантики небольшого количества входящих в неё лексических единиц, эта группа слов обращает на себя внимание преобладанием в ней положительных Мтф-характеристик — 12 из 17 в РЯ и 6 из 9 в ЭЯ. Для того чтобы объяснить этот факт, следует вспомнить уже упомянутое нами ранее высказывание Аристотеля о выборе Мтф-объекта для характеристики человека: уничижительность и возвеличение реализуются при использовании наименования «худшего» или же «лучшего» предмета. Таким образом, подытоживая уже проделанный анализ и обращаясь к описанию Мтф-переноса «физический мир — человек», можно отметить следующую тенденцию: в качестве «худшего» нередко оказываются предметы, произведённые самим человеком, или животные (видимо, то, что кажется носителю языка примитивнее ему самого), в качестве «лучшего» — то, что в некий момент развития человечества представлялось недоступным, то, что до сих пор нельзя назвать познанным, например, природа.

Так, положительную оценку отражает Мтф-сопоставление с небесными телами, при котором важным, несомненно, становится и противопоставление «земное — небесное» (ППС-3 и ОПС):

ППС-3: *светило* — небесное тело, излучающее свет;

звезда / täht — небесное тело, представляющееся взору человека светящейся точкой

Опорные дифференциальные семы:

находится над человеком ⇓

дарит свет ⇓

Опорные потенциальные семы:

верх в представлении человека о мире
всегда связывался с божественным началом + свет как символ высокого ⇒

Мтф-значение:

о человеке, прославившемся в какой-либо сфере деятельности, о знаменитости (ППС-3)

отсюда же: *созвездие* — высок. соединение знаменитостей, талантов

ОПС: *солнце* / *päike(ne)* — центральное тело Солнечной системы

Трансформация:

сочетание таких признаков, как «свет», «положение в пространстве — высоко, на небе» и «способность давать тепло», издревле идущее поклонение Солнцу делает возможным следующую Мтф-трансформацию ⇒

Мтф-значение:

о том, кто является предметом поклонения, любви

Этот набор ассоциаций делает возможным и употребление лексем *солнце*, *солнышко* / *päike(ne)* в качестве ласкового обращения к дорожному, любимому человеку.

Такой признак, как «ценность» оказывается решающим при метафоризации лексем *золото* / *kuld* — о ком-либо, отличающемся большими достоинствами; поэт. любимый, дорогой человек — иначе: тот, кто ценен, дорог нам (ППС-1). Отсюда проистекает и Мтф-обращение *золотко* / *kullake* по отношению к любимому человеку. Также на ППС-1 основано употребление в речи лексемы *жемчужина*, устар. *перл* / *pärl* 'жемчужина' в переносном значении — о ком-либо особенно красивом, неординарном.

В числе Мтф-переносов «физический мир — человек» преобладают переносные значения с ОПС, например:

ржа — устар. и прост. красно-бурый налёт на поверхности железа, образующийся вследствие окисления его под действием воздуха и влаги

Трансформация:

способность ржавчины покрывать металл, прикрепиться к нему переосмысливается как способность человека «пристать»: начать надоедать с просьбами и упрёками. Возможно, здесь в определённом смысле становится важна сама лексическая сочетаемость: *ржа пристала* (в прямом значении глагола) — *человек пристал* (в переносном значении)

Мтф-значение:

человек, пристающий к кому-нибудь с нудными разговорами, с надоедливыми просьбами, поправками

muld 'почва'

Трансформация:

такое качество почвы как способность рассыпаться на мелкие части становится символом дряхлости

Мтф-значение:

об очень старом дряхлом человеке

magnum / *magnet* — тело, притягивающее или отталкивающее некоторые тела

Трансформация:

физическое действие магнитного поля, которое способствует притяжению предметов, ассоциируется с человеческой притягательностью

Мтф-значение:

о ком-либо, обладающем притягательной силой, привлекающем к себе

Примыкает к этой группе слов и лексема *прорва*: топкое место, яма на болоте → прост. об очень прожорливом, ненасытном человеке

Мтф-значения с ОПС, выражающие как положительное, так и отрицательное отношение к человеку, которые мы находим в данной группе слов, нередко обнаруживают уже известные нам закономерности метафоризации: *огонь* → о ком-либо, отличающемся горячим, пылким нравом, порывистостью и т.п., *кипяток* → о горячем, вспыльчивом человеке (актуализация признака «горячий», как в лексеме *порох*), *эхо* → о том, кто слепо повторяет чужие слова, придерживается чужих мыслей (ср. с лексемой *попугай*), *слякоть* 'жидкая грязь на земле, дороге от дождя или мокрого снега' → разг., презр. о ничтожном, презренном или жалком, слабом человеке, людях (как *тюря*, *размазня* и т.д.), близко к последнему *saast* 'грязь' → о преступниках, морально ущербных людях, дне общества. После обнаруженной ранее Мтф-связи между признаком «мягкость» и такой чертой человека, как покладистость или слабохарактерность (*шёлк*), логичным представляется сопоставление такого качества, как твёрдость предмета с силой характера и непреклонностью — *кремень*, *кремешок* → разг. о человеке, обладающем твёрдым, непреклонным характером.

Итак, перенос «физический мир — человек», представленный немногочисленными и при этом достаточно разнородными примерами, отражает общие закономерности развития антропоцентрической Мтф, хотя и не может быть отнесён к регулярным и продуктивным моделям переноса.

Антропоцентрическая Мтф в обоих сопоставляемых языках пополняется также за счёт лексем, называющих **части тела человека или животного**.

Крайне редко такой Мтф-перенос осуществляется на основе ППС:

а) по функции:

кулак — кисть руки с согнутыми и прижатыми к ладони пальцами

Опорная дифференциальная сема:

бьёт, ударяет ⇒

Мтф-значение:

войска, сосредоточенные в одном месте для решительного удара

или б) внешнему уподоблению:

кост 'кость' — отдельная составная часть скелета

Опорная дифференциальная сема:

производимое впечатление ⇒

Мтф-значение:

о старом жалком человеке

Чаще же части тела в сознании говорящего являются связанными с определёнными ассоциациями (ОПС):

*голова, устар., высок. глава*³⁴ / *pea* — верхняя часть тела, содержащая мозг

Трансформация:

голова в понимании людей управляет всем телом, поскольку содержит мозг и, соответственно, связана с разумом, мышлением

Мтф-значение:

о руководителе, начальнике

шишка — округлая выпуклость, бугорок на теле человека или животного от ушиба, воспаления и т.д. / аналогичное развитие переносного значения у эстонского слова *nina*

Трансформация:

выделяется на теле — отсюда о человеке, который выделяется своим положением в обществе

Мтф-значение:

прост. о важном, влиятельном человеке

Характер ассоциации носит Мтф-значение эстонского слова *soolikas* ‘кишка’ — о лентяе.

При анализе Мтф-употребление наименований частей тела было обнаружено, что такие лексемы практически не используются в качестве Мтф-обращений (за исключением русского *кровинка*, которое условно может быть отнесено в эту группу: разг. капля крови → обл., народно-поэт. ласковое обращение, обычно родителей к своим детям).

Возможна в обоих языках метафоризация **наименований болезней** (5 в РЯ и 3 в ЭЯ): естественно, они связываются в понимании носителя языка с отрицательными ассоциациями, поэтому употребляются они либо в роли негативной Мтф-характеристики, либо — чаще — в качестве бранного слова.

В первом случае — как Мтф-характеристика — такие вторичные значения основываются на ОПС: *язва* — гноящаяся или воспалённая ранка на поверхности кожи или слизистой оболочки → о злобном, язвительном человеке; *vesipea* ‘водянка мозга’ → о глупом, несообразительном человеке. Примыкает к этим примерам русская лексема *сопля* и её эстонское соответствие *tatt*: груб., прост. о ребёнке, малыше, груб., презр. о слабом, ничтожном, презренном человеке

Как уже упоминалось, наименования болезней в единичных случаях используются и в качестве бранных Мтф-наименований: *язва, холера, чума* и *vesipea*.

Крайне редко для характеристики человека используются **Мтф-значения** существительных, называющих **абстрактные понятия** (4 в РЯ и 2 в

³⁴ Традиционно вторичные значения этих лексем относятся к случаям метонимического переноса или синекдохи, однако нам кажется важным развитие образного элемента: голова как «руководящая» верхняя часть тела.

ЭЯ): *наказание / karistus* — мера воздействия, применяемая к кому-либо за какую-либо вину, проступок → разг. о ком-, чём-либо крайне неприятном, досаждающем чем-либо, причиняющем затруднения, хлопоты и т.п.; *радость / rōdm* — чувство удовольствия, удовлетворения → тот, кто доставляет удовольствие, даёт счастье (употребляется и как ласковое обращение); *обуза* — тягостная, обременительная обязанность, забота → о том, кто обременяет, стесняет кого-либо. Такое употребление в речи абстрактных существительных близко к метонимическому переносу («*ты приносишь мне радость*», «*ты несёшь наказание*»). Однако представляется, что здесь можно говорить о Мтф-уподоблении человека тем явлениям, которые называют данные существительные в прямом значении.

Единичный случай Мтф-переноса на основе определённого очертания, основанный на сходстве формы, — разг. *krōnks* ‘крюк’ — о старом, сгорбленном человеке.

Обобщая анализ непродуктивных Мтф-переносов (статистические данные см. в таблице 18), которые представлены единичными случаями, следует отметить, что метафоризация слов, принадлежащих к иным ЛСГ, не является неким нелогичным явлением в языке, исключением из системы антропоцентрической Мтф — развитие переносного значения здесь опирается на ряд закономерностей, обнаруженных при анализе продуктивных моделей.

Таблица 18

Представленная признаковая связь	РЯ	ЭЯ
ППС:	10 / 32,3 %	7 / 33,3 %
— ППС-1	7 / 22,6 %	6 / 28,6 %
— ППС-2	—	—
— ППС-3	3 / 9,7 %	1 / 4,7
ОПС	13 / 41,9 %	9 / 42,9 %
Мтф-обращения	8 / 25,8 %	5 / 23,8 %

СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ

В этой части работы будут изложены результаты изучения русских и эстонских переносных наименований человека, соотносимых **исключительно** с мужчинами или же женщинами. Изучение Мтф-наименований мужчины и женщины представляется нам полезным не только с точки зрения реализации различных моделей переноса в этих неродственных языках, но и с точки зрения взаимосвязи семантики и грамматической категории рода.

Известно, что в современном РЯ семантические основания родовой классификации достаточно размыты и только названия лиц и животных, как правило, отражают реальные половые различия. Отсутствие чётких формальных показателей рода сделало возможным образование промежуточного класса слов — так называемых слов общего рода, приложимых к лицам обоих полов (таких, как *неряха*, *невежда*, *сирота* и т.д.). Видимо, можно говорить о том, что класс слов общего рода пополняется Мтф-наименованиями человека, большая часть которых может быть употреблена для характеристики и мужчины, и женщины, например: *Он / она каланча*. Тем не менее, переносные значения ряда лексем соотносимы только с лицами женского или мужского пола.

Отметим, что в данной части работы в исследуемый материал не были включены родовые пары наименований, в которых производные лексемы-наименования лиц женского пола являются производными от слов мужского рода: *командир* — *командириша* (тот / та, кто любит приказывать, распоряжаться), *охотник* — *охотница* (тот / та, кто имеет склонность к чему-нибудь) и т.д. Думается, что такие случаи требуют отдельного изучения, поскольку ЛСВ, представленные в словарях как прямое и переносное значения слов женского рода, возможно, развились не по аналогии с Мтф-употреблением родовой пары — производящего слова мужского рода (как указывается в словарях), а являются словообразовательными омонимами. Например, лексема *командириша* в значении ‘о женщине, любящей командовать’, вероятнее всего, образована от переносного значения слова *командир*, а не является результатом развития прямого значения ‘женщина-командир’ (крайне нечастотное употребление по объективным причинам) или ‘жена командира’ (в таком случае перестаёт осознаваться образная связь между прямым и переносным значениями). При этом следует отметить, что в подобных лексемах женского рода присутствует Мтф-

начало, однако происхождение его иного рода (результат словообразовательного процесса).

Итак, на русском материале объектом нашего рассмотрения станут именно наименования лиц мужского и женского пола, не имеющие подобной родовой пары (соответственно 66 и 46 Мтф-значений). Отмечу, что словарные статьи, в которых содержится указание, что переносные наименования используются только или преимущественно для характеристики лиц мужского пола, единичны. Однако вызывает сомнение употребление, например, лексемы *тюфяк* или *антихрист* по отношению к женщине — ограничением, несомненно, должен стать грамматический род слова, так как «в подавляющем большинстве случаев смысловая трансформация «род => пол» приводит к переосмыслению имён мужского рода как лиц мужского пола и соответственно имён женского рода как лиц женского пола, чему подтверждением служит довольно значительное количество сложений типа *Волга-матушка*, *Днепр-батюшка*, *царь-колокол* и др.» [Москвин 1996 : 106]. В связи с этим с помощью информантов был установлен комплекс лексем, которые могут в переносном значении соотноситься только с лицами мужского пола.

В ЭЯ развитие вторичного переносного значения, характеризующего только мужчину или женщину (36 и 41 Мтф-значения по данным словаря и результатам опроса информантов³⁵), особенно важно при отсутствии грамматической категории рода. На словообразовательном уровне показателями принадлежности лица к женскому полу являются либо суффиксы *-iss*, *-nna* и *-tar*, либо части сложного слова, например, *emalõvi* (*мать* + *лев* = *львица*), однако оба способа нерегулярны и непродуктивны.

Таким образом, приступая к анализу переносных наименований мужчины и женщины, следует ещё раз обратить внимание на различные исходные грамматические категории, проявление которых могло оказать влияние на сам процесс метафоризации.

Наиболее распространённую группу на материале Мтф-наименований женщины в обоих языках составляют лексемы, употребляемые в переносном значении для характеристики внешнего вида (17 слов в РЯ и 10 в ЭЯ) и относящиеся к Мтф ППС-1 (такие, как *гурия*: ‘вечно юная красавица (в мусульманской мифологии)’ → ‘красавица’; *тигалица* ‘небольшая птица семейства ржанковых’ → ‘о малорослом, тщедушном человеке, преимущественно женщине’).

³⁵ В ходе опроса информантам-эстонцам, филологам по образованию, был предложен список слов, употребление которых в переносном значении они должны были оценить с точки зрения соотнесённости с определённым полом. Предварительный список был составлен на основе данных словарных статей (с опорой на иллюстративные примеры).

Как отмечает Т. Н. Федотова, «оценка внешности — достаточно сложное представление, включающее знания разнообразных сфер: обыденные знания, эстетические, эмоциональные представления, национальные особенности психологии и культуры народа и прочее» [Федотова 2000: 131]. С этой точки зрения интересен тот факт, что при ограниченном числе слов в РЯ и ЭЯ, которые в переносном значении употреблялись бы только в качестве общей характеристики внешности мужчины, оценка образа женщины в целом, её привлекательности и непривлекательности оказывается ярко выраженной: женская красота, как правило, ассоциируется с божественным, неземным, чудесным происхождением: *богиня* / *jumalanna* / *jumalatar*, *муза* / *tuusa*, *грация* / *graatsia*, *гурия*, *наяда*, *nümf* ‘нимфа’, *сирена* / *sireen*, (в семантике последней лексемы присутствует дополнительный оттенок: красивая, но бездушная женщина).

Для презрительного наименования в целом уродливой женщины Мтф-лексемы используются крайне редко: русское слово-просторечие *кикимора* и эстонское *nõid* (чаще — о старой женщине). Остальные же лексемы отражают представление о каких-либо конкретных недостатках женской фигуры: полноте (*кубышка*, *пышка*), худобе (*выдра*) или общей непропорциональности женской фигуры (*кобыла* / *mära*, *корова* / *lehm*, *кувалда*, *пигалица*). Обратим внимание на тот факт, что в ЭЯ отрицательная характеристика женской внешности с помощью языковой Мтф не получает столь широкого отражения, как в РЯ. Те же соответствия, которые мы находим (*корова* / *lehm* и *кобыла* / *mära*), связаны с образами домашнего скота (как известно, в большинстве языков значительная часть Мтф, основанных на ассоциациях с животными, несёт отрицательную оценку).

Внешность мужчин также получает оценку (10 слов в РЯ и 6 в ЭЯ), однако в основе её лежит представление об идеальном образе мужчины. Так, положительно оценивается высокий рост и крепкое телосложение, свидетельствующие, с традиционной точки зрения, о смелости и силе. По отношению к таким мужчинам используются Мтф-наименования *богатырь* / *vägimees*, *vägilane* ‘силач, богатырь’, *гренадёр*; *орёл* / *kotkas* (часто о лётчике), *сокол*; может быть включена в эту группу лексема *juurikas* ‘корневище’: о мужчине коренастом, крепком. Отрицательную оценку получают полнота и грузность, которые делают мужчину неповоротливым и неловким (*медведь* / *kari*, *кабан*, *боров* / *orikas*, *слон*, *мастодонт*, *байбак*). Следует подчеркнуть, что эти отрицательные переносные значения развились исключительно в результате Мтф-употребления наименований зоонимов.

При столь широком использовании переносных наименований женщин для описания их внешней привлекательности, мы не находим ни одной Мтф, характеризующей возраст представительниц слабого пола, но **оценка возраста мужчины** получает своё отражение в системе языка. И

опять мы обращаемся к некоторому идеальному представлению о представителях сильного пола (8 лексем в РЯ и 3 в ЭЯ): в обоих языках отрицательную оценку получает молодость мужчины, если она связана с неопытностью и зазнайством (*мальчишка* / *poisike(ne)*, *сопля*, *сопьяк* / *tatt*, *сосунок*, *щенок* / *kutsikas*; *саврас* ‘о развязном, бесшабашном молодом человеке’), отражается и пренебрежительное отношение к старости, особенно, если мы говорим о немощи пожилого человека (*мухомор*, *сморчок* — ‘дряхлый, невзрачный, маленький старик’; *кощей* ‘тощий высокий старик’). С другой стороны, само слово *старик* используется для наименования опытного, знающего дело человека (по отношению к новичкам). Таким образом, немощь оценивается отрицательно, а опытность — положительно.

Мтф-наименования женщины по чертам её характера (РЯ — 17, ЭЯ — 15) во многом отражают стереотипное, традиционное представление социума о недостатках слабого пола. Так, ряд лексем используется для наименования болтливой женщины (все — ППС-1): *сорока* / *harakas*, *че-чётка*, *трещотка*. Более сложные ассоциации, видимо, повлияли на переносное употребление слова *кумушка* в РЯ.

Резвость или непостоянство, легкомысленность, нередко приписываемые молодым представительницам слабого пола, ассоциируются с подвижностью: *стрекоза* / ср. сходные по образности *ritsikas*, *tirts* ‘кузнечик’, *liblikas* ‘бабочка’, *коза* / *kits*, *kitseke* ‘козочка’, *вертушка* (ОПС), а также — в РЯ — с ненужностью, нефункциональностью и непрактичностью предмета (*финтифлюшка*). В ряде случаев в обоих языках лексемы используются в переносном значении для наименования вздорной и сварливой (*фурия* / *fuuria*, *ведьма* / *põid*, *põiatoor*, *колотовка*, *tulehark* ‘кочерга’ (близко к фразеологизму — *старая кочерга*), *krihvel* ‘грифель’, *metskass* ‘дикая кошка’), бездушной (*кукла* / *nukk*), а также — в РЯ — медлительной и неповоротливой женщины (*клуша*).

Если Мтф-наименования женщины по чертам её характера раскрывают представление общества о недостатках слабого пола, то **душевные качества мужчин**, закреплённые в языковой Мтф (17 в РЯ и 11 в ЭЯ), если можно так сказать, оценивают «действительную» их принадлежность к сильному полу: Мтф-характеристика сильного по духу мужчины (*кремень*, *кремешок*) и слабого (*кисель*, *слизняк*³⁶, *баба* / *temm*, *тюфяк*, *mollusk*). Как слабость может оцениваться такое качество как раболепие, желание услужить: *холуй*, *лакей* / *lakei*. Противопоставленными оказываются такие качества, как благородство души (*рыцарь* / *rüütel*, *патник* / *sõdalane* — лек-

³⁶ Можно было бы предположить, что в подобных случаях по отношению к мужчине должны быть использованы в языке лексемы *sült* ‘холодец’ и *limukas* ‘дождевой червь’, но по оценке информантов эти слова могут быть употребимы и по отношению к женщине. То же можно сказать и о слове *saabas* — соответствии русскому *сапог*, которое будет упомянуто ниже.

сема используется для характеристики поборника какой-либо благородной идеи) и злость, коварство, подлость (*nēs, барбос / krants, verekoer; канибал, аспид*). Нелепой и смешной с точки зрения общества становится излишняя скромность мужчины; неуместность этой черты характера у представителя сильного пола подчёркивается в РЯ ироническим Мтф-использованием наименований лиц женского пола *институтка, скромница*. Единичные лексемы используются в переносном значении для наименования в ЭЯ удалого (*sälg* ‘стригунок’), озорного (*vemmal* ‘нетонкий, но гибкий прут’) мужчины, а также в обоих языках — задиристого и запальчивого (*nemux / kukk*).

И в РЯ, и в ЭЯ находит отражение представление о женской глупости (показательно, что образы в данном случае сходны и сводятся к ассоциативной параллели с умственными способностями домашней птицы): *курица / kana, гусыня / hani*.

Более широко используются Мтф-наименования для **характеристики умственных способностей мужчины**: в языке закреплена отрицательная оценка глупого, невежественного, подчас простодушного мужчины (8 в РЯ и 2 в ЭЯ): *дуб, пень, чурбан, болван / tūmikas, riirakk* (оба слова — чаще о мужчине), *сапог, лапоть, лопух, колтак* (все эти Мтф относятся к ОПС).

В числе Мтф-наименований женщины по характеру мы находим две лексемы на русском материале, которые в определённом смысле можно было бы назвать противопоставленными их родовым парам — словам мужского рода: *львица* и *королева*. Оба слова в прямом значении связаны с понятиями владычества. И если их родовые пары: *лев, король* (так же в ЭЯ — *kuningas*) — в переносном употреблении характеризуют мужчину с точки зрения его **положения в обществе**, совершенства в какой-либо деятельности (например, в профессиональной), то слова женского рода именуют представительниц слабого пола с точки зрения, если можно так сказать, наложения определённых черт характера и манеры поведения на привлекательную внешность: *королевой* или *львицей* мы можем назвать величественную, с гордым нравом женщину, пользующуюся вниманием противоположного пола. Эстонское соответствие слову *королева* — *kuninganna* — имеет аналогичное русской лексеме переносное значение, однако при употреблении её появляется такой оттенок значения, как «та, которой дорожат» (например, *südame kuninganna*), а зооним *emalõvi* используется в Мтф-значении иначе, чем в его эквивалент в РЯ, что связано в первую очередь с внутренней формой эстонской лексемы (*мать-лев*). О его Мтф-использовании будет сказано ниже.

Помимо упомянутых уже лексем *король / kuningas* и *лев*, мы находим ряд лексем, характеризующих мужчину с точки зрения его успешности в обществе, занимаемого им высокого положения (по 2 в РЯ и в ЭЯ): *муз /*

tuus, äss, козырь. Примыкают к этой группе наименования мужчин, ведущих себя недостойно с точки зрения общества, выставляющих себя на посмешище и, соответственно, неуважаемых (7 в РЯ и 5 в ЭЯ): *клоун, шут, паяц, гаер* ‘шут в барском доме’, *скоморох, буффон, фигляр* ‘актёр, играющий комические роли в оперетках и водевилях’ в РЯ и *kloun, pajats, narr* ‘шут’, *разг. tola* ‘шут, клоун, цирковой комик’, *veiderdaja* ‘скоморох, фигляр, шут’ (пренебр.).

Основная функция женщины в обществе — роль матери. В **оценке женщины как матери** (2 в РЯ и 4 в ЭЯ) мы встречаем некоторые различия. В РЯ на материале переносных значений мы не находим образных наименований хорошей матери: это либо характеристика равнодушной к своим детям женщины — *кукушка*, либо ироническое определение чрезмерно пекущейся о своих чадах матери, чьи интересы ограничиваются домом и воспитанием, — *наседка* (близко в ЭЯ — *kanake, kodukana, kodukanake*). Ярко выраженную положительную окраску приобретает лишь одно слово на эстонском материале: *emalõvi* — о матери, защищающей своих детей.

В системе Мтф-наименований женщин в обоих языках находит отражение и осмысление образ жизни или поведения женщины (8 лексем в РЯ и 19 в ЭЯ). Негативная оценка даётся как развязности, разврату, сладострастию (*гетера / hetäär, вакханка, шлохвостка / lind, linnuke, девка, мамзель* и близкое по оценочности *daamike, lipakas* ‘клочок, обрывок’), так и пуританству (*ирон. весталка / vestaal*). Пренебрежительный оттенок носят и употреблённые в переносном значении лексемы *девчонка / plika* (о молодой и неопытной женщине) и *барышня / preili, preilike* (об изнеженной, не приспособленной к труду девушке). В том же значении используется эстонское слово *potilill* ‘цветок в горшке’ (ср. с фразеологическим наименованием *тепличное растение* в РЯ).

Поведение мужчины оценивается преимущественно по отношению к женщине (3 в РЯ и 5 в ЭЯ): иронически воспринимается как чрезмерное поклонение любимой, так и заметный интерес к женщине (*наж / paaž, junkur* ‘юнкер’), пренебрежительно — мужская похотливость (*самур / saatür, жеребец / täkk, jäär* ‘баран’).

Среди **Мтф-обращений**, употребляемых по отношению к женщине (16 лексем РЯ и 14 ЭЯ), преобладает лексика, связанная с животным миром; оценочные коннотации преимущественно положительные, восходящие к традиционным, устоявшимся фольклорным образам: *голубка, голубушка, голубица / tuvike, ласточка / pääsuke, pääsulind, касатка, лебедь, лебёдушка; turteltuvi, turteltuvice* ‘горlinka’, *linnuke* ‘птичка’; *ягодка / maasikas*. Чаше по отношению к женщине употребляются такие обращения, как *ангел / ingel, душка и душенька*. В ряде случаев лексемы, относимые только к женщинам, содержат уменьшительно-ласкательный суффикс, который усиливает эмоциональность и выразительность подобного

обращения: *киска* / *kassike* / *kiisuke* (или *kiisu* — слово также содержит оттенок ласкательности), *цыпочка* / *tibuke*. В качестве бранных Мтф-наименований используются названия мифологических существ — *фурия* / *fuuria*, *ведьма* / *nõid* и *кикимора*.

Также опирается на фольклорные образы употребление ласковых наименований мужчины в РЯ (3): *сокол*, *соколик*, *голубь*. Однако преобладают в группе Мтф-обращений бранные (11): *шайтан*, *бес*, *дьявол*, *антихрист*, *леший*; *басурман*, *разбойник*, *каторжник*, *висельник*, *поганец*, *ирод* (семантически близкие).

В заключение обобщим наши наблюдения:

1) Мтф-наименования только мужчин или же только женщин более распространены в РЯ, нежели в ЭЯ. Такое преобладание происходит за счёт большего количества неодушевлённых существительных, а также наименований мифологических существ и зоонимов, относящихся по грамматическим показателям к определённому роду; в ЭЯ неодушевлённые существительные, не имеющие рода, могут использоваться и по отношению к мужчине, но чаще характеризуют женщину. Большей способностью к развитию переносного значения-характеристики мужчины или женщины обладают наименования лица или мифологического существа.

2) По структуре такие Мтф, как правило, относятся к ППС, в основе их лежат достаточно прозрачные ассоциации, исключение представляет такая, например, группа слов, как Мтф-наименования, используемые для характеристики глупого мужчины.

3) Следует отметить сходство образов: наблюдается частое использование мифологизмов, нередко заимствованных, зоонимов, наименований растений, причём можно проследить зависимость стилистической и эмоциональной окраски Мтф от исходного объекта.

4) Мтф-характеристика женщины и в РЯ, и в ЭЯ отражает стереотипное, традиционное мнение о представительнице слабого пола: распространённая в обоих языках характеристика внешности, болтливость, глупость, сварливость и злость, легкомысленность и непоседливость, развязность в поведении или чрезмерная скромность.

5) Мтф-характеристика мужчины в обоих языках основывается на представлении об идеальном мужчине — дееспособном, сильном, мудром защитнике. Соответственно, в Мтф-системе языка закреплена положительная оценка таких качеств мужчины, как смелость, сила, способность добиться высокого положения в обществе, и негативная — слабости, глупости (причём количество презрительных наименований глупого мужчины значительно превосходит подобную группу в «женской» Мтф), молодости и старости (следовательно, недееспособности), низкого положения в обществе и чрезмерного раболепия перед сильнейшим или женщиной как проявления

слабости (см. таблицы 19, 20). Интересен тот факт, что представленные в языке Мтф особым образом разделяют функции мужчины и женщины в обществе: представлена характеристика мужчины по положению в обществе и в профессиональной деятельности (однако нет Мтф-наименований о роли в семье — переносных значений об отце), в то время как женщина оценивается именно по выполнению её материнских обязанностей.

Таблица 19. Мтф-портрет женщины в РЯ и ЭЯ

Положительная характеристика		Отрицательная характеристика	
В обоих языках: <i>Красивая + гордая</i> <i>Внешне привлекательная + мягкая + нежная</i>		В обоих языках: <i>С непропорциональной фигурой + грубая</i> <i>Болтливая</i> <i>Легкомысленная</i> <i>Вздорная + сварливая</i> <i>Бездушная</i> * ³⁷ <i>Глупая, ограниченная интересами дома и семьи</i> <i>Развратная + сладострастная или, напротив, пуританка</i> * <i>Изнеженная + неприспособленная к жизни, к труду</i>	
Только в РЯ	Только в ЭЯ <i>Хорошая мать</i> *	Только в РЯ <i>Некрасивая</i> * <i>Слишком полная</i> <i>Слишком худая</i> * <i>Медлительная + неповоротливая</i> *	Только в ЭЯ

Таблица 20. Мтф-портрет мужчины в РЯ и ЭЯ

Положительная характеристика	Отрицательная характеристика
В обоих языках: <i>Крепкого телосложения + высокого роста + сильный + смелый</i> <i>Благородный</i> <i>Высокого положения в обществе</i> <i>Успешный</i>	В обоих языках: <i>Полный + грузный + неповоротливый + неловкий</i> <i>Неопытный + проявляет зазнайство</i> <i>Старый и немощный</i> <i>Слаб характером + раболепствует + проявляет услужливость</i> <i>Злой + коварный + подлый</i> <i>Запальчивый и задиристый (ирон.)</i> <i>Глупый</i> <i>Похотливый</i> <i>Чрезмерно поклоняется любимой (ирон.)</i> <i>Низкого положения в обществе</i>

³⁷ Звёздочкой отмечены характеристики, представленные единичными случаями.

Только в РЯ	Только в ЭЯ	Только в РЯ	Только в ЭЯ
<i>Опытный *</i> <i>С сильным характером</i>	<i>Удалой *</i> <i>Озорной *</i>	<i>Излишне</i> <i>скромный</i>	<i>Высокий + худой *</i> <i>Крепкого телосложения</i> + <i>глупый *</i>

6) Показательно то, что в РЯ и ЭЯ мы почти не находим расхождений в представленных Мтф-наименованиями образах мужчины и женщины. Более того, в ЭЯ оказываются устойчивыми те же ассоциации, что и в РЯ (например, «деревянная» тематика в наименовании глупого человека), хотя они и не подкрепляются грамматической категорией рода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе сопоставительного исследования антропоцентрической метафоры нами было проанализировано 551 русское и 412 эстонских многозначных существительных (576 и 431 метафорическое значение соответственно).

Следует отметить, что одной из причин расхождения в количестве метафорических наименований человека являются некоторые особенности сопоставляемых языков. Большее число случаев антропоцентрической метафоры в русском языке отчасти объясняется возможностью параллельного развития переносного значения у слов мужского рода и соответствующих им лексем женского рода (*софист* / *софистка*; *охотник* / *охотница* и т.д.). В эстонском языке метафоричность может проявляться и на материале сложных слов (таких, как *kalaveri* — буквально 'рыбья кровь': о холодном, вялом человеке, соответствует переносному значению русского *рыба*), однако такие лексемы должны быть рассмотрены в сопоставлении с русскими устойчивыми выражениями и не вошли в корпус исследуемого материала.

Исходным объектом антропоцентрической метафоры становятся (см. таблицу 21):

1) человек:

- а) как представитель определённой профессии или рода занятий;
- б) как сторонник неких религиозных, политических, философских и идеологических взглядов;
- в) как лицо, принадлежащее к какой-либо социальной (сословной) группе;
- г) как лицо, обладающее определёнными родственными или дружескими связями;
- д) как представитель какой-либо национальности или житель некоей местности;
- е) как лицо определённого возраста и пола;
- ж) как носитель определённой болезни и т.д.

2) предметы:

- а) артефакты (наименования предметов, связанных с человеческим бытом и хозяйством, наименования предметов мебели, наименования предметов, связанных с духовными потребностями человека, наименования зданий, сооружений, помещений и частей их, наименования «технических» артефактов, наименования предметов, связанных с военной деятельностью человека, наименования «естественных» артефактов);
- б) неартефакты;

- 3) животные (домашний скот, дикие звери, птицы, насекомые, в меньшей мере — рыбы);

- 4) мифологические существа:
- а) античные божества;
 - б) сверхъестественные существа, связанные с христианским представлением о мире;
 - в) языческие демоны;
 - г) люди, связанные с нечистой силой;
 - д) фольклорные герои;
- 5) растения;
- реже:**
- 6) явления физического мира;
 - 7) части тела человека или животного;
 - 8) болезни;
 - 9) абстрактные понятия;
 - 10) определённые очертания.

Таблица 21

Исходный объект	Количество Мтф-значений в РЯ	Количество Мтф-значений в ЭЯ
1) человек	263 / 45,7 %	186 / 43,2 %
2) животные	128 / 22,2 %	101 / 23,4 %
3) предметы	92 / 15,9 %	76 / 17,7 %
4) мифологическое существо	44 / 7,6 %	39 / 9,0 %
5) растение	18 / 3,1 %	10 / 2,3 %
6) физический мир	17 / 3,0 %	9 / 2,1 %
7) часть тела человека или животного	5 / 0,9 %	4 / 0,9 %
8) болезни	5 / 0,9 %	3 / 0,7 %
9) абстрактные понятия	4 / 0,7 %	2 / 0,5 %
10) определённые очертания, конфигурации	—	1 / 0,2 %

На наш взгляд, показательным является процентное соотношение переносных значений в русском и эстонском языках при создании антропоцентрической метафоры: отмеченные расхождения не превышают 2,5 процента — это может стать основой предположения, что возможности метафоризации той или иной лексико-семантической группы в естественных языках подчиняются общим закономерностям (понятно, что такое предположение может быть подкреплено или опровергнуто данными иных языков).

В результате метафорических переносов в проанализированных нами группах слов человек получает образную характеристику:

- 1) внешности;
- 2) душевных свойств и моральных качеств;
- 3) роли в обществе;
- 4) образа жизни, манер и привычек.

Следует отметить также, что уже при изучении статистических данных можно сделать вывод о тяготении каждой из продуктивных метафорических моделей («человек — человек», «животное — человек», «предмет — человек», «мифологическое существо — человек», «растение — человек»), связанных непосредственно с лексико-семантическими группами, к определённой структуре переноса (см. таблицу 22):

Таблица 22

Вид связи	Лексико-семантические группы				
	Наименования человека	Зоонимы	Предметная лексика	Мифологические существа	Растения
ППС-1	РЯ: 37,7 %	24,2 %	26,1 %	45,5 %	16,7 %
	ЭЯ: 40,7 %	22,8 %	34,2 %	48,7 %	
ППС-2	РЯ: 22,4 %	8,6 %	5,4 %	11,4 %	
	ЭЯ: 26,4 %	3,9 %	6,6 %	23,1 %	30,0 %
ППС-1 + ППС-2	РЯ:	12,5 %		4,5 %	
	ЭЯ:	14,9 %		2,6 %	
ППС-3	РЯ: 19,5 %	28,9 %			
	ЭЯ: 15,6 %	26,7 %			
ОПС	РЯ: 9,9 %	10,9 %	65,5 %		72,2 %
	ЭЯ: 10,3 %	9,9 %	55,3 %		50,0 %
Мтф-обр.	РЯ: 10,5 %	10,9 %	3,3 %	38,6 %	11,1 %
	ЭЯ: 7,0 %	9,9 %	3,3 %	25,6 %	11,1 %

1) Для наименований человека и зоонимов наиболее характерен перенос на основе прямой признаковой связи, реже возможно появление на этом материале метафор с опосредованной признаковой связью и десемантизованных метафор-обращений.

2) Предметную лексику отличают ограниченные возможности в создании метафор с прямой признаковой связью: невозможен перенос на основе потенциальных сем. Единичными случаями представлен также особый тип метафоры — ласковые обращения и бранные слова.

3) Метафоризация наименований мифологических существ возможна только при прямой признаковой связи: опорные признаки — дифференциальные и периферийные. Широкое использование этих лексем в качестве метафор-обращений является свидетельством оценочного, эмоционального восприятия самого исходного объекта.

4) Соотношение русских и эстонских метафорических значений у наименований растений позволяет делать вывод о меньшей системности проявления языковой метафоры на этом материале и различиях в её реализации на материале двух сопоставляемых языков.

Эти выводы носят, безусловно, общий характер. Особенности формирования переносных значений, развития той или иной характеристики человека были выявлены непосредственно в ходе анализа каждой из представленных лексико-семантических групп. Безусловно, нельзя выявить общие алгоритмы метафоризации, которые были бы бесспорными для любой группы слов, однако о ряде закономерностей внутри каждой из них, на наш взгляд, можно говорить обоснованно.

Так, при развитии переносных наименований человека на материале предметной лексики отмечается преобладание метафор с опосредованной признаковой связью. Объяснение этому мы видим в том, что при прямой признаковой связи перенос здесь может быть основан либо на зрительном или слуховом восприятии (например, *пышка*, *kõrend*), либо на логической основе — аналогии между назначением предмета и ролью человека в обществе (в таких случаях, как *кумир*, *puuslik*). Естественно, что число подобных общих выделяемых признаков ограничено, в то время как возможность трансформации признака значительно расширяет рамки переноса: подтверждением тому становится значительное количество выведенных в ходе анализа метафорических алгоритмов: таких, как, например, «тяжесть + твёрдость + неподвижность → человеческая глупость» (*болван* / *puupakk*), «ограниченность в движении, связанная с назначением предмета → зависимость человека» (*марионетка* / *marionett* / *hüpnukk*), «малый размер предмета → незначительность и зависимость человека» (*винтик* / *krivike*), «ценность предмета / отсутствие ценности → дорогие / негодные, незначительные, презируемые люди» (*сокровище* / *aare*, *отбросы*, *отребье*), «неподвижность предмета + внешнее уподобление живому → бездушные» (*кукла*, *идол*, *истукан*) и т. д.

Важно, на наш взгляд, отсутствие на материале предметной лексики метафор, основанных на актуализации потенциальных сем, что связано, по-видимому, с практическим отношением к окружающим предметам, а, следовательно, с отсутствием культурных и исторических ассоциаций.

Поскольку особый тип метафоры особого типа — ласковые обращения и бранные слова — часто основаны в сознании носителя языка на определённой ценности исходного объекта, то, соответственно, в сфере предметной лексики их число не может быть велико, поскольку ограничивается лексемами, содержащими в прямом значении семы присутствия или отсутствия ценностности (*сокровище; шваль, подонки* и т.д.).

В целом же, наименования предметов в сопоставляемых языках могут использоваться в переносном значении как для более конкретной характеристики человека — внешнего вида и социальной роли (метафоры с прямой признаковой связью), так и для характеристики внутреннего мира человека — его моральных качеств и умственных способностей (при опосредованной признаковой связи). Важно, на наш взгляд, что даже при отсутствии аналогичного переносного значения у слов-соответствий в русском и эстонском языках сами принципы развития сходных характеристик на материале предметной лексики оказываются общими.

Свои закономерности обнаруживают метафоры на материале зоонимов. Так, в обоих сопоставляемых языках наиболее часто развиваются переносные значения наименований домашнего скота, диких животных, насекомых, реже — названий рыб.

Важным является преобладание метафорических переносов, основанных на прямой признаковой связи, значительная часть которых представлена вторичными значениями, базирующимися на потенциальных семмах (как, например, *луса / rebane* — о хитром человеке). Только на материале зоонимов в процессе метафоризации возможно наложение периферийных сем, связанных с культурно-религиозными и бытовыми представлениями о животных, на дифференциальные семы (*собака / koer, змея, змей, гадюка, астид / uss, madu*).

Метафорические значения многозначных зоонимов отражают отношение человека к миру фауны: его представители одушевлены и, следовательно, с точки зрения носителя языка, в чём-то подобны ему самому — человек наблюдает за ними, стремясь объяснить для себя, понять повадки, поведение животного — такое объяснение либо основывается на реальных фактах (метафоры с прямой признаковой связью первого и второго типов), либо опирается на некие домыслы (ППС-3). Переносные значения зоонимов носят, как правило, стилистически маркированы и оценочны; они подчёркивают определённые свойства внешности человека, его склонности и манеру поведения, а также душевные свойства и моральные качества. Последняя характеристика опирается на закреплённые в сознании носителя языка представления о животном мире.

При сопоставлении с многозначной предметной лексикой можно сделать вывод, что в процессе метафоризации зоонимов выделяется мень-

шее количество алгоритмов, которые могли бы помочь прогнозировать, определять некие тенденции развития переносного значения этой группы слов. Так, например, характеристика внешнего вида человека подчиняется следующим закономерностям: «крупное животное → рослый или толстый, крупный человек (+ возможно: неуклюжий, неловкий)» (*боров / orikas*), «вытянутая форма, внешняя худоба → худой, тощий человек» (*выдра, kilu*), «маленький размер насекомого → человек маленького роста, ребёнок» (*клон, riisikas*).

Подобный результат можно назвать предсказуемым: всё зависит от представлений человека о конкретном животном, его повадках и, условно говоря, «характере». Показательно, что в большинстве случаев развитие переносных значений зоонимов в обоих сопоставляемых языках имеет общий или сходный результат: это может служить доказательством существования некоего общего комплекса ассоциаций, связанных с животным миром. Видимо, переносные значения зоонимов можно считать в какой-то мере самой устоявшейся группой антропоцентрических метафор, поскольку ассоциации, лежащие в основе такого переноса, складывались на протяжении долгого времени, закреплялись в фольклорном материале и вошли в сознание носителя языка настолько, что стереотипные представления о том или ином животном уже не могут быть изменены.

Мтф-перенос «человек — человек» в обоих языках представлен наиболее широко (прежде всего в связи с большим количеством представленных здесь лексико-семантических групп): наименования человека по профессии, по социальному положению, по умонастроению и мировосприятию и т.д. Следует отметить, что процентное соотношение в обоих языках оказывается сходным, что позволяет говорить об общих тенденциях развития вторичных значений при переносе «человек — человек».

Общие тенденции развития вторичных значений выявляются непосредственно при обращении к проанализированным лексико-семантическим группам. Так, например, при метафоризации наименований человека по профессии преобладают метафоры с прямой признаковой связью, где основой переноса в обоих языках становятся дифференциальные семы, отражающие функцию (*адвокат / advokaat, дипломат / diplomaat*) или основное, наиболее значимое качество, признак, определяющие место, успешность людей в профессии (*ас*). При актуализации функции происходит перенос из области профессиональных обязанностей в сферу общественной жизни, межличностных отношений. Расширение значения — от профессионального к общему — происходит и в метафорах, в основе которых лежит главенствующий признак.

В большинстве представленных на материале обоих языков случаев перенос наименования человека по профессии не выражает эмоциональности или оценочности, а становится своего рода «констатацией факта». Оценочность проявляется только при актуализации потен-

циальных сем, которые отражают сложившиеся в социуме стереотипы о представителях той или иной профессии (например, о чиновничьем аппарате: *бюрократ / bürokrant*).

Опосредованная признаковая связь проявляет себя при метафоризации этой лексико-семантической группы достаточно редко — в тех случаях, когда перенос совершается из профессиональной сферы в нравственную, духовную (где моральным качествам человека даётся оценка: *проститутка / prostituut*).

В целом же переносные значения наименований человека по профессии используются как характеристика моральных качеств лица, влияющих на общественную роль человека, его манеры поведения в обществе и отношения его с другими людьми: род деятельности в сознании носителей сопоставляемых языков часто связывается с определёнными чертами характера. В таких случаях метафора является своего рода психологическим портретом человека какой-либо профессии — представитель её видится таким. Причём, эти представления в сознании часто оказываются сходными для русских и эстонцев.

Источники метафорических значений при переносе «мифологическое существо — человек» — религиозные представления и национальная мифология. Преобладает лексика, связанная с христианской религией, «поддерживаемая» народными преданиями (*бес, чёрт, pagan, kurat, sarvik, põrguline* и т.д.). Сходство в развитии переносных значений в русском и эстонском языках мы наблюдаем именно в этой группе слов, поскольку важную роль в процессе метафоризации здесь играют общие, над-национальные ассоциации.

Переносные значения большей части многозначных существительных, именующих мифологические существа, относятся к бранным словам и ласковым обращениям — особому типу метафоры, отличительной чертой которого является выражение отношения говорящего к человеку через отрицательные или положительные эмоции, связанные с объектом метафоры: так, например, религиозные наименования злых сверхсуществ (*бес / pagan* и т.д.) и мифологических существ (*леший, кикимора* и т.д.) нередко, утрачивая в сознании говорящего свои отличительные признаки, становятся собственно символом злого начала и несут в себе прежде всего отрицательную оценку. Широкое употребление наименований мифологических существ в качестве обращений, на наш взгляд, объясняется тем, что исходный объект метафоры воспринимался носителями любого языка и приедателем любой культуры эмоционально — как предмет поклонения и восхищения или страха, ненависти, презрения.

При развитии большей части собственно метафорических значений (*кощей, левиафан* и т.д.) преобладает прямая признаковая связь. Метафоры же с опосредованной признаковой связью практически не встречаются, поскольку сопоставление человека с мифологическими существами по-

добно сравнению с лицом, при котором переосмысление и дополнительная трансформация лежащего в основе переноса признака, как правило, являются излишними.

Для обоих исследуемых языков развитие метафорических значений, характеризующих человека, у наименований растений, предметов и реалий физического мира, а также у абстрактных существительных — явление нехарактерное, нераспространённое, поэтому данные группы слов представлены небольшим количеством переносов, «оторванное» изучение которых может привести к ложному выводу о случайности появления переносных значений на этом материале и отсутствии каких-либо закономерностей, в то время как системность переносов может быть отмечена здесь именно в сопоставлении с иными лексико-семантическими группами: признаки, лежащие в основе переносов в группах слов с другой семантикой, становятся опорными и при непродуктивных Мтф-моделях и дают сходный результат. Например, после обнаруженной ранее связи между признаком «мягкость» и такой чертой человека, как покладистость или слабохарактерность (*шёлк*), логичным представляется сопоставление такого качества, как твёрдость предмета с силой характера и непреклонностью — *кремень*, *кремешок* → разг. о человеке, обладающем твёрдым, непреклонным характером.

Проделанный нами анализ метафорических наименований, характеризующих человека, привёл к постановке важной, на наш взгляд, теоретической проблемы связи процесса метафоризации с грамматической категорией рода (например, *куколка* — только о женщине, *чурбан* — только о мужчине). Выяснилось, что влияние грамматически выраженной в языке категории рода на развитие переносных значений действительно важно: именно им объясняется преобладание подобных переносных значений в русском языке в сопоставлении с эстонским. Оно происходит за счёт большего количества неодушевлённых существительных, а также наименований мифологических существ и зоонимов, относящихся по грамматическим показателям к определённому роду.

По структуре такие метафоры, как правило, относятся к прямой признаковой связи — в основе их лежат достаточно прозрачные ассоциации (*королева* / *kuninganna*, *богатырь* / *vägimees*).

Анализ показал, что метафорические характеристики мужчины и женщины в сопоставляемых языках отражают традиционное мнение о достоинствах и недостатках полов.

Так, представительница слабого пола характеризуется с точки зрения внешности (*богиня* / *jumalanna*) и таких черт, как болтливость (*сорока* / *harakas*), глупость (*курица* / *kana*), сварливость и злость (*фурия* / *fuuria*, *ведьма* / *nõid, nõiatoor*, *колотовка*, *tulehark* ‘кочерга’), легкомысленность и непоседливость (*стрекоза* / *ср.* сходные по образности *rütsikas, tirts* ‘кузне-

чик', *liblikas* 'бабочка'), развязность в поведении (*вакханка*) или чрезмерная скромность (*весталка*).

Метафорическая характеристика мужчины в обоих языках отражает представления об идеале — дееспособном, сильном, мудром защитнике. Соответственно, положительно оцениваются смелость, сила (*богатырь* / *vägilane*), способность добиться высокого положения в обществе (*муз* / *äss*), негативно — слабость (*баба* / *metm*), глупость (*чурбан* / *riirakk*), молодость (*щенок* / *kutsikas*) и старость (следовательно, недееспособности: *мухомор*, *сморчок*), низкое положение в обществе и чрезмерное раболепие перед сильнейшим или женщиной (*холуй*, *лакей*, *паж*).

Может показаться, что антропоцентрическая метафора проявляет себя абсолютно одинаково и в русском, и в эстонском языке. Несомненно, нет: выявляются алгоритмы, реализующиеся только в одном из сопоставляемых языков (так, например, такое качество, как мягкость материала, его некоторая бесформенность в РЯ может при переосмыслении становиться символом неуклюжести, нерасторопности, вялости человека, в то время как для носителей ЭЯ этот признак при характеристике человека ассоциируется со слабохарактерностью, беспомощностью или ленью); в обоих языках можно обнаружить лексемы, которые при создании антропоцентрической Мтф не имеют аналогии в сопоставляемом языке. Однако важен тот факт, что сами принципы создания переносных значений, имеющих человека, можно назвать общими.

ЛИТЕРАТУРА

- Азнаурова Э. С. 1973 — Очерки по стилистике слова. Ташкент.
- Азнаурова Э. С. 1977 — Стилистический аспект номинации словом как единицей речи. *Языковая номинация: Виды наименований*. М. С. 86–128.
- Алёшина О. Н. 1991 — Метафоризация неодушевлённых существительных современного русского литературного языка. АКД. Томск.
- Аллмере Р. А. 1986 — К исследованию русских и эстонских прилагательных, описывающих форму предметов. *Учёные записки Тартуского государственного университета*. Вып. 736. Тарту. С. 24–30.
- Античные теории* 1996 — Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб.
- Антышев А. Н. 2000 — Этноязычность как категория номинации. *Germanica. Slavica. Turkica*. Уфа. С. 73–81.
- Апресян Ю. Д. 1999 — Отечественная теоретическая семантика в конце XX века. *Известия АН. Сер. лит. и яз.* Т. 58. Вып. 4. С. 39–53.
- Апресян Ю. Д. 1969 — Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики. *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* Т. XXVIII. Вып. 1. С. 11–23.
- Апресян Ю. Д. 1974 — Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.
- Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 1993 — Метафора в семантическом представлении эмоций. *Вопросы языкознания*. № 3. С. 27–35.
- Аристотель. Поэтика. <http://philosophy.ru/library/aristotle/poet.html>
- Арутюнова Н. Д. 1998а — Метафора. *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*. М. С. 296–297.
- Арутюнова Н. Д. 1980 — К проблеме функциональных типов лексического значения. *Аспекты семантических исследований*. М. С. 156–249.
- Арутюнова Н. Д. 1982 — Лингвистические проблемы референции. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 13. М. С. 5–40.
- Арутюнова Н. Д. 1976 — Логические теории значения. *Принципы и методы семантических исследований*. М. С. 92–118.
- Арутюнова Н. Д. 1979 — Языковая метафора (синтаксис и лексика). *Лингвистика и поэтика*. М. С. 147–173.
- Арутюнова Н. Д. 1998б — Язык и мир человека. М.

- Бабаева Е. В. 1996 — Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта. *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград-Архангельск. С. 25–33.
- Балашова Л. В. 1999 — Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XX веков). АДД. Саратов.
- Балли Ш. 1961 — Французская стилистика. М.
- Баранов Г. С. 1992, 1993 — Научная метафора: Модельно-семиотический подход. Кемерово. Ч. 1–2.
- Белеева И. Д. 2000 — Сопоставительное исследование русских и французских существительных с развитой многозначностью. АКД. Екатеринбург.
- Белицына Я. Л., Камалаева А. А. 1998 — Концепт ‘медведь’ в русском языке. *Семантика слова, образа, текста*. Архангельск. С. 25–29.
- Брагина А. А. 1988 — К сопоставительному изучению языковой образности. *Методы сопоставительного изучения языков*. М. С. 43–47.
- Будагов Р. А. 1974 — Категория значения в разных направлениях современного языкознания. *Вопросы языкознания*. М. № 4. С. 3–20.
- Будагов Р. А. 1958 — Многозначность слова. *Филологические науки*. № 1. М. С. 5–18.
- Будагов Р. А. 1971 — Язык, история и современность. Гл. 1–2. М.
- Вайгла Э. А. 1971 — Некоторые наблюдения над эмоциональной лексикой современного русского языка (метафора и эмоциональность). *Учёные записки Тартуского университета. Труды по русской и славянской филологии. XVII. Серия лингвистическая*. Тарту. С. 181–189.
- Вайгла Э. А. 1970 — О разновидностях эмоциональной лексики. *Учёные записки Тартуского университета. Труды по русской и славянской филологии. XIV. Серия лингвистическая*. Тарту. С. 77–83.
- Вайгла Э. А. 1978 — Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы её перевода (на русско-эстонском материале). АКД. М.
- Варина В. Г. 1976 — Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц. *Принципы и методы семантических исследований*. М. С. 233–244.
- Вейнрейх У. 1970 — О семантической структуре языка. *Новое в лингвистике*. Вып. V. (Языковые универсалии). М. С. 163–249.
- Вежбицкая А. 2001 — Понимание культур через посредство ключевых слов. М.

- Виноградов В. В. 1977 — Основные типы лексического значения слова. *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М. С. 162–189.
- Виноградов В. В. 1977 — Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения. *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М. С. 39.
- Вовк В. Н. 1986 — Языковая метафора в художественной речи: Природа вторичной номинации. Киев.
- Вольф Е. М. 1988 — Метафора и оценка. *Метафора в языке и тексте*. М. С. 52–65.
- Вольф Е. М. 1985 — Функциональная семантика оценки. М.
- Воркачёв С. Г., Жук Е. А., Голубцов С. А. 1997 — Оценка, модальность, безразличие: субъективность в языке. *Язык и антропологические сущности*. Глава XII. Краснодар. С. 216–259.
- Выготский Л. С. 1956 — Мышление и речь. *Избранные психологические исследования*. М. С. 39–386.
- Габышева Л. Л. 2003 — Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов). М.
- Гайсина Р. М. 1990 — Сопоставительное описание лексических полей (на материале разносистемных языков). Уфа.
- Гак В. Г. 2000. — Актантная структура грехов и добродетелей. *Логический анализ языка. Язык этики*. М. С. 90–96.
- Гак В. Г. 1976. — К диалектике семантических отношений в языке. *Принципы и методы семантических исследований*. М. С. 73–91.
- Гак В. Г. 1972 — К проблеме общих семантических законов. *Общее и романское языкознание*. М. С. 144–155.
- Гак В. Г. 1977 — К типологии лингвистических номинаций. *Языковая номинация (Общие вопросы)*. Гл. VI. М. С. 230–293.
- Гак В. Г. 1966 — Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слов. *Вопросы языкознания*. № 2. С. 97–105.
- Гак В. Г. 1988а — Метафора: универсальное и специфическое. *Метафора в языке и тексте*. М. С. 11–26.
- Гак В. Г. 1988б — О сопоставительной стилистике. *Методы сопоставительного изучения языков*. М. С. 48–53.
- Гак В. Г. 1977. — Сопоставительная лексикология. М.
- Гак В. Г. 1999 — Человек в языке. *Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке*. М. С. 73–80.
- Гак В. Г. 1998 — Языковые преобразования. М.
- Гачев Г. Д. 1995 — Национальные образы мира. *Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос*. М. С. 11–31.
- Говердовский В. И. 1989 — Коннотемная структура слова. Харьков.
- Голанова Е. И. 1982 — Номинация в сфере автолексии. *Способы номинации в современном русском языке*. М. С. 176–187.

- Гронская Н. Э. 1995 — Семантическая структура русского многозначного слова (Опыт контрастивного анализа прилагательных вкуса). АКД. Нижний Новгород.
- Гудавичус А. 1973 — Использование метода компонентного анализа в исследовании семантической структуры слова. *Проблемы лексикологии*. Минск. С. 20–23.
- Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. 1976 — О компонентном анализе значимых единиц языка. *Принципы и методы семантических исследований*. М. С. 291–313.
- Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И. 1977 — Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков). *Национально-культурная специфика речевого поведения*. М. С. 147–165.
- Ди Пьетро Р. Дж. 1989 — Языковые структуры в контрасте. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика*. М. С. 82–121.
- Джеймс К. 1989 — Контрастивный анализ. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика*. М. С. 205–306.
- Дуличенко Л. В. 2002 — К семантической эволюции антрополексем в русском языке. *Valoda-2002. „Valoda dažādu kultūru kontekstā“*. Humanitārās fakultātes XII zinātniskie lasījumi. 1. daļa. Daugavpils. P. 100–106.
- Думанова Н. В. 1996 — Этнокультурные эмотивные коннотации во французском и русском языках. *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград-Архангельск. С. 176–183.
- Ермакова О. П. 1982 — Вторичная номинация в семантической структуре многозначных производных слов. *Способы номинации в современном русском языке*. М. С. 109–123.
- Ермакова О. П. 1984 — Лексические значения производных слов в русском языке. М.
- Ермакова О. П. 1972 — О некоторых закономерностях в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова. *Актуальные проблемы русского словообразования*. Ч. I. Самарканд. С. 68–72.
- Жоль К. К. 1984 — Мысль. Слово. Метафора. Киев.
- Журавлёв А. Ф. 1982 — Технические возможности русского языка в области предметной номинации. *Способы номинации в современном русском языке*. М. С. 45–109.
- Загоровская О. В., Фомина З. Е. 1964 — Экспрессивные и эмоционально-оценочные компоненты значения слова (к изучению оснований

- семантических процессов). *Семантические процессы в системе языка*. Воронеж. С. 31-40.
- Звегинцев В. А. 1957 — Семасиология. М.
- Звегинцев В. А. 2001 — Язык и лингвистическая теория. М.
- Иваненко Е. А. 1999 — Изменение семантики слов нормативного немецкого языка при переходе их в молодёжный жаргон. На примере метафорического переноса. *Слово в динамике*. Тверь. С. 49-58.
- Иванова С. В. 2000 — О языке, культуре и культурно-языковом коде. *Germanica. Slavica. Turkica*. Уфа. С. 318-321.
- Камелова С. И. 1997 — О механизме формирования переносных значений. *Облик слова*. М. С. 58-65.
- Карасик В. И. 1996 — Культурные доминанты в языке. *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград-Архангельск. С. 3-16.
- Караулов Ю. Н. 1976а — Общая и русская идеография. М.
- Караулов Ю. Н. 1976б — Словарь как компонент описания языков. *Принципы описания языков мира*. М. С. 313-340.
- Киприянова А. А. 1999 — Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков). АКД. Краснодар.
- Козлова И. Е. 1999 — Специфика явления мотивации слов в русском языке. АКД. Томск.
- Козловская М. М. 1995 — Семантическая деривация как источник новых обозначений (на материале словарей новых слов и значений). АКД. Минск.
- Коллар Д. 1978 — Специфика системного описания лексики в сопоставительном плане. *Языкознание в Чехословакии*. М. С. 403-412.
- Колосов В. В. 2002 — Философия русского слова. СПб.
- Колшанский Г. В. 1972 — Проблема универсалий языка. *Общее языкознание. Внутренняя структура языка*. Гл. 9. М. С. 545-561.
- Колшанский Г. В. 1980 — Контекстная семантика. М.
- Комлев Н. Г. 1969 — Компоненты содержательной структуры слова. М.
- Которова Е. Г. 1986 — Семантический объём термина “метафора”. *Общее и сопоставительное языкознание*. М. С. 29-36.
- Крюкова Н. Ф. 1992 — Метафора как средство обновления и сохранения семантических полей. *Сохранение и обновление языковых подсистем*. Тверь. С. 27-30.
- Кудрявцева Л. А. 1988 — Метафорическое преобразование слова в современном русском языке. *Филологические науки*, № 5. С. 62-66.

- Кузнецов А. М. 1992. — Семантика лингвистическая и нелингвистическая. Языковая и неязыковая. *Лингвистическая и экстралингвистическая семантика*. Сборник обзоров. М.. С. 5–27.
- Кузнецов А. М. 2000 — Этно-семантическая составляющая лексического значения в аспекте контрастивного анализа. *Язык: теория, история, типология*. М. С. 238–242.
- Левкиевская Е. Е. 1999 — Кикимора. *Славянские древности*. Этимологический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д–К. М.
- Лезметс Х. Д. 1988 — Компаративность и метафоричность в языках разных систем. *Метафора в языке и тексте*. М. С. 92–108.
- Лезметс Х. Д. 1984 — Отражение семантики слова в двуязычном словаре (На материале „Русско-эстонского словаря“ АН СССР). *Слово в языке и словаре*. М. С. 200–205.
- Леонтьев А. А. 2000 — Универсально-сопоставительная лингвистика. *Язык: теория, история, типология*. М. С. 210–213.
- Лийв М. 1982 — Голубой цвет в эстонском и русском языках *Русский язык в эстонской школе*. № 4. С. 22–26.
- Лийв М. 1986 — Прилагательное “красный” и его соответствия в эстонском языке. *Русский язык в эстонской школе*. № 6. С. 44–49.
- Лийв М. 1984 — Прилагательное “чёрный” и его соответствия в эстонском языке. *Русский язык в эстонской школе*. № 2. С. 23–26.
- Литвин Ф. А. 1984 — Многозначность слова в языке и речи. М.
- Литвинова М. Н. 1987 — Деривационно-прагматический анализ метафоры. АКД. Саратов.
- Лисицына Т. А. 1991 — Пополнение словаря и вопросы номинативной деривации в русском литературном языке XIII века. *Деривационные отношения в лексике русского языка*. Тверь. С. 98–106.
- Максимов С. В. 1991 — Нечистая сила. Неведомая сила. Кемерово. *Метафора в языке и тексте*. М., 1988.
- Минакова Е. Е. 1992 — Комплексный анализ субстантивной полисемии в немецком и русском языках. АКД. М.
- Мишланова С. Л. 1998 — Метафора в медицинском тексте (на материале русского, немецкого, английского языков). АКД. Пермь.
- Мокиенко В. М. 1999 — Образы русской речи. СПб.
- Москвин В. П. 1996 — Классификация русских метафор. *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград-Архангельск. С. 103–113.

- Москвин В. П. 1997 — Многозначность слова как результат взаимодействия семантически близких лексических классов. *Семантические аспекты значения*. Волгоград. С. 106–117.
- Мулламаа И. 1985 — Категория оценки и структура лексического значения слова. *Сопоставление языков как средство выявления особенностей их структуры*. Тлн. С. 26–27.
- Муране С. Н. 1990 — Сопоставительное изучение лексики русского и латышского языков (семасиологический аспект). Даугавпилс.
- Немзер У. 1989 — Проблемы и перспективы контрастивной лингвистики. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика*. С. 128–143.
- Никитин М. В. 1979 — О семантике метафоры. *Вопросы языкознания*. № 1. С. 91–102.
- Новиков Л. А. 1982 — Семантика русского языка. М.
- Петрищева Е. Ф. 1965 — Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени. *Развитие лексики современного русского языка*. М. С. 51–74.
- Петрищева Е. Ф. 1965 — Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке (опыт лингвистического эксперимента). *Развитие лексики современного русского языка*. М. С. 39–50.
- Петрова З. Ю. 1988 — Системный характер метафорических значений и употреблений слов в русском языке (на материале обозначений эмоциональных состояний человека). АКД. М.
- Петрова З. Ю. 1995 — Рецензия: Г. Н. Скляревская. Метафора в системе языка. *Вопросы языкознания*. № 5. С. 156–158.
- Пихлак А. И. 1979 — Значение валентного и компонентного анализа слов для составления русско-эстонских словарей. *Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 486. Труды по русской и славянской филологии*. Тарту. С. 123–142.
- Позднякова Н. В. 1995 — Метафора в научно-популярном стиле. АКД. Белгород.
- Пяль Э., Тотсель Э., Тукумцев Г. 1962 — Сопоставительная грамматика эстонского и русского языков. Тлн.
- Расторгуева Р. Л. 1982 — Артефактонимы — особая категория лексики. *Актуальные исследования лексики (немецкий язык)*. Калинин. С. 98–111.
- Рождественский Ю. В. 1968 — О лингвистических универсалиях. *Вопросы языкознания*. № 2. С. 3–13.
- Русская грамматика. Том 1. М., 1982.
- Селицкая И., Пихлак А. 1981 — Опыт сопоставления глаголов. *Русский язык в эстонской школе*. №1. С. 16–19.

- Семантическая общность национальных языковых систем.* Воронеж. 1986.
- Семантическая специфика национальных языковых систем.* Воронеж. 1985.
- Симашко Т. В., Литвинова М. Н. 1993 — Как образуется метафора (деривационный аспект). Пермь.
- Симашко Т. В. 1991 — Пути изучения метафоры. *Деривационные отношения в лексике русского языка.* Тверь. С. 62–78.
- Скляревская Г. Н. 1993 — Метафора в системе языка. СПб.
- Скляревская Г. Н. 1988 — Опыт системного описания языковой метафоры в словаре. *Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре.* М. С. 63–67.
- Скляревская Г. Н. 1996 — Реальный и ирреальный мир в толковом словаре (к вопросу о прагматическом компоненте слова). *Семантика и коммуникация.* СПб. С. 68–79.
- Скляревская Г. Н. 1988 — Языковая метафора в толковом словаре: Проблемы семантики (на материале русского языка). Ч. I–II. М.
- Скляревская Г. Н. 1989 — Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии. АКД. Л.
- Славянская мифология. 1998 — Словарь-справочник. Сост. Вагурина Л. В. М.
- Соболев А. Н. 1999 — Мифология славян. СПб.
- Соболева П. А. 1980 — Словообразовательная полисемия и омонимия. М.
- Степанов Ю. С. 1997 — Константы. Словарь русской культуры. М.
- Стернин И. А. 1979 — Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж.
- Супрун А. Е. 1988 — Принципы сопоставительного изучения лексики. *Методы сопоставительного изучения языков.* М. С. 26–31.
- Телия В. Н. 1977 — Вторичная номинация и её виды. *Языковая номинация: Виды наименований.* М. С. 129–221.
- Телия В. Н. 1986 — Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.
- Телия В. Н. 1995 — К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы. *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность.* М. С. 25–36.
- Телия В. Н. 1988 — Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция. *Метафора в языке и тексте.* М. С. 26–52.
- Телия В. Н. 1980 — Семантика связанных значений и их сочетаемости. *Аспекты семантических исследований.* М. С. 250–319.
- Телия В. Н. 1981 — Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М.

Теория метафоры. М., 1990.

Титц Г., Листрова Ю. Т. 1981 — Использование имён существительных неодушевлённых и названий животных в качестве обращений к лицу в русском языке. *Семантические категории сопоставительного изучения русского языка*. Воронеж. С. 57–61.

Тондл Л. 1975 — Проблемы семантики. М.

Трипольская Т. А. 1985 — О семантической структуре экспрессивного слова (на материале существительных со значением лица). *Русская лексика в историческом и синхронном освещении*. Новосибирск. С. 86–97.

Трипольская Т. А. 1985 — Экспрессивное слово в лексикографическом отражении (на материале эмоционально-оценочных характеристик лица). *Лексико-семантические группы современного русского языка*. Новосибирск. С. 63–74.

Трипольская Т. А. 1999 — Эмотивно-оценочная картина мира: признаки, функции, пути исследования. *Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике*. Новосибирск. С. 13–33.

Трипольская Т. А. 1999 — Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте. АДД. СПб.

Троянова Т. 1996 — Соотношение прямого и переносного значений в одной группе артефактонимов (Результаты эксперимента). *Русская филология. 7. Сборник научных работ молодых филологов*. Тарту. С. 420–425.

Троцкий И. 1996 — Проблемы языка в античной науке. *Античные теории языка и стиля*. М. 9–32.

Тукумцев Г. Р. 1951 — Сложные слова в русском и эстонском языке. *Nõukogude Kool*. № 10. Lk. 619–630.

Ульман С. 1970 — Семантические универсалии. *Новое в лингвистике. Вып. V (Языковые универсалии)*. М. С. 250–300.

Успенский Б. А. 1970 — Проблема универсалий в языкознании. *Новое в лингвистике. Вып. V (Языковые универсалии)*. М. С. 5–30.

Федотова Т. Н. 2000 — Экстралингвистические факторы в исследовании слов лексико-семантического поля красоты. *Реальность, язык и сознание*. Тамбов. С. 131–134.

Фефилов А. И. 1988 — Тенденции развития лексических значений в русском и немецком языках. *Системные отношения на разных уровнях языка*. Новосибирск. С. 92–100.

Фёдоров А. И. 1969 — Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск.

- Фомина З. Е. 1986 — Эмоционально-оценочные слова в лексической системе русского и немецкого языков. *Контрастивные исследования русского и немецкого языков*. Воронеж. С. 18–26.
- Харченко В. К., Стернин И. А. 1984 — К проблеме развития лексических значений слова. *Семантические процессы в системе языка*. Воронеж. С. 9–18.
- Харченко В. К. 1989 — Переносные значения слова. Воронеж.
- Харченко В. К. 1990 — Переносные значения слова: развитие, функции, место в системе языка. АДД. М.
- Харченко В. К. 1973 — Производное оценочное значение в структуре многозначного слова. *Научные труды Новосибирского государственного педагогического института*. Вып. 91. *Проблемы русского языка*. С. 42–57.
- Харченко В. К. 1984 — Образность в семантике слова. *Русский язык в школе*. № 3. С. 50–54.
- Харченко В. К. 1992 — Функции метафоры. Воронеж.
- Харченко В. К. 1972 — Эмоциональная оценка как средство развития значений. *Принципы и методы лексико-грамматических исследований*. Ч. 1. М. С. 116–120.
- Харченкова Л. И., Шашков Ю. А. 1999 — Облик человека в зеркале русского и испанского языков. *Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке*. М. С. 312–319.
- Хоккетт Ч. Ф. 1970 — Проблема языковых универсалий. *Новое в лингвистике*. Вып. V (*Языковые универсалии*). М. С. 45–76.
- Худяков И. Н. 1980 — Об эмоционально-оценочной лексике. *Филологические науки*. № 2. С. 79–82.
- Черемисина Н. В. 2000 — О путях изменения значений слов и некоторых лексико-семантических законах в диахронии языка. *Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии*. Калининград. С. 175–192.
- Шафиков С. Г. 1998 — Проблемы лексической семантики в свете языковых универсалий (на материале русского, английского, французского и татарского языков). АДД. Уфа.
- Шаклеин В. М. 1999 — Этническое мышление как средство восприятия лингвокультурной картины мира. *Виноградовские чтения: Когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике*. М. С. 64–65.
- Шаховский В. И. 1983 — Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград.
- Шаховский В. И. 1984 — Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи. *Вопросы языкознания*. № 6. С. 97–103.

- Шаховский В. И. 1987 — Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж.
- Шаховский В. И. 1994 — Типы значений эмотивной лексики *Вопросы языкознания*. № 1. С. 20–25.
- Шелякин М. А. 2002 — Язык и человек. Тарту.
- Шестак Л. А. 1997 — Русская языковая картина мира: номинативная динамика 80–90х годов. *Семантические аспекты значения*. Волгоград. С. 15–39.
- Шмелёв А. Д. 2002 — Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.
- Шмелёв Д. Н. 2002 — О переносных значениях слов. *Избранные труды по русскому языку*. М. С. 30–36.
- Шмелёв Д. Н. 1964 — О семантических изменениях в современном русском языке. *Развитие грамматики и лексики современного русского языка*. М. С. 4–17.
- Шмелёв Д. Н. 1973 — Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.
- Штернеманн Р. и др. 1989 — Введение в контрастивную лингвистику. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика*. С. 144–178.
- Щученко В. А. 1995 — Образы русской культуры: К проблеме объективного осмысления национального ценностного мира *Ценностный мир русской культуры*. СПб. С. 5–26.
- Ыйм А. 1980 — К вопросу о стилистической дифференциации лексики в эстонском и русском языках. *Советское финно-угроведение*. №2. С. 88–97.
- Ыйм А. 1982 — О выразительности и образности. *Русский язык в эстонской школе*. №1 С. 14–19. №2 (окончание). С. 17–21.
- Ыйм А. 1984 — О семантических свойствах слова в русском и эстонском языках. *Сопоставительный анализ лексических и грамматических средств разнотипных языков*. Тлн. С. 18–29.
- Ыйм А. 1983 — Русско-эстонские названия месяцев. *Русский язык в эстонской школе*. №3. С. 27–30.
- Ыйм А. 1981 — Семантическая структура слова в переводном словаре (на материале русского и эстонского языков). АКД. Воронеж.
- Янко-Триницкая Н. А. 1963 — Закономерности связей словообразовательного и лексического значений в производных словах. *Развитие современного русского языка*. М. С. 83–97.
- Яценко Е. Ю. 1999 — Культурологические механизмы адаптации концепта к лексической системе языка. *Реальность, язык и сознание*. Тамбов. С. 109–113.

- Allik J. 1981 — Metafoorist psühholoogi pilguga. *Looming*. № 1. Lk. 102–113.
- Goddard C. 1998 — *Semantic Analysis*. Oxford.
- Degel L. 2003 — Eestlaste ja venelaste värvimaailmast. Tartu.
- Eesti keele grammatika. I. Tln., 1995.
- Erelt T., Kull R., Põlma V., Raiet E., Torop K. 1971 — Keelekorraldus ja liit-sõnad. *Keel ja Kirjandus*. № 6. Lk. 367–374.
- Hendrikson K. 2002 — Keeleteaduse teooriate metafoorikäsitlusi. *Keel ja Kirjandus*. № 11. Lk. 764–776.
- Kasik R. 1996 — Eesti keele sõnatuletus. Tartu.
- Lado R. 1971 — *Linguistics across cultures*. Michigan.
- Lyons J. 1996 — *Linguistic semantics*. Part 1–2. Cambridge.
- Leemets H. 1987 — Võrdlevalt võrdlusest. *Keel ja Kirjandus*. № 11. Lk. 655–662.
- Ullmann S. 1981 — *Semantics: An Introduction to the science of meaning*. Oxford.
- Veskimägi E. 1985 — Vene-eesti sõnaraamatud algastme sõjalise ettevalmistuse vajadustest sõltuvalt. *Nõukogude Kool*. № 4. Lk. 28–30.
- Õim A. 1981 — Emotsionaalsest sõnavarast tõlkesõnaraamatus. *Keel ja Kirjandus*. № 1. Lk. 17–23.
- Õim A. 1980 — Täheenduse diferentseerumine eesti ja vene keeles. *Keel ja Kirjandus*. № 4. Lk. 208–214.
- Õim A. 1983 — Värvinimetuste moodustamisest ning kasutamisest eesti ja vene keeles. *Keel ja Kirjandus*. № 1. Lk. 26–32.
- Õim H. 1966 — Polüseemiliste sõnade tähenduste eristamisest. *Keele modelleerimise probleeme, 1*. Tartu. Lk. 197–21.

СЛОВАРИ

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1989.
- Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978–80.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мифологический словарь. М., 1992.
- Мифы народов мира. Т. 1–2. М., 1997.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981.
- Русский семантический словарь. Т. 1. М., 1998.

- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.
- Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
- Словарь иностранных слов. М., 1980.
- Словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1985–88.
- Словарь современного русского литературного языка: В 20-ти тт. Т. 1–3. М., 1991.
- Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти тт. М., 1950–65.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1985.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1967.
- Фразеологический словарь русского литературного языка. Т. 1–2. Новосибирск, 1991.
- Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.
- Eesti kirjakeele seletussõnaraamat: A–tundlus. I–VI. Tln., 1988–2002.
- Kleis R. jt. Võõrsõnade leksikon. Tln., 1979.
- Raun, A. Eesti keele etümoloogiline teatmik. Rooma–Toronto–Maarjamaa, 1982.
- Saagpakk, P. Sünonüümisõnastik. Tln., 1992.
- Saareste A. Eesti keele mõistelise sõnaraamatu. <http://www.eki.ee/dict/saareste/>
- Tamm, I. Eesti-vene sõnaraamat. Tln., 1981.
- Vene-eesti sõnaraamat. I–II. Tln., 1975.
- Õim, A. Sünonüümisõnastik. Tln., 1991.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Соотношение прямого и переносного значений в одной группе артефактонимов (Результаты эксперимента). *Русская филология*. 7. *Сборник научных работ молодых филологов*. Tartu, 1996. Lk. 420–425.
2. Метафорический перенос с артефакта на человека в русском и эстонском языках. *Русская филология*. 8. *Сборник научных работ молодых филологов*. Tartu, 1997. Lk. 270–276.
3. Ласкательные и бранные обращения как особый тип языковой метафоры (на материале русского языка). *Valoda-2001. Humanitārās fakultātes XI zinātniskie lasījumi. Valodas lingvistiskie aspekti. Lingvistikas didaktika*. Daugavpils, 2001. P. 70–74.
4. Метафорические значения существительных, связанных с семантическим полем религии и мифологии (характеристика человека). *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. V. Русский язык: система и функционирование*. Tartu, 2001. Lk. 89–95.
5. Антропоцентрическая метафора в русском языке (на материале имён существительных). *Международная научная конференция «Язык и культура». Москва, 14-17 сентября 2001 г. Тезисы докладов*. Москва, 2001. С. 238–239.
6. Метафорические наименования женщин в русском и эстонском языках (на материале имён существительных). *Valoda-2002. “Valoda dažādu kultūru kontekstā”. Humanitārās fakultātes XII zinātniskie lasījumi. 2. Daļa*. Daugavpils, 2002. P. 30–35.
7. Специфика метафорических наименований мужчины и женщины в русском и эстонском языках. *Материалы XXXI всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 8: Лексикология и лексикография (русско-славянский цикл). 11-16 марта 2002 г. Часть 2*. Санкт-Петербург, 2002. С. 8–15.
8. Метафорический портрет человека (на материале имён существительных русского языка). *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VIII. Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика*. Tartu, 2003. Lk. 234–243.
9. Метафорическое употребление наименований человека по профессии. *Studia Slavica. Сборник научных трудов молодых филологов III*. Tln., 2003. Lk. 411–417.
10. Метафорические значения русских и эстонских существительных, связанных с семантическим полем религии и мифологии (характеристика человека). *Siauliai (trūkis)*
11. Метафорические значения наименований человека по роду занятий (на материале русского и эстонского языков). *Daugavpils (trūkis)*.

KOKKUVÕTE

INIMKESKNE METAFOR EESTI JA VENE KEELES. NIMISÕNA.

Keeleteaduse praegusel arenguetapil on suurt tähelepanu pälvinud antropotsentriline aspekt — inimese peegeldus keelesüsteemis.

Keel on inimese mõtte, tegevuse, sajanditepikkuse kogemuse produkt, seetõttu on inimmaailma kajastumine keeles loomulik ja loogiline. Keele antropotsentrilisus väljendub kõige paremini sõnavaras: just sõnavara näitab teatud määral universumi mõistmise astet.

Iga keele leksika kujunemises ja arengus on tähtis osa metafooril kui uute sõnatähenduste liigil, kusjuures uute tähenduste funktsioon võib olla nominaatiivne (näiteks vene keeles *ножка стула*, *журавль колодца*) või iseloomustav (*puupakk*, *torn* inimese kohta eesti keeles).

Universaalsed semantilised protsessid, sealhulgas usuaalne keelemetafoor, põhinevad ühelt poolt mõtlemise üldinimlikel seaduspärasustel, teiselt poolt võivad need protsessid konkreetsetes keeltes väljenduda erisuguselt. Ka mitmetähenduslike keeleüksuste moodustamise vahendites ja sageduses on nii ühist kui erinevat, mis sageli johtub konkreetse keele süsteemi spetsiifikast. Seda ühist ja erinevat aitab välja selgitada kõrvutatav uurimus, mis R. Budagovi sõnul peab olema ammendav — vaid sel juhul on võimalik teha veenvaid järeldusi faktilise materjali põhjal.

Käesolev töö, mille sisuks on isikunimetustena kasutatavate ülekantud tähenduste, s.t antropotsentriliste metafooride uurimine, on käsitatav niisuguse ammendava uurimuse teatud fragmendina.

Ühise objektiga ülekantud tähenduste analüüs võib olla kasulik ka metafoori üldiste teoreetiliste probleemide lahendamise seisukohalt. 20.sajandi viimastel kümnenditel on märgatavalt kasvanud huvi keele semantilise struktuuri selle nähtuse vastu: on ilmunud hulgaliselt metafoori käsitlevaid kogumikke ja monograafiaid (vt [Метафора в языке и тексте 1988], [Теория метафоры 1990], [Скляревская 1993] jt). Metafoori on uuritud tõepoolest mitmekülgsest ja eri aspektidest lähtuvalt. Siiski on keeleteaduses praegusel etapil tunda puudust leksiko-semantiliste rühmade üksikasjalikust, täielikust analüüsist — ja nimelt metafoori võimalikkuse seisukohast nendes rühmades. Kui näiteks looma- ja esemete nimetuste ülekantud tähendusi eri keeltes on kirjeldatud üsnagi detailselt, siis inimest märkivate sõnade metafoorsed tähendused on peaaegu uurimata ala. Seejuures on metafoorteooria jätkuvaks arenguks vajalik rikkalik praktiline alus. Loodetavasti täidab käesolev antropotsentrilise metafoori uurimus mingil määral selle lünga.

Töö eesmärk seisnes järgmises:

1) uurida antropotsentrilist metafoori kui keele semantilist nähtust kõigi vastavate leksiko-semantiliste rühmade põhjal;

2) selgitada välja metafoorimudelite realiseerumise ühtsus ja erinevus kahe erisüsteemse mittesugulaskeele — eesti ja vene — nimisõnades; anda vastavate sarnasuste ja erinevuste kirjeldus;

3) teha võimaluse piires kindlaks nende ühis- ja erijoonte põhjused;

4) selgitada välja isikut märkivate ülekantud tähenduste-metafooride tekkimise seaduspärasused ja tendentsid.

Käesoleva töö eesmärkide hulka ei kuulu muude kujundlike keelevahendite (võrdluste, idiomaatiliste väljendite jmt) vaatlemine, mida samuti võidakse kasutada inimese iseloomustamiseks mõlemas kõrvutatavas keeles. Tähelepanu oli suunatud just metafoorile, selle esinemisele ja realiseerumise võimalustele keelesüsteemis.

Sellelaadne kõrvutatav uurimus vene ja eesti keele materjali põhjal on siiani puudunud, mis on seletatav objektiivsete põhjustega: puudus uuritava keeleainese allikas — eesti keele seletav sõnaraamat (“Eesti kirjakeele seletussõnaraamat” esimene väljaanne ilmus 1988. aastal).

Nii on käesolevas töös esmakordselt uurimise objektiks suure sõnarühma — inimese metafoorseks iseloomustamiseks kasutatavate nimisõnade — semantika.

Uurimuse aluseks on vene keele sõnastikes *Словарь русского языка* (toim. A. Jevgenjeva), *Семантический словарь русского языка* (toim. N. Švedova) ning *Eesti kirjakeele seletussõnaraamatus* sisalduv ainestik (et materjali ammendavalt esitada, on kasutatud käsikirju ja mustandeid, mis Eesti Teaduste Akadeemia Eesti Keele Instituudi töötajad lahkelt siinse töö autori käsutusse andsid). Mitut laadi täpsustusteks on kasutatud sünonüümi-, sõnamoodustus-, fraseoloogilisi ja etümoloogilisi sõnaraamatuid ning ka võõrsõnade leksikone. Mees- ja naisisiku metafoorsete nimetuste uurimisel olid abiks eesti keelt emakeelena kõnelevate informantide küsitluse tulemused.

Uuritavaks keeleaineks oli 551 vene ja 412 eesti keele mitmetähendusliku sõna semantiline struktuur (vastavalt 576 ja 431 metafoorilist tähendust). Uurimise käigus on võrreldud mõlema keele nimisõnade tähendusi — esmast ja ülekantud tähendust. Metafoorse tähenduse aluseks olevate seemide väljaselgitamine toimus komponentanalüüsi abil. Tähelepanu alt ei ole välja jäänud metafooriga kaasnevad stiilivarjundid, samuti hinnangulisuse ja ekspressiivsuse ilmingud. Kogutud sõnad kuuluvad järgmistesse leksiko-semantilistesse rühmadesse:

- 1) inimest märkivad nimisõnad;
- 2) loomanimetused;
- 3) taimenimetused;
- 4) esemete nimetused;
- 5) füüsilise maailmaga seotud nähtuste ja ainete nimetused;
- 6) haiguste nimetused;

7) abstraktsed nimisõnad.

Väitekiri koosneb kahest osast. Esimeses osas — „Metafoorne ülekantud tähendus sõnastruktuuris“ — esitatakse analüüsi teoreetilised lähtepunktid: kirjeldatakse metafoori uurimise mitmesuguseid aspekte ja tänaseks välja-kujunenud vastavaid suundi keeleteaduses, vaadeldakse metafoori kui sõna teisese tähenduse liigi eripära. Ära on toodud usuaalse keelemetafoori võimalikud erinevad klassifikatsioonid; ka on püütud tõestada, et reeglina pöördumissõnadena kasutatavaid desemantiseerunud hellitus- ja kirumissõnu (nt *солнышко*, *kullake* või *бес*, *kurat*) võib käsitleda keelemetafoori eriliigina, mille aluseks on hinnanguline konnotatsioon. Selle osa viimases peatükis põhjendatakse metafoori võrdleva uurimise vajadust.

Üksikasjalikumalt peatugem kahel teoreetilises osas sisalduval põhimõttel.

Esiteks, oluline on klassifikatsioon, millele tugineb uuritava ainese analüüs. Nagu eespool öeldud, püüab nüüdisteadus uurida metafoori kõiki ilminguid. Tänapäeva keeleteaduses käsitlust leidnud aspektide loetelu on järgmine:

1) metafoori seemiline struktuur, ülekantud tähenduste moodustumise mehhanism;

2) metafoor leksiko-semantilistes rühmades;

3) metafoori morfoloogilised, sõnatuletuslikud ja süntaktilised omadused;

4) metafoor kui stiilivahend;

5) metafoor kui ekspressiivsuse saavutamise vahend;

6) metafoor kui leksikograafia objekt;

7) metafoori objektiline kuuluvus, keeleüksuste ja keeleväliste objektide vahekord;

8) metafoor kui keelevälise tegelikkuse tunnetamise vahend;

9) metafoori loogiline alus referentsiteooria seisukohalt;

10) metafoor kui assotsiatiivne mehhanism interpretatsiooni ja kõnetaju seisukohalt.

Seegi juba seletab metafoori klassifikatsioonide rohkust.

Uuritava materjali analüüsiks oli vaja sellist klassifikatsiooni, mis lubaks seostada kolme osist: **lähteobjekti**, **tähenduse ülekande alust** ja **metafoori objekti**. Sobivaks osutus V. Hartšenko vaatenurk, mille kohaselt usuaalsed keelemetafoorid jagatakse kaheks tüübiks — **otsese ja teisenenud, transformeerunud** (V. Hartšenko — **vahendatud**) **tunnusseosega**. Nende vahe seisneb selles, kas objekti mingi tunnus metafoori alusena teiseneb, muutub või jääb muutumatuks.

Seega jõuab analüüs seemilise struktuuri tasandile ja arvestab metafoori moodustumisel toimuvaid muutumisi. Töö käigus teostatud ülekantud tähenduste analüüs võimaldab täpsustada V. Hartšenko meetodit ning eristada otsese tunnusseosega metafooride kolme tüüpi:

1) eseme, nähtuse jne **diferentsiaaltunnustel** põhinevad metafoorid (s.t ülekantud tähenduse kujunemisel domineerivad diferentsiaalseemid, mis on püsiva, obligatoorse tunnuse märgiks), nt *torn*;

2) **perifeersetel** seemidel põhinevad metafoorid (perifeersed seemid tähistavad teisejärgulisi tunnuseid, mis tihtipeale on seotud üldtuntud asjaoludega kultuuri- või religioonivaldkonnast), nt *variser*;

3) **potentsiaalsetele** seemidele tuginevad metafoorid (potentsiaalsed seemid kajastavad olme- ja kultuurivallast pärinevaid tunnuseid, millel reeglina ei ole reaalsel alust), nt. *rebane*;

Tundub, et niisugune otseselt seemide tasemel teostatav lingvistiline analüüs võimaldab käsitleda metafoorinähtuse eri tahke ja selgitada selle nähtuse seaduspärasusi.

Teine töö teoreetilises osas esitatud aspekt, mille tuleks siinkohal peatuda, on hellitus- ja kirumissõnad kui usuaalse keelemetafoori eriliik, nt *золотко* / *kullake*; *чертяка* / *kurat*.

Keelemetafoori uurimisel jääb see üsna arvukas sõnarühm tihtipeale teadlaste poolt tähelepanuta, mis on täiesti mõistetav, kuna sõnaraamatutes leiduv kommentaar „hellitussõnana“ või “kasutatakse kui kirumissõna“ võib tunduda puudulik (kuidas uurida tähenduse arengut, kui tähendus ise justkui puuduks ja on asendunud kõnefunktsiooniga).

Näib, et niisugused desemantiseerunud pöördumissõnad on käsitletavad metafoori eriliigina. Sellelaadse ülekantud tähenduse funktsioon on anda isikule nimetus, mille kaudu on võimalik väljendada oma suhtumist sellesse isikusse. Seega sarnaneb isik sel juhul metafoori lähteobjektiga mitte teatud omaduste, vaid suhtumise poolest sellesse objekti. Niisuguse metafoori eesmärk ongi anda isikule hinnang lähteobjektiga seotud negatiivsete või positiivsete emotsioonide kaudu. Metafoor tugineb sel juhul sageli juba esmasele tähendusele omase hinnangulise konnotatsiooni aktualiseerumisele.

Märkigem ka, et kui vaadeldava keelenähtuse puhul rakendada V. Kolessovi teooriat idee sõnas peegeldumise võimalustest, mille tulemusena eristuvad sõnad-mõisted, sõnad-kujudid ja sõnad-sümbolid (vt [Kolessov 2002]), siis võib öelda, et metafoorid-pöördumissõnad läbivad tee kujunditest sümboliteks — siit ka nende gradatsioon piltlikkuse hajumise ja desemantiseerumise taseme järgi.

Töö teises osas — „Antropotsentriline metafoor: ülekandemudelid vene ja eesti keeles“ — on esitatud mitmetähenduslike, ülekantult isikunimetustena kasutatavate nimisõnade analüüs. Igas peatükis antakse antropotsentrilise metafoori ühe võimaliku mudeli kirjeldus.

Enne kui rääkida uurimuse tulemustest, vaatleksime tabelit vene ja eesti mitmetähenduslike, ülekantult isikunimetustena kasutatavate sõnade kohta:

Lähteobjekt	Metafooriliste tähenduste arv vene keeles	Metafooriliste tähenduste arv eesti keeles
1) esemed	263 / 45,7 %	186 / 43,2 %
2) loomad	128 / 22,2 %	101 / 23,4 %
3) inimene	92 / 15,9 %	76 / 17,7 %
4)mütoloogiline olend	44 / 7,6 %	39 / 9,0 %
5) taim	18 / 3,1 %	10 / 2,3 %
6)füüsiline maailm	17 / 3,0 %	9 / 2,1 %
7)inimese või looma kehaosa	5 / 0,9 %	4 / 0,9 %
8) haigused	5 / 0,9 %	3 / 0,7 %
9)abstraktsed mõisted	4 / 0,7 %	2 / 0,5 %
10) teatud kontuu-rid	—	1 / 0,2 %
Kokku	576 / 100 %	431 / 100 %

Näitlik on vene ja eesti keele antropotsentrilise metafoori protsendiline suhe: erinevused ei ületa kahte protsenti. See lubab oletada, et võimalused metafoori tekkeks ühe või teise leksiko-semantilise rühma piires alluvad keeltes üldistele seaduspärasustele (loomulikult saab seda oletust kinnitada või ümber lükata teiste keelte andmete varal).

Märkigem, et metafoorsete isikunimetuste arvu erinevuse põhjuseks on osalt võrreldavate keelte eripära, näiteks paralleelsete mees- ja naissoost sõnade ülekantud tähenduse võimalus vene keeles (*софист* / *софистка*; *охотник* / *охотница* jne). Eesti keeles on metafoorsus omane ka ühesõnalistele idioomidele (nt *unekott*), millele vene keeles on sageli vasteteks püsiühendid ja mis ei kuulu käesolevas töös uuritava ainestiku hulka.

Metafoori varal saavad esitatud sõnarühmades piltliku iseloomustuse

- 1) inimese välimus;
- 2) hinge- ja kõlbelised omadused;
- 3) inimese roll ühiskonnas;
- 4) inimese eluviis, kombed, harjumused.

Iga leksiko-semantilise rühma analüüsi käigus selgus metafoorsete tähenduste kujunemise ja isiku iseloomustuse eripära antud sõnarühmas. Loomulikult puuduvad kõigile sõnarühmadele vaieldamatult sobivad üldised metafoorimudelite algoritmid, kuid on põhjust rääkida igale rühmale omastest seaduspärasustest.

Esemete nimetustest lähtuvate isikunimetuste puhul näiteks domineerivad teisenenud tunnuseosega metafoorid. Selle põhjus seisneb arvatavasti selles, et otsene tunnuseos võiks sel juhul kajastada vaid nägemis- ja kuulmistaju (nt

пышка, kõrend) või teatud analoogiat eseme otstarbe ja inimese sotsiaalse rolli vahel (nt *кумип, puuslik*). Ilmselt ei saa niisuguste ühiste tunnuste hulk olla suur, samal ajal kui tunnuse teisenemise, übermõtestamise võimalus oluliselt laiendab metafoori piire; selle kinnituseks on analüüsi käigus selgunud metafoori algoritmide arvestatav hulk:

1) eseme raskus + kõvadus + liikumatus → isiku rumalus	<i>Болван, бревно, чурбан / риирakk, riinott</i>
2) terav ese → vaimuerksus, nutikus (<i>esemenimetuste alusel vaid eesti keeles</i>)	<i>Naaskel, nõelik</i>
3) eseme otstarbega seotud liikumise piiratus → isiku sõltuvus	<i>Марионетка / marionett / hüpiknukk</i>
4) meeldiv maitse, magusus → meeldiv isik	<i>Сахар, kompvек</i>
5) eseme otstarbest ja struktuurist olenev asendi muutus ruumis → silmakirjalikkus, vaadete sage muutmine	<i>Флюгер / tuulelipp</i>
6) automaatsus, töö mehhaniseeritus → isiku tegevuse šabloonsus	<i>Машина, автомат / automaat</i>
7) eseme väikesed mõõdmed → isiku tähtsusetus ja sõltuvus	<i>Винтик / kruvike</i>
8) materjali mõningane vormitus, pehmus → isiku tahtejõuetus + vene keeles: → kohmakus, aeglus, lõtvus eesti keeles: → pehme iseloom, arglikkus → iseloomunõrkus, abitus → laiskus	<i>Тряпка / kalts, narts</i> <i>Тюфяк, мешок</i> <i>Pastel</i> <i>Karukas</i> <i>Ohelik</i>
9) suured mõõdmed → isiku tähtsus	<i>Колосс / koloss, столп</i>
10) eseme näiv robustsus → isiku harimatus, jõhkros	<i>Сапог / saabas</i>
11) eseme liikumatus + väline sarnasus elusolendiga → hingetus, südametis (<i>ainult vene keeles</i>)	<i>Кукла, идол, истукан</i>
12) eseme väärtus / väärtuse puudumine → kalid / kõlbmatud, tähtsusetud, põlastatavad isikud	<i>Сокровище / aare</i> <i>отбросы, отребье</i>

Iseloomulik on, et potentsiaalsete seemide aktualiseerumisel põhinevad metafoorid esemenimetuste seas puuduvad: praktilise suhtumise tõttu esemetesse ei ole ajaloo ja kultuuriga seotud assotsiatsioonid neile omased.

Kuna desemantiseerunud metafoorid (hellitus- ja kirumissõnad) reeglina tuginevad lähteobjekti teatud väärtushinnangule kõneleja teadvuses, siis on nende hulk esemenimetuste seas üsna väike: need on lekseemid, mille otsetähend-

duses sisalduvad väärtuse olemasolu või puudumist märkivad seemid (*сокровище; шваль, подонки* jne).

Üldiselt sobivad vene ja eesti keeles esemete nimetused ülekantud tähenduses nii inimese konkreetsemate omaduste märkimiseks — välimuse ja sotsiaalse rolli järgi (otsese tunnusseosega metafoorid) kui ka tema sisemaailma (moraalsete omaduste ja vaimsete võimete) iseloomustamiseks (teisenenud tunnusseosega metafoorid). Autori arvates on oluline, et kuigi analoogiline metafoorne tähendus võib kõrvutatavate keelte sõnavastetel ka puududa, on sarnaste iseloomustuste edasiandmist võimaldavate esemenimetustele tuginevate metafooride tekkepõhimõtted ühtsed.

Oma seaduspärasused on loomanimetuste metafoorsetel tähendustel. Nii on mõlemas kõrvutatavas keeles metafoorid omasemad kodu- ja metsloomade, putukate ja väiksemal määral kalade nimetustele.

Oluline on märkida, et loomanimetuste seas domineerivad otsesel tunnuseosel põhinevad metafoorid, kusjuures tunduva osa neist moodustavad potentsiaalsetel seemidel rajanevad ülekantud tähendused: *luca / rebane* — kavala, *осёл / eesel* — rumala isiku kohta. Ainult loomanimede puhul on võimalik diferentsiaalseemide ja kultuurilis-religioossete ning olme- arusaamadega seotud perifeersete seemide koosesinemine. Näiteks on inimese ja koera pikaajalise kooseksisteerimise tõttu nii vene kui eesti keele kõnelejate teadvuses kinnistunud vasturääkivad, polaarsed assotsiatsioonid: nii äärmiselt positiivsed (*собачья преданность, верность; собака — друг человека*) kui ka negatiivsed (*злой, как собака*). Mõlema keele metafoorisüsteemis kajastuvad eelkõige negatiivsed ettekujutused: sõnu *собака / koer* ja *нѣс / peni* tarvitatakse halvasti käituva inimese põlgliku, laitva nimetuse ja tihtipeale kirumissõnana. Sõnaga *свора* (~‘koerakari’) nimetatakse põlastavalt bandet, jõuku, taunitavaid tegusid kordasaatvaid inimesi. Ka võib oletada, et taolise ülekantud tähenduse väljakujunemisega on kaasnenud religioossed arusaamad koerast kui ebapuhtast, kirikut rüvetavast loomast. Piiblis (nii Vanas kui Uues Testamendis) nimetatakse koerteks (*собаки, псы*) patuseid, seadust eiravaid inimesi, samuti paganaid ja valeprohveteid (vrd eesti *uskmatu koer*). Liiatigi oli koer teatavasti juba paganlikus slaavi mütoloogias üheks tumedate jõudude (nt metsavaimu) kehastuseks.

Mitmetähenduslike loomanimede analüüs kinnitab järjekordselt inimese huvi loomastiku vastu: loomad on elusolendid, inimene jälgib neid, püüdes mõista ja seletada looma käitumist, kusjuures seletustel võib olla loogiline alus (diferentsiaal- või perifeersedel tunnustel põhinevad metafoorid) või tuginevad need mingitele oletustele (potentsiaalsetel tunnustel põhinevad metafoorid). Loomanimetuste metafoorsed tähendused on reeglina hinnangulised ja iseloomustavad isikut tema välimuse, kalduvuste, käitumisviisi ning ka hingelaadi ja moraalsete omaduste järgi. Arusaadav on viimase iseloomustuse domineerimine: see toetub keele kõneleja teadvuses kinnistunud arusaamadele loomariigist.

Võrdlus esemete nimetustega näitab, et loomanimetuste metafoorsete tähenduste aluseks on vähem algoritme, mis võimaldaksid prognoosida ja määrata ülekantud tähenduste arengutendentse selle sõnarühma piirides:

1) suur loom → pikk või tüse, suurt kasvu isik (+võimalik: kohmakas)	<i>Боров / orikas</i>
2) piklik kuju, väline kõhnus → kõhn isik	<i>Одёр, выдра, kilu</i>
3) väike putukas → lühikest kasvu isik, laps	<i>Клон, ritsikas</i>
Looma käitumine → isiku kalduvus	<i>Обезьяна / ahv, мартышка / pärdik</i>
Koduloomad → rumalus	<i>Овца / lammas</i>
Loomade instinktid → himurus	<i>Жеребец / täkk</i>
Metsloomad → isiku jõhkрус, mittejuhitavus, julmus	<i>Зверь / metsloom</i>
Teravad okkad → pilkavus, sapisus (<i>ainult vene keeles</i>)	<i>Ёж, ехидна</i>
Libe → pugejalik isik (<i>eesti keeles</i>)	<i>Mollusk, libekala</i>
Väike loom → tähtsusetus, tühisus, sõltuvus	<i>Насекомое / putukas</i>
Roomamisvõime → pugejalik, ennast alandav isik	<i>Рептилия / roomaja</i>

Seda tulemust võib pidada ettearvatuks: kõik sõltub inimese ettekujutustest konkreetsest loomast, selle käitumisest ja tinglikult öeldes „iseloomust“. Seejuures on oluline, et loomanimetuste ülekantud tähendused on mõlemas keeles suuremas osas ühesugused või sarnased: see tõestab loomariigiga seotud ühise assotsiatsioonide kogumi olemasolu. Näib, et loomanimetuste ülekantud tähendusi võib pidada teatud mõttes antropotsentriliste metafooride kõige kindlapiirilisemaks rühmaks, kuna nende metafooride aluseks olevad assotsiatsioonid on kujunenud pika aja jooksul, kinnistunud rahvaluules ja jäänud keele kõneleja teadvusse pidama niivõrd tugevasti, et isegi kestva kontakti puudumisel loomariigiga (või ilmselt just seetõttu) ei saa ettekujutused ühest või teisest loomast muutuda.

Metafoor „inimene — inimene“ on mõlemas keeles esindatud kõige rikkalikumalt; suur on vastavate leksiko-semantiliste rühmade hulk: siin on isikuni-metused ameti, sotsiaalse staatuse, mõttelaadi, maailmavaate jne järgi.

Seda tüüpi metafoori kujunemise üldisi suundi aitab määrata leksiko-semantiliste rühmade analüüs. Nii on näiteks mõlemas keeles ametinimetuste seas valdavad otsese tunnuseosega metafoorid, kusjuures ülekande aluseks on diferentsiaalsemid, mis kajastavad isiku funktsiooni (*адвокат / advokaat*) või põhilist, olulisimat, ametialast seisundit ja edukust määravat omadust (*ac*). Mõlemal juhul toimub tähenduse laienemine — ametialaselt üldise (näiteks isikutevaheliste suhete) poole.

Enamasti puudub ametinimetuste ülekantud tähendustel emotsionaalne või hinnanguline konnotatsioon, kuna tegemist on teatud mõttes „tõsiasi konstateeringuga“.

Hinnangut võivad küllalt teravalt väljendada eelkõige potentsiaalsetel seemidel põhinevad metafoorid, mis peegeldavad ühiskonnas väljakujunenud stereotüüpset ettekujutust ühe või teise ameti esindajatest (näiteks ametnike tegevusest: *бюрократ* / *bürokraat*).

Teisenenud tunnusese on selle leksiko-semantilise rühma puhul täheldatav üsna harva — vaid juhtudel, kus tähendus kantakse ametialasest valdkonnast üle moraalsesse, vaimsesse sfääri (isiku moraalsed omadused saavad positiivse või negatiivse hinnangu: *проститутка* / *prostituut*).

Üldiselt kasutatakse ametinimetuste metafoorseid tähendusi isiku niisuguste moraalsete omaduste iseloomustamiseks, mis mõjutavad tema sotsiaalset rolli, käitumisviisi ja suhteid teistega. Elukutset ja tegevuse laadi seostatakse mõlemas keeles teatud iseloomujoontega; selles mõttes on metafoor mingit ametit pidava inimese omamoodi psühholoogiline portree: niisugusena paistab selle kutseala esindaja. Näiteks *клоун, шут, паяц, гаер* 'härraste narr', *скоморох, фигляр, буффон* 'koomilisi rolle mängiv näitleja operettides ja vodevillides' vene keeles ja sünonüümsed *kloun, pajats, narr*, argikeelne *tola, veiderdaja*, kus ülekantud tähenduse kujunemise käigus on toimunud semantiline nihe: mitte lihtsalt teisi lõbustada ja olla naljakas, vaid olla pilkealuseks, mis saab hinnangu kui alandav, vääritud, mõnikord arutu inimese rumal käitumine: eesti lekseeme *tola* ja *narr* kasutatakse ka rumala inimese kohta. Metafooriga kaasneb sel juhul negatiivne konnotatsioon ning ülekantud tähendusel on põlastav varjund.

Iseloomulik on, et ettekujutused ametitest on vene ja eesti keele kõnelejade teadvuses enamjaolt sarnased.

Metafoorid, mis kujunevad tähenduse ülekandmisel mütoloogilise olendi nimetuselt inimesele, toetuvad mõlemas keeles religioosset päritolu arusaamadele ja rahvamütoloogiale. Ülekaalus on kristlusega seotud ning rahvapärimestes kinnistunud leksika (*бес, чѐрт, pagan, kurat, sarvik, põrguline* jms). Vene ja eesti keele sõnade ülekantud tähenduste sarnasus on märgatav just selles sõnarühmas: arvatavasti on siin oluline üldiste, rahvusväliste assotsiatsioonide roll.

Mütoloogiliste olendite ülekantud tähendused kuuluvad enamjaolt metafooride-pöördumissõnade hulka, kusjuures usuvaldkonnast pärinevad tumedate jõudude (nt mainitud *чѐрт, бес / pagan, kurat* jm) ja mütoloogiliste olendite (*леший, кикимора* jt) nimetused on kõneleja teadvuses sageli kaotanud oma eritunnused ja muutunud lihtsalt kurja alge sümboliks. Mütoloogiliste olendite nimetuste laialdane kasutamine pöördumissõnadena on ilmselt seletatav sellega, et metafoori lähteobjekti on suhtunud austuse ja vaimustuse või hirmu, viha, põlgusega, s.t objekt oli seotud tugevate emotsioonidega.

Selle sõnarühma metafoorsed tähendused tuginevad peamiselt diferentsiaal- (*кощей, левиафан* jt) või perifeersetele seemidele (*вакханка*), seega on

valdav otsene tunnusseos. Teisenenud tunnusseosega metafoorid peaaegu puuduvad: mütoloogilisi olendeid on peetud inimesesarnasteks ning võrdlus nendega ei erine palju võrdlusest inimesega (ülekantud tähenduse aluseks oleva tunnuse ümbermõtestamine, teisendamine on reeglina üleliigne).

Taimede ja füüsilise maailma nähtuste nimetustele, samuti abstraktsetele nimisõnadele ei ole kõrvutatavates keeltes antropotsentrilised ülekantud tähendused iseloomulikud; vastavad sõnarühmad on seetõttu esindatud vähearvuliselt. Kui vaadelda neid nimetusi teistest leksiko-semantilistest rühmadest eraldi, siis võiks järeldada, et ülekantud tähendused on siin juhuslikku laadi. Ometi on ülekantud tähenduste süsteemsus märgatav just võrdluses teiste leksiko-semantiliste rühmadega: teistes sõnarühmades metafoori aluseks olevad tunnused on seda ka ebaproduktiivsete metafoorimudelite puhul, kusjuures tulemus on sarnane. Näiteks kui on täheldatud seost eseme pehmuse ja isiku leplikkuse, järeleandlikkuse või iseloomunõrkuse vahel (*шелк*) on loogiline eseme kõvaduse võrdlemine meelekindlusega — *кремень*, argikeeles *кремешок* → kindla-meelse inimese kohta.

Uuritava materjali analüüsi lõpetab peatükk „Mees- ja naissoost isiku metafoorsete nimetuste spetsiifika vene ja eesti keeles“, kus on toodud vene ja eesti keeles üksnes mees- või naisisiku kohta tarvitata- vate ülekantud nimetuste uurimise tulemused, näiteks *пышка* naise, *пень* mehe kohta. Sooga seotud metafoorsete nimetuste uurimine tundub otstarbekana nii metafoorimudelite realiseerumise seisukohalt kõrvutatavates mittesugulaskeeltes kui ka semantika ja grammatilise sookategooria seose vaatepunktist.

Ülekantud tähenduste analüüs näitas, et ainult mees- või ainult naisisikute metafoorsed nimetused on rohkem levinud vene kui eesti keeles. See on seletatav elutuid esemeid märkivate nimisõnade suurema hulga, samuti mütoloogiliste olendite ja loomanimetuste sookategooriaga.

Mõlemas keeles on mehe või naise iseloomustamiseks kasutatavad ülekantud tähendused omasemad isiku- (*королева* / *kuninganna*) või mütoloogiliste olendite nimetustele (*кикимора*, *nõid*).

Struktuurilt põhinevad niisugused metafoorid reeglina otsestel tunnusseostel, nende aluseks on suhteliselt läbinähtavad assotsiatsioonid; erandiks on rumala meesisiku iseloomustamiseks kasutatavad metafoorid: *дуб*, *пень*, *чурбан*, *болван* / *tümikas*, *puupakk* (mõlemad sõnad sagedamini mehe kohta), *сапог*, *лапоть*, *лопух*, *колпак* (kõik need metafoorid tuginevad teisenenud tunnusseostele).

Analüüs näitas, et naisisiku metafoorne iseloomustus nii vene kui ka eesti keeles kajastab stereotüüpset, traditsioonilist ettekujutust õrnema soo esindajast: mõlemas keeles on levinud välimuse iseloomustus (*богиня* / *jumalanna*), märgitakse jutukust (*сорока* / *harakas*, *чечётка*, *трещотка*), rumalust (*курица* / *kana*), riikust ja tigidust (*фурия* / *fuuria*, *ведьма* / *nõid*, *nõiatoor*, *колотовка*, *tulehark* ‘кочегра’), kergemeelsust ja püsimatust (*стрекоза* / vrd kujundlikkuselt

sarnased *ritsikas*, *tirts* ‘кузнечик’, *liblikas* ‘бабочка’), liiga vaba käitumist (*вакханка*) või liigset häbelikkust (*весталка*).

Мeesisiku metafoorne iseloomustus põhineb mõlemas keeles ettekujutusel ideaalsest mehest — teovõimelisest, tugevast, targast kaitsjast. Vastavalt on keele metafoorisüsteemis kinnistunud selliste omaduste positiivne hinnang nagu vaprus, jõulisus (*богатырь* / *vägilane*), võime olla ühiskonnas edukas (*муз* / *äss*); negatiivne hinnang antakse niisugustele omadustele nagu nõrkus (*баба* / *тетт*), rumalus (kusjuures rumala meesterahva põlglike nimetuste arv on märgatavalt suurem vastavast naisi iseloomustavate metafooride arvust), noorus (*щенок* / *kutsikas*) ja vanadus (järelikult teovõimetus: *мухомор*, *сморчок*), madal seisund ühiskonnas ja orjalik käitumine suhetes tugevama või ka naisisikuga kui nõrkuse ilming (*холуй*, *лакей*, *паж*).

Huvitav on asjaolu, et usuaalsed keelemetafoorid eristavad naise ja mehe funktsioone ühiskonnas: mehe iseloomustus antakse tema sotsiaalse seisundi ning professionaalse tegevuse järgi (kuid puuduvad metafoorid meesterahva rolli järgi perekonnas — ülekantud tähendused isa kohta), samal ajal kui naist hinnatakse just tema emarolli seisukohalt (*кукушка*, *емалõvi*).

Võib tunduda, et antropotsentriline metafoor on kõrvutatavates keeltes kõigiti sarnane. Loomulikult ei ole see nii: on algoritme, mis realiseeruvad vaid ühes kõrvutatavatest keeltest (näiteks selline omadus nagu materjali pehmus, selle mõningane vormitus saab ümbermõtestamisel vene keeles inimese kohmakuse, aegluse, lõtvuse sümboliks, samal ajal kui eesti keeles assotsieerub see tunnus inimese tahtejõuetuse, abituse või laiskusega); nii vene kui eesti keeles leidub lekseme, millel ei ole teises keeles analoogilist antropotsentrilist metafoorset tähendust. Ometi on oluline asjaolu, et isikut märkivate metafoorsete ülekantud tähenduste tekke põhialused on mõlemas keeles ühised.

CURRICULUM VITAE

Татьяна Троянова родилась 7 ноября 1974 г. в г. Фрунзе (Бишкек) в Киргизии.

Окончила отделение русской и славянской филологии Тартуского университета в 1995 г. В 1995–1998 гг. училась в магистратуре при кафедре русского языка Тартуского университета. В 1998 г. защитила магистерскую диссертацию «Полисемия русских и эстонских артефактонимов (опыт сопоставительного анализа)» (научный руководитель — доц. Э. А. Вайгла; диссертация удостоена премии Академии наук Эстонии на конкурсе студенческих научных работ).

С 1997 г. — учитель русского языка и литературы Тартуской Славянской гимназии.

В 2000–2001 гг. — референт кафедры русского языка (0,5).

В 1998–2003 гг. — докторант кафедры русского языка Тартуского университета.

CURRICULUM VITAE

Tatjana Trojanova on sündinud 7.11.1974 Kirgiisias Frunze linnas (Biškek).

On lõpetanud Tartu filoloogia osakonna 1995. a.

1995–1998 Tartu Ülikooli vene keele õppetooli magistrant; 1998. a. kaitses magistriväitekirja «Полисемия русских и эстонских артефактонимов (опыт сопоставительного анализа)» (juhataja dots. E. Vaigla; Eesti Teaduste Akadeemia Üliõpilaste teadustööde konkursi preemia).

Alates 1997. a. Tartu Slaavi Gümnaasiumi vene keele ja kirjanduse õpetaja.

2000–2001 Tartu Ülikooli vene keele õppetooli referent.

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE
UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. Юрий Кудрявцев. Очерки по русской исторической фонологии и морфонологии. Тарту, 1996. 157 с.
2. Светлана Туровская. Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997. 138 с.
3. Елена Погосян. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. 160 с.
4. Ирина Белобровцева. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997. 168 с.
5. Светлана Кульюс. «Экзотерические» коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998. 210 с.
6. Леа Пильд. Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, 1999. 136 с.
7. Роман Лейбов. «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000. 143 с.
8. Валентина Щаднева. Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000. 212 с.
9. Александр Данилевский. Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темиряева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000. 151 с.
10. Татьяна Фрайман. Творческая стратегия и поэтика В. А. Жуковского (1800-е – начало 1820-х годов). Тарту, 2002. 166 с.

ISSN 1406-0809
ISBN 9985-56-768-4